

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3 (2 РОСТ-РУС) 6

ЖЕНСКИЕ ОБРАЗЫ В ПРОЗЕ Л. УЛИЦКОЙ

А. Ш. Абдуллина, Е. Э. Латыпова

Бирский филиал Башкирского государственного университета, Бирск, Россия

Рассматривается трансформация женского образа в прозе Л. Е. Улицкой. Повесть «Сонечка», роман «Медея и ее дети» воссоздают культурную атмосферу эпохи, отражают авторский взгляд на литературную ситуацию на пороге нового тысячелетия. Рассмотрение особенностей художественного мира писателя в аспекте поэтики способствует определению существенных особенностей современной прозы.

Ключевые слова: *современная проза, поэтика, женский образ, проза Л. Е. Улицкой.*

Женским образам в литературе всегда уделялось особое внимание. Женщины изображались на страницах произведений и как самостоятельные личности, занимающие особое место в обществе, влияющие на ход событий, и как второстепенные персонажи, помогающие раскрыть особенности характера главного героя, его положительные или же отрицательные стороны. Красоту и обаяние женщины воспевали великие русские поэты: А. С. Пушкин, А. А. Фет, Ф. И. Тютчев, А. И. Ахматова, М. И. Цветаева и многие другие. Психологизм женского образа, его глубину показывали в прозаических текстах А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой. Драматизм женской судьбы изображен в пьесах Н. А. Островского, А. П. Чехова, А. С. Грибоедова.

В произведениях разных эпох женский образ претерпевал изменения, обусловленные самим временем. Конец XX — начало XXI в. — эпоха переходная, переломная в сознании общества и русских писателей, поскольку шло переосмысление места России в современном мире, места человека в обществе, особенностей русского менталитета, влияние прогресса на личность.

Объектом нашей работы является творчество яркого писателя переломной эпохи — Людмилы Улицкой. В произведениях она изображает современность, обычную жизнь человека в реальных для всех нас условиях жизни. Рассказы писательницы были опубликованы в начале 1980-х гг. в Париже, а затем изданы на родине. В конце 1980-х гг. журнал «Огонек» напечатал ее произведения, составившие позднее сборник «Бедные родственники» (1999). Однако настоящую популярность Л. Улицкой принесли повесть «Сонечка» (1992) и роман «Медея и ее дети»

(1996), вошедшие в шорт-лист Буковской премии. В 1996 г. повесть «Сонечка» была отмечена французской премией Медичи за лучший перевод книги. В 1997 г. писательница была удостоена Международной премии «Москва — Пене», а двумя годами позже — итальянской Джузеппе Ацбери. В 2001 г. роман Л. Улицкой «Казус Кукоцкого» получил премию Smirnoff-Букер, а режиссер Юрий Грымов снял по роману двенадцатисерийный сериал «Казус Кукоцкого». В 2006 г. произведения Л. Улицкой были признаны в Китае «лучшими иностранными книгами года».

Активное исследование творчества Л. Улицкой началось в 1990-е гг.: Н. Егорова («Проза Л. Улицкой 1980–2000-х годов»), С. Тимина, Т. Ровенская, Т. Прохорова (вопрос о соотношении мифологического и реального в первом романе писательницы «Медея и ее дети»), М. Карапетян, В. Юзбашев, Е. Щеглова (анализ внутреннего мира героев повести «Веселые похороны»), И. Некрасова, Г. Ермошина, В. Скворцов (выявление особенностей хронотопа романа «Казус Кукоцкого»), Н. Лейдерман и М. Липовецкий (анализ смысла заглавий романов) и многие другие [1; 3; 4; 5; 6]. В целом споры о своеобразии художественного метода Л. Улицкой не утихают и в настоящее время.

Изучив современную критическую литературу по ее творчеству, мы пришли к выводу, что анализу женского образа не уделяется особого внимания, хотя образ женщины в прозе Л. Улицкой интересен и многогранен. В ее прозе нашли отражение особенности женских образов классической литературы, а также реалии жизненного уклада конца XX — начала XXI в., что проявилось в противоречивых образах писательницы. Ее книги переведены более чем на 25 языков,

литературоведы называют ее творчество «прозой нюансов», поскольку «тончайшие проявления человеческой природы и детали быта выписаны у нее с особой тщательностью» [13. С. 3].

Образы, созданные Л. Улицкой, отличаются нестандартностью изображения. Одновременно с этим многие из них интертекстуальны, отсылают нас к античности, классике. К примеру, образ Медеи Л. Улицкой перекликается с образами античной Медеи Гесиода, Пиндара, Еврипида, Аполлония Родосского и многих других. Она сохраняет некоторые черты античности в своей героине, но одновременно с этим осовременивает ее. Ее Сонечка отсылает нас к одноименным героиням Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого и других классиков русской литературы. Литературоведы Н. Л. Лейдерман и М. Н. Липовецкий относят прозу Л. Улицкой (наряду с прозой Л. Петрушевской, М. Палей, И. Полянской и др.) к неонатурализму. Автор изображает изнанку жизни (алкоголизм, жизнь бомжей, аборт и прочее), отсылает к мифологии, ее «новая женская проза» обнажает кошмар внутри жизненных реалий: в любовных отношениях, в семейном быту [6]. Роман «Казус Кукоцкого» близок фрагментарно к натурализму, Л. Улицкая «вводит в роман немало грубо натуралистических описаний — полостные операции, “выскабливания”, последствия криминальных абортов, анатомические подробности, жуткий вид иссеченной матки с проросшей в ней луковичей и т. п.» [7. С. 345].

Произведения Л. Улицкой ориентированы на прозу жизни, она показывает, что такие процессы, как любовь, страсть, деторождение, неотделимы от страданий, боли, унижений. В жизни человека сочетается и положительное, и отрицательное. Жизнь — это космос, представляющий интерес для ученых, философов. И ребенок появляется точно из черной дыры — столь поэтично и одновременно отталкивающе показывает писатель появление живого существа в этом мире.

Американская исследовательница Хелена Гошило объясняет феномен «новой женской прозы» тем, что она «разрушает традиционные для русской культуры идеальные представления о женской скромности, верности и жертвенности, выдвигая на первый план жизнь женского тела» [7. С. 346]. Действительно, многие персонажи Улицкой на первый план ставят удовлетворение физиологических потребностей, а не духовных. Таковы Таня — дочь Сонечки, Тоня — приемная дочь Елены. Стоит заметить, что главные геро-

ини Улицкой: Сонечка, Елена, Медея — полны духовной жизни, они выше всех остальных. Не найдя себя в этой жизни, Елена сходит с ума, Медея после смерти мужа так и не выходит замуж, Сонечка после измены мужа «уходит» в мир книг. Л. Улицкая нашла свою нишу в современной русской литературе, создала целую галерею женских образов нашего времени.

Образ женщины в литературе претерпел значительную эволюцию: углублялся психологизм, усложнялся, становился многограннее внутренний мир. Если в древних романах идеал женского образа — это благородная красавица, в изображении которой важна лишь внешность, то в реализме он усложняется, и на первый план выдвигается внутренний мир женщины.

Рассмотрев особенности женских образов в творчестве Л. Е. Улицкой на примере образа Сонечки в одноименной повести Улицкой, мы обнаружили в нем влияние женских образов классической литературы таких авторов, как Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский и др.

Сонечка — фигура незаурядная, она резко отличается от женских типажей классической литературы: «нос ее был действительно грушевидно-распывчатый, а сама Сонечка, долговязая, широкоплечая, с сухими ногами и отсиделым тощим задом, имела лишь одну статью — большую бабью грудь, рано отросшую да как-то не к месту приставленную к худому телу. Сонечка сводила плечи, сутулилась, носила широкие балахоны, стесняясь своего никчемного богатства спереди и унылой плоскости сзади», — это далеко не эталон женской красоты [10. С. 148]. Мы привыкли видеть главной героиней харизматичную красавицу, умницу, которая знает, что хочет от жизни, которая обладает сильным женским чутьем. Соня же не такая. Она с детства погружена в свой собственный мир, в мир книг и воображаемых героев. Такой типаж чаще всего называют «синим чулком», внешне она неприметная серая мышь.

Этот образ имеет автобиографические черты. Сама писательница с детских лет была погружена в книги, самостоятельно открывала для себя писателей, читала их, заучивала наиболее интересные моменты. Она спокойно цитировала рассказы О. Генри, обожала творчество Б. Пастернака.

Начало повести датируется 30-ми гг. прошлого века. История обычна для современности. Сонечка с детства живет в мире книг, но, взрослея, она сталкивается с жестокой реальностью. Работая в библиотеке (из дома с книгами она по-

падает в «Храм» книг!), Соня встречает своего спутника жизни. Он старше ее, в прошлом художник, был судим, владеет французским языком. Его история очень интересна и необычна, судьба бросала его по свету, посылала различные испытания. Как подарок она преподнесла ему тихое семейное счастье.

С появлением семьи Сонечке становится не до книг: «Сонечкино дарование яркого и живого восприятия книжной жизни отуманилось, как-то одеревенело, и оказалось вдруг, что самое незначительное событие по эту сторону книжных страниц — поимка мышки в самодельную ловушку, распустившаяся в стакане заскорузлая и сплошь мертвая ветка, горсть китайского чая, случайно добытая Робертом Викторовичем, — важнее и значительнее и чужой первой любви, и чуждой смерти, и даже самого спуска в преисподнюю, той крайней литературной точки, где совершенно сходились вкусы молодых супругов» [10. С. 157]; «все у Сонечки изменилось так полно и глубоко, как будто прежняя жизнь отвернулась и увела с собой все книжное, столь любимое Соней содержание и взамен оставила немислимые тяготы неустроенности, нищеты, холода и каждодневных беспокойных мыслей о маленькой Тане и Роберте Викторовиче, которые попеременно болели» [10. С. 159].

Для Сонечки семья — это главное. Семья — это уют, тепло, полное взаимопонимание, дети, жертвенность, жизнь для любимых людей. В этом горячем семейном порыве она продолжает традиции толстовской Наташи Ростовской, для которой семья важнее всей роскоши высшего света. Она всегда хотела большую семью, мечтала о детях. Но дочь отталкивает ее, живет своей жизнью. Муж влюбляется в подругу дочери — Ясю, которую Сонечка приняла как родную, приютила, была рада ее приходам. С материнской любовью заботилась она о сироте, но вместо благодарности ее ждала измена мужа, его любовь к молодой хрупкой девушке. Удивительно то, что даже сквозь боль от предательства она была рада счастью мужа: «Как это справедливо, что рядом с ним будет эта молодая красотка, нежная, тонкая и равная ему по всей исключительности и незаурядности, и как мудро устроила жизнь, что привела ему под старость такое чудо, которое заставило его снова обернуться к тому, что в нем есть самое главное, к его художеству» [10. С. 148]. После смерти мужа Сонечка принимает Ясю, организует похороны, выставку картин.

Это христианское терпение, умение прощать, понимать мы прослеживаем в образе Сони Мармеладовой из романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». Соня Мармеладова — добрая, кроткая, покладистая и всепрощающая. Она берет на себя грех, чтобы спасти своих родных, прокормить семью. Она является хранителем идей Евангелия. Она мученица, живет ради других, не судит окружающих, принимает мир таким, какой он есть. Соня с радостью следует за Раскольниковым куда угодно, сопровождает его. Она приносит в его душу свет, облагораживает Родиона, помогает ему найти Бога в себе. Она имеет смысл жизни: любовь. Вероятно, поэтому тихая и кроткая Сонечка Мармеладова помогает спастись Раскольникову, который оступился и потерял опору в жизни. Именно Соня помогает Раскольникову осознать, насколько сильно его заблуждение, какое чудовищное деяние он совершил.

Героиня романа Л. Н. Толстого «Война и мир» Соня — племянница и воспитанница старого графа Ростова — выросла в семье дяди. Сдержанная, молчаливая, рассудительная, осторожная, она тоже живет ради других. Соня красива духовно и нравственно чиста. Героиня Л. Улицкой тоже носит имя Соня. Но оно содержит уменьшительно-ласкательный суффикс «ечк» — Сонечка. Писатель с любовью относится к своей героине. Одновременно с этим мы можем предположить, что такое имя выбрано для героини не случайно. С начала произведения автор знакомит нас с маленькой девочкой по имени Сонечка. На протяжении всей повести имя не меняется, оно не осложняется фамилией, отчеством, в отличие, например, от мужа Сонечки, Роберта Викторовича. Это свидетельствует о незрелости характера героини, а также о ее простоте. Сонечка осталась такой же доброй и мягкой, не озлобилась, когда от нее ушел муж. Мы видим, что Л. Улицкая точно подобрала имя для своей героини, оно отражает ее внутренний мир. К тому же мы наблюдаем, что благодаря интертекстуальным связям с произведениями классиков характер главной героини раскрывается наиболее полно.

Еще одна характерная для Сонечки черта — всечеловеческая толерантность. Она проявляется «в праве любить человечество, в способности не ненавидеть другие народы за их национальное своеобразие» [11. С. 205]. Л. Улицкая описывает в книге взаимоотношения Сонечки с людьми разных национальностей: поляками, евреями,

русскими, — но не подчеркивает их различия, напротив, представители разных народов живут дружно, в их среде нет межнациональной розни. Их «таинственным образом объединяет духовная связь» [11. С. 206]. Сонечка и Роберт Викторович, только познакомившись, испытывают друг к другу теплые чувства, женятся. Таня и Яся, пообщавшись несколько дней, становятся лучшими подругами. А Сонечка принимает Ясю как родную дочь.

У Сонечки мы видим характерное для Востока созерцание мира сердцем, она по-детски наивна, в начале своего жизненного пути главным для нее был мир книг, после замужества ее жизнь ограничилась бытом, жизнью ради мужа и дочери. Она искренне переживает за Танечку, радуется ее успехам, но огорчается, когда та бросает учебу. В поведении героини можно увидеть влияние западных моделей поведения. «Образование нужно», — испуганно говорит Сонечка [10. С. 168]. Она понимает, что учеба необходима, сама Сонечка окончила библиотечный техникум и долгое время работала в библиотеке. Поразительно то, насколько смогла Сонечка, жившая в мире грез, приспособиться в настоящем мире. После замужества Сонечка с мужем оказались в непригодных для жизни условиях. Военное время, высылка в «дикую Башкирию» в село Давлеканово. Жизнь впроголодь. Самодельные игрушки для дочки. Но и в таких непростых обстоятельствах Сонечка была счастлива от осознания того, что рядом два родных человека: муж и дочь, — поэтому все горело у Сонечки в руках. Это показывает еще одну особенность русского человека — «повышенную готовность к перенесению жизненных невзгод» [10. С. 206].

Символично и то, что Соня возвращается в конце своей жизни к тому, с чего началась ее жизнь — к чтению. Она чужая для этого мира, не может найти в нем себя. Краткое озарение семейной жизни стало для нее счастливым подарком. Это тот тип «лишних людей», которым не удастся найти себя, свой путь в этом мире в силу вечного поиска идеала, смысла этой жизни. Она снова погружается в мир книг, уходит от окружающей реальности, чуждой для нее, в «сладкие глубины, в темные аллеи, в вешние воды» [10. С. 192].

Проанализировав образ Сонечки, мы убедились, что Л. Улицкая рисует перед читателем образ современной женщины — с богатым внутренним миром, но зачастую слепой в любви; об-

наруживающей незаурядную склонность к дому, к семье. Во всем героиня идет на крайность, будь то чтение или же семейная жизнь.

Медея Мендес, в девичестве Синопли — последняя «чистопородная гречанка в семье, поселившаяся в незапамятные времена на родственных Элладе таврических берегах» [13. С. 5].

Медея бездетна, она всю жизнь ухаживала за чужими детьми. Медея от рождения носит это имя, в ее облике можно увидеть черты античной богини, она обладает чудесным даром, а мышление ее мифологично.

В романе множество символов, начиная с имени главной героини. Первая ассоциация при прочтении романа — Медея, возлюбленная аргонавта Ясона, которая помогла ему выкрасть «золотое руно» и бежать. После того как Ясон покинул колдунью, она жестоко отомстила ему, погубив соперницу. Но Медея Л. Улицкой другая. После смерти мужа она уже не выходит замуж, хранит его память: «Первые десять лет она носила все исключительно черное, впоследствии смягчилась до легкого белого крапа или мелкого горошка все по тому же черному. Черная шаль не по-русски и не по-деревенски обвивала ей голову и была завязана двумя длинными узлами, один из которых плоско лежал на правом виске. Длинный конец шали мелкими античными складками свешивался на плечи и прикрывал морщинистую шею. Глаза ее были ясно-коричневыми и сухими, и темная кожа лица тоже была в мелких сухих складках» [13. С. 5].

Почему же роман назван «Медея и ее дети», ведь Медея не могла иметь детей? Действительно, своих детей у Медеи не было, однако она стала матерью для многочисленных родственников, которых она растила с детства. «Поскольку племянников было около тридцати, график составляли еще зимой: больше двадцати человек четырехкомнатный дом не выдерживал» [13. С. 6], поэтому у Медеи всегда в доме были гости. К Медее как к центру семьи стремились многочисленные братья и сестры, их дети и внуки. Ее дом — это символ семейного счастья, где все находят себе покой. Он точно стоит в центре мироздания, вдалеке от жизненных неурядиц и невзгод. Его можно сравнить с маленьким ковчегом Ноя, в который все стремились, желая спастись от потопа жизни. У нее имеется собственный архив, в котором она хранит письма, документы, семейные ценности и даже волосы от стрижки своих племянников.

Медея очень наблюдательна. От нее не скроешь никакие перемены в жизни, она замечает малейшее изменение в природе, в мире. Окружающие также подозревают у нее колдовские способности.

Медея — монумент, основа Крыма, «для местных жителей Медея Мендес давно уже была частью пейзажа» [13. С. 5]. Она ходила на работу, занималась повседневными делами. И никто не мог представить Крым без Медеи. Так и ее семья не представляла свой род без Медеи.

С. Ю. Воробьева в статье «Женские и мужские образы в романе Л. Улицкой “Медея и ее дети” (гендерный аспект)», анализируя образ Медеи, говорит о том, что «портрет главной героини романа Медеи Синопли предваряет сюжетное действие, постепенно вплетаясь в него» [2. С. 53]. И действительно, образ главной героини складывается из черт окружающего мира: «цветовой гаммы, графических символов, пространственных и временных координат, очертаний материальных предметов, звуков и запахов» [2. С. 53]. Читатель точно представляет образ Медеи только при сопоставлении ее с окружающей средой. Поэтому читатель находится в некотором сотворчестве с Л. Улицкой: сам додумывает образ и характер героини, ее речь, поведение.

В отличие от своих мифологических тезок Медея глубоко и прочно связана с землей. Она «помнила, где и когда можно взять нужное растение», «была собирательницей шалфея, чабреца, горной мяты, барбариса, грибов, шиповника» [13. С. 8]. Это показывает ее неординарность, но необычность бытовую, приземленную.

В героине в определенной степени присутствует гордость, честолюбие, умение руководить людьми: она является главой семьи, выдает свою подругу Елену замуж за Федора, все члены семейства обращаются к ней за советом, за помощью. Неоднократно герои романа говорят о мужестве и мужественности Медеи, а автор отмечает мужской размер ее обуви, большие руки и высокий рост.

Медея — мать, но она мать своего многочисленного семейства, поскольку ей пришлось растить своих братьев и сестер после смерти матери. Когда они взрослеют и разлетаются из родного гнезда, Медея скучает. Она и замуж выходит только потому, что к будущему мужу у нее возникло материнское чувство и желание защищать его. У всех родственников дом Медеи ассоциируется с храмом, в который они приезжают точно на поклонение, каждый из них считает необхо-

димым привезти с собой подарки — дары, поэтому в доме Медеи не иссякает поток родственников. Медея поражалась: «почему ее прожаренный солнцем и продутый морскими ветрами дом притягивает все это разноплеменное множество — из Литвы, из Грузии, из Сибири и Средней Азии» [13. С. 48]. В ее такой холодной зимой дом летом набивалась масса народа, и этот дом начинал напоминать дом ее детства, в котором постоянно было множество детей. Стоит отметить и то, что дом Медеи не будет пустовать и после ее смерти: любимый племянник Георгий с женой Норой продолжат миссию тети.

Семья Медеи огромна, родственники связывают свою судьбу с представителями различных национальностей. Медея была замужем за евреем, ее сестра Анеля за грузином, братья женились на армянках, француженках, латышках... Они легко покидали родные места. Эта традиция сохранилась и в следующих поколениях: например, дочь Федора и Елены — Наташа — вышла замуж за корейца, а третьим мужем Ники станет итальянец, и она уедет жить в Равенну. Члены семьи не боятся уезжать из родных мест, но с отъездом их связь с семьей не обрывается. Они знают, что всегда могут вернуться в родной дом, возвышающийся над всем окружающим миром. Они не теряют индивидуальности, несмотря на то, что входят в другую культуру. Их рыжая шевелюра всех оттенков выделяется среди толпы.

В доме Медеи царят свои законы, свои порядки. Дом открыт для всех, но каждый должен подчиняться общепринятым законам. Эти патриархальные традиции сохраняют в доме атмосферу некоего семейного храма. Государство при этом не имеет главенствующей роли. Семейство Синопли живет по своим внутренним законам, предпочитая держаться подальше от государственных дел.

Медея Л. Улицкой — интроверт, она молчалива, никто не знает, что у нее происходит в душе. Разговор она никогда не начинает первой, внимательно наблюдает за окружающими, делает выводы, а если кто спросит совета — посоветует. У нее есть только один человек, которому она все рассказывает, сохраняет тесную связь — ее подруга Елена. После того как Медея узнает об измене мужа (уже после его смерти находит письмо), она решает все рассказать своей подруге, даже едет к ней. Но постепенно ее желание поделиться угасает, она видит, что измена царит не только в ее семье.

Медея стоит над временем, время не властно над ней. Вся семья знает — Медея всегда будет, к ней можно приехать, «закинуть» детей. Она стоит над политикой, возвышается над окружающими так же, как и ее дом. Она похожа на античную богиню, сидящую на Олимпе. Автор постоянно подчеркивает ее уникальность, непохожесть на других.

Образ Медеи несет в романе тему семьи, отражает авторскую идею. «Семья — основа всего, но семейное начало постоянно вытравлялось, навязывалась идея, что общественное выше личного. И мой роман “Медея” — а это книга, посвященная старшему поколению, — это в некотором смысле мой вопль о семье», — говорит Л. Улицкая [13. С. 4]. И мы видим, что на первом плане в романе стоит семья, с ее устоями, традициями, взаимоотношениями. А Медея является хранительницей этого домашнего очага, Вестой нашего времени.

Образ Медеи сложен и многогранен. Л. Улицкая показала в романе сложную цельную натуру. Она выполняет функцию, которая традиционно отводится в культуре женщине — это олицетворение родовой традиции. Она воплощает в себе высокие моральные качества, способствует сохранению нравственных устоев и культурных ценностей общества.

В целом на страницах романа Л. Улицкая изобразила монументальный образ, в котором сочетаются черты представительниц разных эпох. Поэтому мы можем смело сказать, что образ Медеи — вневременной, это некий собирательный образ, отражающий женское и материнское начало.

На основе проведенного исследования мы приходим к выводу, что Л. Улицкая, создавая систему персонажей, опирается на традиции предшествующей литературы: античности, классицизма, реализма, натурализма, постмодернизма. Женские образы в прозе Л. Е. Улицкой содержательны, они обладают сложной душевной организацией, некоторые женские образы в романах и повестях частично автобиографичны, носят собирательный характер. В творчестве Людмилы Евгеньевны доминирует мотив семьи, мотив дома. Писатель проводит своих персонажей (главных и второстепенных) через испытание любовью. Для одних героев любовь носит созерцательный характер, она создает счастье, умиротворяет. Героини создают домашний очаг и поддерживают его. Для других любовь по большей части носит примитивный характер, она обыденна, рассматривается ими как физиологический процесс.

Таким образом, мы видим, что Л. Е. Улицкая создала на страницах своих произведений целую систему женских персонажей. Они живут, борются за личное счастье, создают семью.

В целом творчество Людмилы Евгеньевны можно рассматривать как поиск женского счастья, борьбу за него. Читая ее произведения, мы понимаем, что счастье невозможно найти, что оно существует здесь и сейчас, оно недолговечно, поэтому нужно ценить каждый миг, проведенный с родным человеком, с близкими людьми. Трагические финалы произведений показывают нам, что нужно стремиться не к счастью, не к какой-то фантомной мечте, а понимать, что этот миг больше не повторится, что нужно наслаждаться каждой минутой прожитой жизни.

Список литературы

1. Богданов, К. А. Филология и антропология: изучение литературы в эпоху Интернета / К. А. Богданов // Рус. лит. — 2014. — № 1. — С. 5–18.
2. Воробьева, С. Ю. Медея и ее дети (гендерный аспект) / С. Ю. Воробьева // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. — 2013. — Сер. 8. — Литературоведение. Вып. 12. — С. 52–61.
3. Егорова, Н. А. Проза Л. Улицкой 1980–2000-х годов (проблематика и поэтика) : дис. ... канд. филол. наук / Н. А. Егорова. — Волгоград, 2007. — 180 с.
4. Ермошина, Г. Л. Улицкая. Путешествие в седьмую сторону света / Г. Л. Ермошина // Знамя. — 2000. — № 12. — С. 201–203.
5. Карапетян, М. В. Аристократы духа, бражники и блудницы. Легкое дыхание героев Л. Улицкой / М. В. Карапетян // Культура. — 1998. — № 27. — С. 10–14.
6. Колядич, Т. М. Русская проза XXI века в критике: рефлексия, оценки, методика описания / Т. М. Колядич, Ф. С. Капица. — М., 2010. — 430 с.
7. Лейдерман, Н. Л. Современная русская литература: 1950–90-е годы / Н. Л. Лейдерман, М. Н. Липовецкий. — М., 2003. — Т. 2. — 530 с.

8. Скокова, Т. А. Проза Людмилы Улицкой в контексте русского постмодернизма : дис. ... канд. филол. наук / Т. А. Скокова. — М., 2010. — 168 с.
9. Тимина, С. И. Ритмы вечности (роман Людмилы Улицкой «Медея и ее дети») / С. И. Тимина // Русская литература XX века в зеркале критики. — М.; СПб., 2003. — С. 537–548.
10. Тимина, С. И. Современная русская литература конца XX — начала XXI века / С. И. Тимина. — М., 2011. — 384 с.
11. Трофимов, В. К. Менталитет русской нации / В. К. Трофимов. — Ижевск, 2004. — 272 с.
12. Улицкая, Л. Е. Детство сорок девять: Рассказы / Л. Е. Улицкая. — М., 2003. — 94 с.
13. Улицкая, Л. Медея и ее дети / Л. Улицкая. — М., 2001. — 320 с.

Сведения об авторах

Абдуллина Амина Шакирьяновна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры филологии, Бирский филиал Башкирского государственного университета. Бирск, Россия. aminaabdullina@mail.ru

Латыпова Елена Эдуардовна — аспирант кафедры филологии, Бирский филиал Башкирского государственного университета. Бирск, Россия. leno4.1991@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2017. No. 3 (399). *Philology Sciences. Iss. 105. Pp. 7–14.*

FEMALE IMAGES IN THE PROSE OF L. ULITSKAYA

A. Sh. Abdullina

Birsk branch of the Bashkir State University, Birsk, Russia. aminaabdullina@mail.ru

E. E. Latypova

Birsk branch of the Bashkir State University, Birsk, Russia. leno4.1991@mail.ru

In our research work we considered transformation of the female image in the prose of L. E. Ulitskaya. The peculiarities of the classic literature female characters and the realities of the late XX — the beginning of XXI centuries way of life are reflected in the prose and therefore manifested in the contradictory images developed by the writer.

On the basis of the research undertaken we conclude that L. Ulitskaya created the system of characters drawing on the tradition of the earlier literature. The female images in the prose of L. E. Ulitskaya are substantial; they possess complex mental organization. In Lyudmila Evgenievna's works the motifs of family and home dominate. The writer conducts her characters (main and secondary) through the ordeal of love.

Thus, L. E. Ulitskaya has created an entire system of characters throughout the pages of her works. They live, fight for the individual happiness, create their families. In general Lyudmila Evgenievna's works can be regarded as a search for happiness, struggle for it. The tragic denouements of the literary works show us that one must not strive for happiness, some phantom dream but should realize that the moment will never happen again and that one should enjoy every minute of his/her life.

Keywords: *contemporary prose, image, poetics, artistic world.*

References

1. Bogdanov K.A. Filologiya i antropologiya: izuchenie literatury v epohu Interneta [Philology and Anthropology: Literary Studies in the Age of Internet]. *Russkaya Literatura* [Russian Literature], 2014, no. 1, pp. 5–18. (In Russ.).
2. Vorobieva S.Yu. Medeya i eyo deti (gendernyj aspekt) [Medea and her children (the gender aspect)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta* [Herald Volgograd State University], 2013, ser. 8, iss. 12, pp. 52–61. (In Russ.).
3. Egorova N.A. *Prosa L. Ulitskoy 1980–2000-h godov (problematika i poetica)* [Prose of L. Ulitskaya of the 1980th–2000th (problematics and poetics)]. Volgograd, 2007. 180 p. (In Russ.).

4. Ermoshina G.L. Ulitskaya. Puteshestvie v sedmuyu storonu sveta [Ulitskaya. Journey to the seventh side of the world]. *Znamya* [Flag], 2000, no. 12, pp. 201–203. (In Russ.).
5. Karapetyan M.V. Aristokraty duha, brazhniki i bludnitsy. Legkoe dyhanie geroev L. Ulitskoy [The aristocrats of the spirit, revelers and the harlots. Light breath of Ulitskaya characters]. *Kultura* [Culture], 1998, no. 27, pp. 10–14. (In Russ.).
6. Kolyadich T.M., Kapitsa F.S. *Russkaya prosa XXI veka v kritike: refleksiya, otsenki, metodika opisaniya* [Russian prose of XXI century in criticism: reflection, assessments, methodology of description]. Moscow, 2010. 430 p. (In Russ.).
7. Leyderman N.L., Lipovetskiy M.N. *Sovremennaya russkaya literatura: 1950–90-e gody* [Contemporary Russian literature: 1950th–90th], vol. 2. Moscow, 2003. 530 p. (In Russ.).
8. Skokova T.A. *Prosa Lyudmily Ulitskoy v kontekste russkogo postmodernizma* [Prose of Lyudmila Ulitskaya in the context of Russian postmodernism]. Moscow, 2010. 168 p. (In Russ.).
9. Timina S.I. Ritmy vechnosti (Roman Ludmily Ulitskoy “Medeya i eyo deti”) [Rhythms of eternity (Novel of Lyudmila Ulitskaya “Medea and her children”)]. *Russkaya literatura XX veka v zerkale kritiki* [Russian literature of the XX century in the mirror of criticism]. Moscow; Saint Petersburg, 2003. Pp. 537–548. (In Russ.).
10. Timina S.I. *Sovremennaya russkaya literatura kontsa XX — nachala XXI veka* [Contemporary Russian literature of the end of the XX — the beginning of the XXI centuries]. Moscow, 2011. 384 p. (In Russ.).
11. Trofimov V.K. *Mentalitet russkoy natsii* [Russian nation mentality]. Izhevsk, 2004. 272 p. (In Russ.).
12. Ulitskaya L.E. *Detstvo sorok devyat: Rasskazy* [Childhood forty-nine: short stories]. Moscow, 2003. 94 p. (In Russ.).
13. Ulitskaya L.E. *Medeya i eyo deti* [Medea and her children]. Moscow, 2001. 320 p. (In Russ.).

УДК 821.112.2
ББК 83.3 (3)

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР ИОГАННЕСА БОБРОВСКОГО: ПОСТИЖЕНИЕ РЕАЛЬНОСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ ПИСАТЕЛЯ ВОСТОЧНОЙ ГЕРМАНИИ СЕРЕДИНЫ XX ВЕКА

Г. Т. Гильфанова

*Набережночелнинский институт Казанского (Приволжского) федерального университета,
Набережные Челны, Россия*

Раскрывается своеобразная и сложная картина художественного мира восточнопрусского писателя польского происхождения И. Бобровского. Используя определенные языковые средства, писатель кодирует собственное эмоциональное отношение к передаваемым событиям, персонажам и в то же время стремится вызвать у адресата текста эмоции, созвучные художественному замыслу своих произведений: одновременное осуществление функции самовыражения и функции воздействия.

Ключевые слова: *художественная картина мира, поэтическое мирозерцание, художественное осмысление истории, история Германии.*

Художественная картина мира исследуемого нами автора — специфическая форма мировосприятия, которая выступает как альтернатива реальному миру, — представляет собой результат его творческой деятельности и отличается удивительным своеобразием. Иоганнес Бобровский — самобытный, глубоко народный поэт и писатель. Его произведения, отмеченные оригинальным талантом, новаторской переработкой национального литературного опыта, получили широкое признание не только в обеих частях Германии, но и в Европе.

В Восточной Германии Бобровский получил популярность, собственно, через ФРГ. Став гордостью и достойным представителем Восточной зоны, он в равной степени был оценен «и здесь и там», а его работы и он сам сохраняли действие, силу (Рут Тиллингер в «Christ und Welt»).

В 60-е гг. прошлого столетия западноевропейские критики отмечали постоянство проблематики в поэзии и прозе И. Бобровского (историческое прошлое), связь с немецким и славянским фольклором, органическое соединение культурных традиций и современных художественных исканий.

Однако глубокое и непредвзятое изучение творчества писателя, жившего и творившего в специфических политических и духовных обстоятельствах ГДР, началось лишь через десятилетия после его смерти. Эта задача остается актуальной и сегодня, когда это государство исчезло с политической карты мира.

Новеллист и романист Бобровский создает неповторимые образы в своей поэзии («Гертруда

Кольмар», «Мицкевич», «Бах», «Нения») и прозе (особенно романы «Мельница Левина» и «Литовские клавиры»), которые во многом опередили свое время, художественное освоение и осмысление истории в литературе бывших тогда социалистических стран. В полной мере эта задача может быть решена при освещении жизненного и мировоззренческого пути писателя, его духовной эволюции и связи с наследием немецких гуманистов эпохи Просвещения, особого отношения к так называемой социалистической культуре.

И. Бобровский, писатель польского происхождения, родился 9 апреля 1917 г. в Тильзите, был сыном железнодорожного служащего, учился в гимназии Кенигсберга, а Эрнст Вайхерт был его учителем латинского. После окончания гимназии он изучал историю искусств в Берлине и с начала войны служил в рядах вермахта. Только в 1949 г. вернулся из плена, провел в Донецкой области и на средней Волге четыре года. После возвращения работал лектором в Восточном Берлине, с сентября 1959 г. — главным редактором издательства «Союз». До конца своей жизни он жил в Берлине, в Фридрихсхагене, где вел неторопливую, погруженную в раздумья сельскую жизнь.

Иоганнес Бобровский писал во время войны свои первые стихи, с 1954 г. некоторые из них начали издаваться, а в 1960 г. западному читателю стала доступна антология первых стихов поэта. В октябре 1960 г. он был лично приглашен «Группой 47» и был представлен на заседании «Группы» в Ашаффенбурге как неизвестный поэт.

Читал отдельные стихи и вдруг стал центром внимания творческой аудитории. Через некоторое время, наряду с Петером Хухелем, автор из Восточной Германии стал известен западно-немецкому читателю. Через год после его первого выступления на Западе в немецком издательстве Ферлаганштальт вышел первый сборник стихов под названием «Время Сарматов» (1960), после чего уже в 1962 г. второй лирический том «Время теней».

Новеллы писателя («Поездка на автомобиле», «Деревянный дом над Вислой», «Родина художника Шагала», «Степь»), представляющие собой по художественному стилю картины воспоминаний и наполненные чувственностью и звучной музыкальностью, не были восприняты в должной мере в восточно-европейском пространстве.

Вскоре, после того как он в 1962 г. получил королевскую премию им. Анны Йоганны, в этом же году в октябре ему была присуждена еще одна премия «Группы 47». Ее состав претерпел изменения в ходе дополнительных перевыборов и предпочел «отзывчивое» и аполитичное творчество И. Бобровского, в результате поэт получил дотированную премию в 7000 марок: его стихи и сегодня вселяют, без сомнения, силу духа и надежду в светлое будущее всем тем, кому сейчас за 40.

В 1964 г. вышел его первый роман «Мельница Левина», указывающий на высокую значимость поэтической личности. Он получил за него премию им. Генриха Манна Восточно-Берлинской академии и в мае 1965 г. премию им. Шарля Вейлона в Цюрихе, при вручении которой Карл Зукмайер произнес хвалебную речь. Затем Бобровский издает сборники рассказов: «Событие», через некоторое время — «Белендорф и др.», книгу, вышедшую незадолго до его смерти.

Знание греческого, латинского языков и попутное изучение грубого диалекта восточно-пруссских крестьян, владение «изящным» и в то же время разговорным языком крестьян Восточной Пруссии дало возможность использовать это в своих прозаических работах, в полной мере осмыслить исторические памятники как античной, так и национальной литературы, возможность глубже познать историю Германии. Пришло осознание того, что искажение истории уже имело место на протяжении многих веков, начиная с «деяний рыцарей Тевтонского ордена», и продолжается в современной Бобровскому фашистской Германии.

По этому поводу Бобровский сказал: «Сколько безвинной крови пролито в многолетних войнах, уже в XIII веке в походах германских рыцарей взяла свое начало трагедия немецкого народа <...> правда о ней умалчивалась или значительно искажалась на протяжении веков в угоду существующей власти» [1. С. 47].

Литературное творчество немецкого писателя берет свое начало в России, об этом говорит сам Бобровский: «Мне хотелось — и это было началом моего творчества, в 1943–1944 гг. — передать красоту русской природы. Зимние пейзажи, к описанию которых не раз обращались и Паустовский, и Толстой, были близки мне, внушали доверие, поражали своей спокойной красотой <...> здесь я вырос <...> Эта местность предстала передо мной по-новому, и я хотел писать о ней, сначала попробовал в стихах, потом в прозе» [2. С. 20].

При первой же встрече с древней Русью — у стен Новгорода — в немецком солдате Бобровском возникнет потребность передать увиденное — разрушенные дома, картину оскверненного Новгорода — в стихах «Кафедральный собор» (1941), «На крутизне безмолвствует Новгород» (1943), «Сообщение» (1943).

Он дает нам возможность увидеть воочию сожженные новгородские и псковские деревни, ворона над одинокой печной трубой, зарево вдали и «волка, воющего на страшное снеговое облако», поруганную новгородскую Софию с выбитыми окнами над черным Волховом («Озеро Ильмень 1941»). Мы видим крыло смерти над гитлеровскими и латвийскими городами: Каунасом, тихой приозерной Лудзой. Рядом стихи о Бахе, Букстехуде, Клопштоке... «Небожители духа» возникают не сами по себе, а как символы несовместимости духовной культуры и фашистского насилия. Звучание органной трубы в стихотворении «Нения» подобно голосу ветра. Ветер то разгоняет тучи, то вновь они «заполняют» все небо. Будет дождь. Надвигающаяся гроза у Бобровского отождествляется с «черными силами», под которыми подразумевается гитлеровское вторжение. Сквозь дождь слышны звуки органной музыки Букстехуде, орган «гудит», прокладывает дорогу к радуге, к «миру, обещанному изначала». «Воссияв под дождем, из тумана красуется радуга» [1. С. 41], — многоцветие, многонациональный народ, он сплочен единой целью: мирно жить и процветать.

Об единении немецкого народа со славянскими народностями, а не об его избранности — об этом мы читаем между строк. Однако позже поэт пишет: «Даже очень объемное стихотворение, на мой взгляд, не может передать подробные детали повествования. А возможно более шире раскрыть мою тему в прозе: в рассказе, новелле, романе» [3. С. 46].

Как ни значителен лирический элемент в поэзии Бобровского, ее основная проблематика — судьбы целых народов и государств, человек и природа, законы бытия и истории — проблематика, общественная по своему характеру, органически требовала «большого стиля». По этому поводу И. Бобровский говорит в своих воспоминаниях: «В прозе мне будет предоставлена возможность наиболее полно отразить лично пережитое» [2. С. 21] (здесь имеется в виду русский плен, его мысли и искания в литературе послевоенной Германии, его историческое мировоззрение). Впоследствии он пишет серию новелл и романы «Мельница Левина» и «Литовские клавиры».

Рассказы охватывают довольно значительный период времени: детство («Тихое лето, и кое-что о перепелах»), предвоенную пору («Пророк», «Пижма»), войну («Мышиный праздник», «Плясун Малиге») и, наконец, наши дни («Сова», «Заброшен в чужую столицу»).

Художественный мир писателя отражается в полной мере в его романах. И. Бобровский думал в своих произведениях «вслух» — вместе с читателем он размышлял о том, как повести ему рассказ, чтобы максимально приблизиться к жизни, поймать ее фокус. В «Мельнице Левина» нам предложена своеобразная партитура — «пунктир», где отдельные пункты образованы узлами творческой памяти, напрягающейся для постижения реальности.

Система персонажей в романе «Мельница Левина» является идеальным отпечатком внутри-немецких отношений и взаимоотношений немцев со своими соседями в определенный исторический отрезок времени: в летние месяцы 1874 г.

Философское осмысление истории, проведение смысловых нитей от последней войны к войнам, давно отгремевшим, что составляет основную тему художественного творчества Бобровского, дает при исследовании системы персонажей в романе возможность глубже вникнуть во внутренний мир героев. Исходя из этого, можно утверждать, что некоторые персонажи романа как бы

озвучивают его ранее созданные стихи на культурно-исторические темы. По-другому можно сказать, что автор идейную направленность своей поэзии закрепляет в прозе. Своеобразные герои-образы — это и «явления духов». Все пять «явлений» объединяются в нереальную для людей, живущих в деревушке Бризене, Штрасбурге и так далее, но вполне одушевленную для нашего дедушки Иоганна систему образов. С ними он советуется, берет пример, но делает все равно по-своему. Иными словами, эта нереальная система персонажей раскрывает нам образ дедушки Бобровского.

Образ «истинного поборника права» рассматривается в романе с позиций реалистического мировоззрения, показаны его отношения и с поляками, литовцами, цыганами, и с «Германской верхушкой» в Бризене, и со «своим кругом» в Неймюле; через них немецкая жизнь конца XIX в. отображена в ее реальном многообразии. Бобровский совершенно точно передает через главного героя ту ненависть к славянским народам в 30–40-е гг. XX в., которую питали его предки и которая продолжает жить и в потомках старика Бобровского. Царит атмосфера враждебного отношения дедушки Иоганна, полицая, ландтага и других немцев к лицам других национальностей. Это будущие члены крайне реакционного, консервативного Пангерманского союза, главный лозунг которого был ориентирован на мировое господство.

В «Литовских клавирах» парафразой литературы становится воображаемая тригонометрическая вышка, позволяющая видеть далеко окрест и соединять загадочную «связь времен». Здесь совмещены разные временные плоскости: на современность наплывают картины прошлого, Пошка и Тута — в «магическом кристалле» изображения — незаметно превращаются в другую пару национального литовского поэта Донелайтиса¹ и его жену Анну Регину.

Местом действия в романе «Литовские клавиры» является регион с особой историей, где «в 1936 году еще сохранились Союз Витаутас и Союз таутинников, не существующие уже на территории рейха» [1. С. 358]. Немцы и литовцы представляли основные народности

¹ Профессор гимназии Фойгт, концертмейстер местного театра Гавен и учитель Пошка, собиратель литовского фольклора, совместными усилиями создают оперу, посвященную литовскому народному поэту XVIII в. Кристиану Донелайтису.

в Мемельской области. По сравнению с западнопрусской Кульмской землей 1874 г. (роман «Мельница Левина») «мультикультурность» населения была выражена меньше и центром внимания автора стали конфликтные взаимоотношения немцев и литовцев. Эти исторические рамочные условия были отражены в «Литовских клавирах». Местные нацисты в романе, среди которых есть и немцы, и литовцы, разжигают жестокую национальную рознь: адвокат Нейман, начальник школы Канкелат, Моцкус из окружной кассы, Скамбракс, депутат Ландстага, парикмахер Бергер, жандарм Вазген. Написание оперы возвышает скромных героев Бобровского (профессора Фойгта, концертмейстера Гавена и учителя Пошку) над злобными и тупыми обывателями глухой провинции, где до предела обнажены социальные и национальные конфликты. Творчество Пошки, глубинные движения его богатого духовного мира, тонко прочувствованное духовное единение с человеком из XVIII в., порой и прямое его воплощение, представляет не только историю развития литовской культуры. Она — исторически необходимое звено в общей цепи культурного развития человечества. Двухслойный образ Пошки (вымышленного и реального) и позволяет проследить в «Литовских клавирах» эту связь между вымышленным и реальным — в этом специфика художественного историзма Бобровского.

Особое художественное осмысление истории в творчестве Бобровского связано с тем, что мировая цивилизация стремительно идет вперед, налицо сильная интеграция и сближение языков,

культур разных народов. Современный миропорядок больше принимает общечеловеческий облик, человечество, народы и нации устремили свой взор в историю, в свои корни и истоки. И интернациональные идеи Бобровского о родстве различных народов актуализирует сама жизнь. Через художественные образы и картины писатель рассказывает об историческом прошлом своего и соседнего народов. Реальную основу «живой истории литературы» составляет творческая индивидуальность И. Бобровского, особенности претворения им поэтической идеи в плоть конкретного произведения. Через новаторскую романную форму, образы героев, их речь, то есть через призму богатейшей системы поэтического мирозерцания (сюда входят и его поэтические сборники стихов и новелл) Иоганнес Бобровский описывает историческое прошлое немцев, проецируя при этом народную жизнь, поэзию исторической действительности на аспект современного человеческого бытия.

Говоря об особенностях художественной картины мира И. Бобровского, мы выявляем совмещение национального и ярко выраженного индивидуального, и образ действительности предстает в его творчестве отраженным с позиций определенного, строго индивидуализированного эстетического идеала. В условиях «новой» Германии И. Бобровский одним из первых отказался от ретуширования немецкой истории в духе социалистической идеологии, предпринял решительную попытку «выработать в себе историческое сознание, чтобы понять самих себя и собственную роль в современной истории» [4. С. 349].

Список литературы

1. Бобровский, И. Избранное / И. Бобровский. — М., 1971. — 447 с.
2. Гильфанова, Г. Т. Жизнь и язык народа (романы Иоганнеса Бобровского) : монография / Г. Т. Гильфанова. — Набережные Челны, 2003. — 136 с.
3. Bobrowski, J. Selbstzeugnisse und Beiträge über sein Werk / J. Bobrowski. — Berlin, 1975. — 427 s.
4. Wolf, Ch. Die Dimension des Autors / Ch. Wolf. — Darmstadt, 1987. — Bd. 2. — 956 s.

Сведения об авторе

Гильфанова Гульнара Тавкильевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Набережночелнинский институт Казанского (Приволжского) федерального университета. Набережные Челны, Россия. gulnara_tav@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2017. No. 3 (399). Philology Sciences. Iss. 105. Pp. 15—19.

THE ARTISTIC WORLD OF JOHANNES BOBROWSKY: COMPREHENSION OF REALITY IN THE WORKS OF THE WRITER OF EAST GERMANY OF THE MID XX CENTURY

G. T. Gilfanova

Naberezhnye Chelny Institute of Kazan (Volga) Federal University, Naberezhnye Chelny, Russia. gulfara_tav@mail.ru

The article reveals the original, complex picture of the artistic world of East Prussian writer of Polish origin, of I. Bobrowsky. Using certain language tools, writer encodes his own emotional attitude to the described events, characters, and at the same time he tends to cause the recipient of text emotions that resonate artistic conception of his works: the simultaneous implementation of the expression and function of the impact function.

Keywords: *artistic picture of the world, a poetic view of the world, an artistic interpretation of history, the history of Germany.*

References

1. Bobrovskij I. *Izbrannoe* [Favorites]. Moscow, 1971. 447 p. (In Russ.).
2. Gil'fanova G.T. *Zhizn' i jazyk naroda (romany Iogannesa Bobrovskogo)* [Life and language of the people (novels Johannes Bobrowski)]. Naberezhnye Chelny, 2003. 136 p. (In Russ.).
3. Bobrowski J. *Selbsteugnisse und Beiträge über sein Werk*. Berlin, 1975. 427 s. (In Germ.).
4. Wolf Ch. *Die Dimension des Autors, bd. 2*. Darmstadt, 1987. 956 s. (In Germ.).

УДК 373.167.811
ББК 81.432.1

ИДЕНТИФИКАЦИЯ ЧЕЛОВЕКА СРЕДСТВАМИ МУЖСКОЙ И ЖЕНСКОЙ ДИГНИТАРНОЙ МЕТАФОРЫ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ (на примере лексем «king» и «queen»)

В. Н. Голодная

Невинномысский институт экономики, управления и права, Невинномысск, Россия

Анализируются сходства и различия в идентификации целевых групп средствами мужской и женской дигнитарной метафоры в английском языке, затрагиваются некоторые диахронические аспекты метафорического значения, рассматриваются структурные модели функционирования и определяются факторы, детерминирующие оценочный знак данных метафор в контекстах речи.

Ключевые слова: *дигнитарная метафора, гендер, идентичность, концептуальная доминанта, модификатор, коннотации.*

На протяжении всей истории развития института государственной власти монархия выступает наиболее древней и распространенной формой правления. Обратимся к некоторым историческим моментам, послужившим источником метафорической экспансии лексем тематической группы «Представители монархии». Вся политическая власть и экономическое богатство страны были сконцентрированы в руках единоличного правителя — монарха. Все остальное население являлось его/ее подданными, а в некоторых случаях — даже слугами или рабами.

Кроме того, считалось, что власть монарха имеет божественное происхождение и благословение. Так, например, выражение «the key to the kingdom» («ключи от царства небесного» — the resource that will give the possessor access to the most complete or profound knowledge or power possible in a given area or pursuit) восходит к словам Иисуса, обращенным к Петру в Евангелии от Матфея (Mathew 16:19): «I will give you the keys to the kingdom of heaven; whatever you bind on earth will be bound in heaven; and whatever you loose on earth will be loosed in heaven» (Я дам тебе ключи от Царства Небесного; и что ты свяжешь на земле, будет связано на небесах; и что ты разрешишь на земле, будет разрешено на небесах) [5]. В русском языке монарха называют «царь и бог», «помазанник божий».

Монархия как форма правления является неоднозначным феноменом. Конституционная/парламентская монархия гармонично вплетается в деятельность демократических институтов и выборных органов власти, но доменом-источником метафорической экспансии выступает аб-

солютная/неограниченная монархия. Несмотря на давний переход к демократическим и коллективным формам государственного правления, вековые монархические традиции продолжают свою жизнь в сознании народа и используются не только при характеристике политических, экономических, социально-культурных фигур и событий [1], но и в повседневно-бытовой коммуникации.

Данная работа посвящена анализу сходств и различий в идентификации человека при помощи мужских (на примере лексемы «king») и женских (на примере лексемы «queen») дигнитарных [термин наш. — В. Г.] метафор и переосмыслению их значений в диахроническом аспекте.

Король является самым старшим членом монархической семьи не столько с биологической (возраст), сколько с социальной (власть) точки зрения. Он обладает неограниченной властью не только в отношении своих подданных, но и в отношении членов своей семьи. Он вправе возвысить или принизить статус любого своего родственника, а также назначить наследника престола, не приводя при этом никаких объективных причин и аргументов.

Слово «king» восходит к древнегерманскому «супп», где оно означало индивида благородного происхождения (one who descended from noble birth). Согласно другим источникам, оно имеет непосредственную этимологическую связь со словом «kin» и первоначально номинировало предводителя народа/племени (leader of the people) [6].

В англо-саксонский период данное слово ассоциировалось, прежде всего, с верховной властью

(*cynewise — state, commonwealth*; *cyneriht — royal prerogative*; *cyne mann — royal personage*) и ее атрибутами (*cynegierela — royal robe*; *cynehâm — royal manor*; *cynesetl — throne, capital city*; *cynewiddde — royal diadem*), а также с благородным происхождением (*cynegôd — noble, well-born, excellent*; *cyneboren — royally born*; *cynebeald — royally bold, very brave*) [2].

Первые метафоры со словом «king» употреблялись по отношению к наиболее крупным, агрессивным и доминирующим биологическим видам (applied to species remarkably big or dominant): *king crab, king snake, king cobra* [6].

Попытаемся определить составляющие концепта «king» в англоязычной картине мира, проанализировав примеры употребления данного слова в качестве дигнитарных метафор, извлеченные из словаря сленга Urban Dictionary [7]. Выбор данного словаря определяется тем, что он представляет собой наиболее полную базу слов и выражений, употребляемых в повседневной разговорной речи. Его особенность также состоит в том, что он создается и редактируется добровольцами (volunteers), которые являются средне-статистическими носителями английского языка, а не профессиональными лингвистами. Слоганом этого словаря является фраза «Urban Dictionary is written by you» (это словарь, написанный тобой).

Лексема «king» обладает следующими прагматическими смыслами: наделенный неограниченной властью, имеющий непререкаемый авторитет, превосходящий остальных по своей роли и влиянию. Приведем примеры.

King bee — предводитель группы, человек, имеющий огромное влияние на остальных членов группы, никто из которых не смеет ему противоречить; king dollar — индивид, обладающий сильной личной харизмой и лидерскими качествами; king faggot — партнер, доминирующий в гомосексуальных отношениях; king of battle — самый сильный игрок в команде; king of the fall — мужчина, пользующийся наибольшей популярностью и любовью у представительниц слабого пола и способный завоевать любую женщину/девушку или отбить ее у другого; king of the trash can — он-лайн игрок, чьи навыки и способности значительно превосходят навыки и способности тех, с кем он играет; king sheikh — абсолютный лидер; king stink — самый крутой и сильный парень в районе [7].

Большинство дигнитарных метафор, образованных со словом «king», имеет положительную

оценочную коннотацию. В некоторых случаях они могут передавать ироническое отношение к референту (king of the fall), а также служить средством оскорбления (king faggot).

Обратимся к анализу текстовых примеров, содержащих в своем составе лексему «king» во вторичной номинации. Она имеет высокий индекс дискурсивной репрезентативности в корпусах английского языка: 16812 единиц (BNC — 15594, CASO — 1218). Ее употребление во вторичной номинации отмечено 8300 раз, что составляет 49% от общего числа проанализированных контекстов. Основными моделями функционирования данной метафоры выступают сингулярный формат (единичное употребление) и атрибутивно-номинативные словосочетания типа: N + Prep + N, где указанная лексема выполняет функцию опорного слова и определяется правосторонними модификаторами — существительными, номинирующими другие сферы языковой картины мира. Обе конструкции характерны для нарративных структур. Случаев употребления метафоры «king» в функции обращения отмечено не было. Приведем примеры.

(1) Michael Gannon is a former bookie who knows about odds and they're adding up to a housing market where the buyer is king [KRM S_brdcast_news].

(2) Oxygen-style bubbling rumble which passes for rhythm in the world where the programmer is king [A54 W_newsp_brdst_nat_arts].

(3) This is a long way from the central idea of total quality management that the patient or customer is king [FSY W_ac_medicine].

(4) In the organization that switches its people on, the individual is king [EA8 W_commerce].

(5) It's the only war where the correspondent was king [G2E W_pop_lore].

В примерах (1) – (5) референтами номинации выступают люди. Интересно отметить отсутствие во всех приведенных микроконтекстах гендерного признака — существительные «buyer», «programmer», «patient», «customer», «individual» и «correspondent» могут в равной степени относиться как к мужчинам, так и к женщинам. При актуализации признака приоритетности/важности релевантными являются категории статуса — пример (4); социальной роли — примеры (1), (3); должности — примеры (2), (5), а не гендерной принадлежности референта. Во всех отмеченных речевых отрезках слово «king» имеет положительную оценочную семантику, так как его употребление по отношению к представителям

тех или иных групп повышает их статус и социальную значимость.

Признак приоритетности/значимости/доминантности также часто эксплуатируется при характеристике неодушевленных объектов и абстрактных понятий: *cash is king, silicon is king, coal is king, elegance is king, song is king, tiredness is king* и др. В этом случае метафора может выступать косвенным средством идентичности человека.

(6) In 1979, cash was king [AJX W_newsp_brdsh_t_nat_commerce].

Пример (6) имплицитно указывает на более высокий статус и успешность индивида, хранящего свои сбережения в виде наличных денег и всегда имеющего их под рукой по сравнению с теми, кто такой возможности не имеет.

Как показал корпусный анализ, в атрибутивно-номинативных словосочетаниях модификатора лексемы «king» выступают существительные, которые выполняют уточняющую функцию, конкретизируя, в чем именно индивид занимает главенствующую позицию по сравнению с другими представителями группы или социума. По тематической принадлежности постпозитивные модификаторы лексемы «king» могут номинировать следующие сферы:

– профессиональная деятельность: *king of fashion, king of football, king of media, king of show business, king of sport, king of rock'n'roll, king of guitar, king of animation, king of appendectomies*;

– социально-групповой статус: *king of the ghetto, king of scum, king of bad asses, king of pimps, king of hit men, king of the office, king of losers, king of hospital, king of the nursery, king of the classroom*;

– черты характера и свойства поведения: *king of responsibility, king of cool, king of stunts, king of lies, king of manipulation, king of smooth*;

– межличностные отношения: *king of romance, king of betrayal, king of advice, king of double-cross, king of consensus*.

Во всех приведенных примерах метафора «king» гиперболизирует наиболее важный с точки зрения говорящего признак/качество индивида. При этом оценочный знак словосочетания (и высказывания в целом) определяется модификаторами и может занимать все позиции оценочной шкалы: нейтральную (*king of the office, king of the hospital, king of the nursery*), положительную (*king of responsibility, king of hospitality, king of consensus*) и отрицательную (*king of pimps, king of betrayal, king of bad asses*).

Помимо людей, референтами номинации слова «king» в отмеченном типе словосочетаний могут выступать также неодушевленные объекты: *king of vegetables, king of coins, king of English cheeses* и др.

Приведем примеры употребления слова «king» в составе модели: N + Prep + N в макроконтекстах.

(7) With his broad, malleable face, his gruff northern voice and razor sharp humor, Les Dawson, who died yesterday, was a king of comedians [K4E W_newsp_other_report].

(8) I know I keep mentioning AC/DC but they're the king of groove guitar bands for me [C9L W_pop_lore].

(9) PAUL GASCOIGNE was unofficially crowned king of world football here last night as he gloriously won his personal duel with Maradona with a wonder goal that 'had made in heaven' stamped all over it [CEP W_newsp_other_sports].

(10) But, first, love him or hate him, he's the king of conservative talk radio. Twenty million people listen to him each week on close to 600 stations across the country [SPOK Fox].

(11) Thanks to blockbusters such as *Bridesmaids* and *The Heat*, director Paul Feig has become Hollywood's king of female-driven comedy [MAG People].

(12) This year Bob Dylan is the king of rock'n'roll, and he is the least likely king popular music has ever seen [MAG SatEvenPost].

(13) Selig always has been the king of consensus, and with his political savvy even became the envy of childhood friend Herb Kohl, who became a U.S. senator [NEWS USAToday].

(14) He is the reigning king of the backlist, profiting mainly off classic titles rather than taking risky bets on new ones [MAG NewRepublic].

Образ короля активно используется СМИ с целью создания и поддержания определенного общественного мнения о публичных фигурах и знаменитостях: музыкантах — примеры (8), (12), (14), актерах — пример (7), режиссерах — пример (11), спортсменах — пример (9), теле- и радиоведущих — пример (10), политических деятелях — пример (13). При этом употребление дигнитарной метафоры может как возвысить, так и принизить профессиональный и общественный статус референта номинации.

Так, в примере (9) метафора «king of the world football» закрепляет за референтом позицию основной/главенствующей фигуры в футболе,

о чем свидетельствует контекстное окружение (gloriously won; a wonder goal; had made heaven). Пример (10) подчеркивает профессиональную компетентность телеведущего (king of conservative talk radio), которая не вызывает сомнений, несмотря на возможное негативное отношение к нему и его передаче среди слушателей (love him or hate him), что подкрепляется объективными данными (twenty million people listen to him each week on close to 600 stations across the country). В примере (12) положительная оценочная коннотация словосочетания «king of rock 'n' roll» ослабевает под воздействием контекстных единиц «he is the least likely king popular music has ever seen», которые имплицитно подразумевают несоответствие референта полученному титулу. В примере (14) метафора «king of backlist» употреблена иронически. Контекстное окружение «profiting mainly off classic titles rather than taking risky bets on new ones» актуализирует неспособность референта следовать требованиям времени. Данное высказывание принижает статус индивида в глазах общности и подрывает его репутацию.

Выделим основные концептуальные доминанты, актуализируемые метафорой «king» при идентификации человека: основная / главная / приоритетная фигура (customer is king, reader is king, shareholder is king), доминантность/превосходство (king of media, king of rock and roll, king of pop), наивысшее проявление чего-либо (king of smooth, king of cool, king of spite).

Интересно отметить, что с течением времени признак благородства (как происхождения, так и поведения) утратил свою значимость и перестал быть источником метафорической экспансии слова «king». Мы полагаем, что это связано с укреплением демократических традиций в социуме, согласно которым происхождение и социальный статус индивида не являются препятствием к общественному признанию или осуждению.

Королева принадлежит к старшему поколению монархической семьи и, как и другие представители монархии, обладает рядом признаков, возвышающих ее над обычными людьми, — это высокий социальный статус, непререкаемый авторитет, привилегированное положение. Кроме того, она должна иметь безупречную внешность и быть образцом поведения в обществе.

Этимологически *queen* происходит от древнеанглийского слова «kwoeniz», и в англосаксонский период оно означало «женщина, жена» (wife, woman), а затем «жена короля» (wife of a king).

Интересно отметить, что, в отличие от мужского варианта «супп», «kwoeniz» не ассоциировалась с властью и благородным происхождением [6].

Значение «мужчина-гомосексуалист» (male homosexual) появляется в 1924 г. Есть мнение, что оно происходит от слова «swene», которое первоначально номинировало подневольную женщину, проститутку (female serf, hussy, prostitute) [6].

В современном английском языке королева во многих отношениях является женской вариацией короля. Часто она выступает не только супругой монарха, но и носительницей верховной власти. В качестве дополнительных смыслов, передаваемых лексемой «queen», можно назвать внешнюю красоту и великолепие. Приведем примеры.

Queen b — самая популярная девушка в кругу подруг; queen daisy — обычно внешне привлекательная девушка, манера поведения которой воспринимается в качестве образца (эталона); queen frostine — самая классная, красивая и крутая девушка по мнению как подруг, так и парней; queen savage — девушка с очень злобным нравом, с поведением которой окружающие вынуждены мириться ввиду ее привилегированного положения/статуса; queen of the Nile — девушка или женщина, постоянно требующая к себе повышенного внимания; queen of the Universe — зрелая, умудренная жизненным опытом женщина, пользующаяся особым уважением окружающих [7].

Положительные оценочные коннотации метафоры «queen» связаны с социальными (авторитет, высокий статус: queen b, queen of the Universe) и физическими (привлекательная внешность: queen daisy, queen frostine) признаками фрейма «королева», а отрицательные — с личностными характеристиками (негативные свойства характера и поведения): queen savage, queen of the Nile.

Частотность употребления слова «queen» в контекстах речи составляет 9410 единиц (BNC — 7594, CASO — 1816). На долю вторичной номинации приходится 6100 примеров, или 65 % от общего числа проанализированных микроконтекстов.

Контекстный анализ на материале корпусов позволил показать динамику употребления метафоры «queen» в различных контекстах. В структуре текста слово «queen» может функционировать в сингулярном формате (одиночное употребление) и в составе атрибутивно-номинативных словосочетаний моделей: Adj + N, N + N, N + Prep + N, N + Prep + Adj, где оно выполняет

роль опорного слова и определяется левосторонними или правосторонними адьюнктами (прилагательными и существительными).

Одинокое употребление данной лексики отмечается в обращениях (примеры 15–18). Перенос значения в этом случае основан на восхищении, которым традиционно окружена королева, и протективном отношении (несмотря на высокий статус и авторитет, королева является представительницей слабого пола и, как любая женщина, нуждается в заботе и защите). Обращение «queen» имеет положительную оценочную семантику и употребляется по отношению к женщинам (примеры 15–16) и детям (примеры 17–18) для номинации «своих».

(15) Oh, come on, trust me, my queen. I got this one covered [YR].

(16) So, my queen. How am I doing so far? [YR].

(17) Good night, my queen, he said to Therse: my little flower [GUK W_fict_prose].

(18) Be off, queen. I'm busy just now [GUK W_fict_prose].

Анализ речевых отрезков показывает, что модификаторы, определяющие лексику «queen» в словосочетаниях моделей: Adj + N и N + N, являются главным образом квалификаторами внешнего вида (beautiful queen, pretty queen, lovely queen, gorgeous queen, glamour queen, fashion queen, cosmetic queen), возраста/размера (little queen, teen queen), черт характера и свойств поведения (ice queen, snow queen, drama queen, tragedy queen). Отмеченные модификаторы несут важную семантическую нагрузку и могут определять оценочный фон высказывания в целом, усиливая негативное или позитивное отношение к референту в сегменте «свои» или «чужие» соответственно.

Так, модификаторы «lovely» и «glamour» сигнализируют о восхищении говорящего красотой женщины (примеры 19, 20). В примере (20) внешняя красота дополняется внутренним содержанием: королева гламура является хорошей матерью (devoted to all your children).

В примерах (21) и (22) метафора «queen» определяется существительными «snow» и «ice», имеющими отрицательную коннотацию. Оба атрибута также используются во вторичной номинации для передачи негативных черт характера индивида (высокомерного отношения к окружающим). В своем буквальном значении существительные «ice» и «snow» являются квалификаторами физического состояния. В примере (21) пейоративная семантика словосочетания «ice queen» ослабевает

под воздействием контекстных единиц «she makes you happy».

Прилагательное «little», квалифицирующее возраст/размер, получает дополнительные к своему основному значению оценочные коннотации. Так, в примере (23) юный возраст оценивается позитивно. Положительная коннотация высказывания усиливается прилагательным «charming» и причастием настоящего времени «smiling». В примере (24) модификатор «little» сигнализирует о незначительности референта и передает пренебрежительное отношение говорящего к нему.

(19) I adore you. I am indebted to you. Will the lovely queen grant her devoted subject a dance? [AMC].

(20) You're a famous celebrity, multiple divorcee, a glamour queen with a checkered past, but devoted to all your children [AMC].

(21) Kate may be a shallow, you know, ice queen, but she makes you happy, and that's all that matters [GH].

(22) Good luck to him. She's a snow queen. I don't think she dates anyone [GL].

(23) Charming, smiling, a little queen, already sure of her power... seven or eight years old [FIC ContempFic].

(24) No, that's a lie. Because all that little queen has to do is snap her fingers and you compromise your entire office [AMC].

Рассмотрим примеры употребления метафоры «queen» в значении «a homosexual man» (гомосексуалист), где референтами номинации выступают мужчины. Нетрадиционная сексуальная ориентация (как мужчин, так и женщин) противоречит моральным установкам, существующим в большинстве социумов. Гомосексуалисты, чье поведение не соответствует общественным нормам и ценностям, автоматически вызывают негативную реакцию сторонников гетерогенных сексуальных союзов. Мужчине, именуемому словом «queen», приписываются признаки, свойственные женскому полу: слабость, изнеженность, кокетливость и так далее. В какой-то мере гомосексуалист теряет свою гендерную идентичность и становится носителем негативной социальной стигмы.

В примере (25) говорящий вынужден отказаться от своих моральных ценностей ради финансового благополучия (It had put food on his mother's table. It had bought the kids clothes. It would eventually bring him untold riches). Он занимается сексом с мужчиной за деньги. При этом он испытывает отвращение к своему партнеру (fat old queen).

В примере подчеркивается чисто физическая связь (use his body), которая не меняет негативного отношения говорящего к гомосексуализму.

В примере (26) отрицательное отношение, связанное с сексуальной ориентацией индивида, переносится на другие сферы жизни. В примере имплицуется глупость референта, неспособного сделать выводы из сложившейся ситуации. Прилагательное «old» в сочетании со словом «queen» получает дополнительную негативную семантику, сигнализируя о никчемности и отсталости индивида.

В примере (27) отмечается противоречие между отрицательным общественным стереотипом и положительным личным мнением индивида относительно гомосексуалистов. Появление гомосексуалиста, нарушающего принятые в обществе правила (dying to violate everything you've thought of as normal), расценивается индивидом как положительный опыт (sounds like heaven). Прилагательные «rampant» и «little», определяющие лексему «queen», несут важную семантическую нагрузку. Прилагательное «rampant» сигнализирует о протесте против общественных ограничений сексуальной жизни, а прилагательное «little», выступающее квалификатором возраста/размера, фиксирует значение небольшого количества и указывает на тот факт, что гомосексуалисты являются сексуальным меньшинством.

(25) Let the fat old queen use his body. It had put food on his mother's table. It had bought the kids clothes. It would eventually bring him untold riches [CR6 W_fict_prose].

(26) What does that old queen know? He wasn't even there [FIC Mov: EdWood].

(27) «Come on, Francis, what about if you were forty some and straight and never kissed a man before? And suddenly there was a rampant little queen dying to violate everything you've thought of as normal». «Sounds like heaven!» [AOL W_fict_prose].

Метафорический образ королевы часто используется СМИ для создания и поддержания положительного или отрицательного имиджа известных женщин в глазах общественности. Метафора «queen», в отличие от своего мужского варианта «king», активизирует внешние физические характеристики референта: привлекательную наружность и сексуальность — porn star (пример 28), sexy and sassy (пример 29). Кроме того, женщине-знаменитости необходимо соответствовать публичному имиджу в своей личной жизни и привычках — в примере (31) лексема «dame»

(сдержанная серьезная пожилая женщина) снижает статус референта, имплицуруя несоответствие автора создаваемым художественным образам (queen of romantic fiction).

Личная жизнь публичных женщин вызывает гораздо больший интерес общественности (поклонников), чем личная жизнь мужчин-знаменитостей. Скандалы в сфере личных взаимоотношений (queen of scandal) часто являются необходимым условием поддержания популярности (she is just one in a long list of women attached to an incredibly odd publicity machine, DD Entertainment) — пример (28).

Источником популярности женщин, в отличие от мужчин, часто выступает повседневно-бытовая сфера жизни (воспитание детей, ведение домашнего хозяйства и так далее). Бытовые проблемы являются неотъемлемой частью жизни обычных женщин, и внимание, уделяемое данным вопросам со стороны знаменитостей (queen of semi-homemade cuisine), поднимает статус последних — пример (30).

(28) She didn't do it alone. In fact, she is just one in a long list of women attached to an incredibly odd publicity machine, DD Entertainment. At the head of it all, a former porn star turned queen of scandal [SPOK ABC_Nightline].

(29) Love triangles, revenge, all in a day's work for the queen of daytime soap Susan Lucci. She's best known for her long running role as the sexy and sassy Erica Cane in All My Children, which famously earned her nineteen Emmy nominations before she won it [SPOK NBC].

(30) So, Sandra Lee is here to help. The queen of semi-homemade cuisine joins us now with some easy-to-make recipes that your whole family will enjoy [SPOK ABC_GMA].

(31) Best-selling novelist Catherine Cookson, the queen of romantic fiction, becomes a dame [CBF W_newsp_other_report].

Помимо социальных (власть, авторитет) и эмоциональных (восхищение, почитание, любовь, антипатия и так далее), концепт «queen» аккумулирует физический признак привлекательной (безупречной) внешности, несвойственный концепту «king». Согласно общественным стереотипам авторитет и власть в социуме и его отдельных группах должны принадлежать мужчинам. Женщины, наделенные властью и полномочиями (особенно в обществе мужчин), часто вызывают негативное отношение в форме недоумения, подозрительности и враждебности. Поэтому

при номинации женщин как главных/доминантных фигур в той или иной области нередко имплицитно, что высокий социальный статус получен ими не столько благодаря выдающимся способностям и личностным качествам, сколько в силу их гендерных особенностей — привлекательной внешности и сексуальности.

При номинации мужчин лексема «queen» передает негативное отношение общества к представителям сексуальных меньшинств (гомосексуалистам). При этом отрицательные характеристики переносятся на другие сферы жизни индивида, не связанные с сексом и интимными отношениями.

Сделаем некоторые выводы.

Средствами мужской дигнитарной метафоры (king) реализуются главным образом отношения превосходства, лидерства и доминирования. Хотя все члены монархической семьи обладают врожденным превосходством над обычными людьми в силу своего высокого социального статуса и привилегированного положения, именно представители мужской половины являются реальными носителями верховной власти в государстве.

В женских дигнитарных метафорах (queen) реализуется признак привлекательной (безупречной) внешности. Согласно общественным стереотипам, авторитет и власть в социуме и его отдельных группах должны принадлежать муж-

чинам. Женщины, наделенные властью и полномочиями (особенно в обществе мужчин), часто вызывают негативное отношение в форме недоумения, подозрительности и враждебности. Поэтому при номинации женщин как главных/доминантных фигур в той или иной области нередко имплицитно, что высокий социальный статус получен ими не столько благодаря выдающимся способностям и личностным качествам, сколько в силу их гендерных особенностей — привлекательной внешности и сексуальности.

И мужская, и женская дигнитарные метафоры активно эксплуатируются СМИ с целью возвышения или принижения статуса публичных фигур (знаменитостей) в глазах общественности (поклонников). С ее помощью создается, поддерживается, а иногда и навязывается определенная идентичность индивида в оппозитивной оценочно-когнитивной матрице «свой — чужой». В обыденно-бытовой коммуникации данные метафоры используются для гиперболизации тех или иных качеств, признаков, поступков индивида.

Основными структурными контекстами функционирования дигнитарных метафор являются сингулярный формат и атрибутивно-номинативные словосочетания. Оценочный знак лексем данной группы является подвижным и детерминруется семантикой непосредственных адьюнктов и других контекстных единиц.

Список литературы

1. Колтышева, С. Я. Метафорическая модель «Шоу-бизнес — это монархия» в российском массмедийном дискурсе / С. Я. Колтышева // Полит. лингвистика. — 2011. — 2 (36). — С. 114–120.
2. A concise Anglo-Saxon Dictionary for the use of students by John R. Clark Hall, M. D. Ph. D. — New York, 1916. — URL: <http://people.uwplatt.edu/~ciesield/angd.pdf>.
3. British National Corpus (BNC). — URL: <http://www.corpus.byu.edu/>.
4. Corpus of American Soap Operas (CASO). — URL: <http://www.corpus2.byu.edu/soap/>.
5. NT Gospels: Mathew 16:19. — URL: <http://biblehub.com/matthew/16-19.htm>.
6. Online Etymology Dictionary. — URL: <http://www.etymonline.com>.
7. Urbandictionary.com. — URL: <http://www.urban.dictionary.com/define.php?>

Сведения об авторе

Голодная Вера Николаевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры психологии и гуманитарных дисциплин, Невинномысский институт экономики, управления и права. Невинномысск, Россия. veragolodnaya@yahoo.com

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2017. No. 3 (399). *Philology Sciences. Iss. 105. Pp. 20—27.*

MALE AND FEMALE DIGNITARY METAPHOR AS A MEANS OF A PERSON'S IDENTITY IN THE ENGLISH LANGUAGE (on the example of the lexemes «king» and «queen»)

V. N. Golodnaya

Nevinnomyssk Institute of Economics, Management and Law, Nevinnomyssk, Russia. veragolodnaya@yahoo.com

The paper is devoted to the analysis of some differences and similarities of male and female dignitary metaphors in the English language when used as a means of target groups' identity. A few diachronically related issues influencing the metaphorical meaning are also considered. Structural models and the factors determining negative and positive connotations in speech contexts are also paid attention to.

Keywords: *dignitary metaphor, gender, identity, conceptual dominant, modifier, connotations.*

References

1. Koltysheva S.Ja. Metaforicheskaja model' «Shou-biznes — jeto monarhija» v rossijskom massmedijnom diskurse [Metaphorical model “Show business — a monarchy” in the Russian discourse of the mass media]. *Politicheskaja lingvistika* [Political linguistics], 2011, no. 2 (36), pp. 114–120. (In Russ.).
2. *A concise Anglo-Saxon Dictionary for the use of students by John R. Clark Hall, M. D. Ph. D.* New York, 1916. Available at: <http://people.uwplatt.edu/~ciesield/angd.pdf>.
3. *British National Corpus (BNC)*. Available at: <http://www.corpus.byu.edu/>.
4. *Corpus of American Soap Operas (CASO)*. Available at: <http://www.corpus2.byu.edu/soap/>.
5. *NT Gospels: Mathew 16:19*. Available at: <http://biblehub.com/matthew/16-19.htm>.
6. *Online Etymology Dictionary*. Available at: <http://www.etymonline.com>.
7. *Urbandictionary.com*. Available at: <http://www.urban.dictionary.com/define.php?>

УДК 811.221-18
ББК 81.20сет.-1

ФРАЗОВОЕ УДАРЕНИЕ В ОСЕТИНСКОМ ПРОСТОМ ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ.
Проект № 12-04-00274/12 «Типологические характеристики осетинской интонации»

В. Т. Дзахова, М. А. Андиева

Северо-Осетинский государственный университет им. К. Л. Хетагурова, Владикавказ, Россия

Существующая на сегодняшний день в научной литературе точка зрения о фразовом ударении в осетинском языке требует подтверждения или опровержения на основе инструментальных данных. С этой целью был проведен эксперимент, результаты которого показали, что наиболее выделенным во фразе является первое слово, независимо от его функции в предложении и части речи; фразовое ударение в большинстве случаев не совпадает со словесным.

Ключевые слова: интонация, фразовое ударение, инструментальный анализ речи, осетинский язык, фонетика.

Фразовое ударение, являясь одним из компонентов интонации, играет важную роль в интонационном оформлении осетинского предложения.

В рамках предложения отдельные слова могут иметь разную степень ударения или не иметь ударения вообще. Ударение, выделяющее самое важное по смыслу слово, называют фразовым или синтагматическим. «Хотя такое ударение характеризует синтагму в целом, оно проявляется в определенном слове; причем оно не существует отдельно от словесного ударения данного слова, а как бы накладывается на него» [2. С. 275].

Ударение участвует в оформлении актуального членения предложения. В этом случае говорят о логическом ударении, причем, в отличие от синтагматического, оно может приходиться на любое слово, включая и безударные слова. С фонетической точки зрения логическое ударение осуществляется теми же средствами, что и синтагматическое, но с более яркой мелодикой, большей силой и большей длительностью выделяемого компонента.

Говоря об ударении в осетинском языке, все исследователи признают первостепенную роль фразового ударения. Так, В. И. Абаев отмечает, что для осетинского языка характерно не ударение каждого слова в отдельности в рамках предложения, а то, что «группа слов, находящихся в определенной синтаксической связи, может носить одно единственное основное (не считая ряда вторичных, очень слабых) ударение, составляя одну акцентуальную единицу» [1. С. 275]. Такие

группы слов он называет комплексами и подчеркивает важность этого явления для правильного понимания осетинского текста. В. И. Абаев приводит классификацию этих комплексов, основанную на акцентологических законах иронского наречия осетинского языка, и выделяет восемь формул распределения ударения в зависимости от расположения сильных и слабых гласных в слогах. В отдельную группу он выделяет личные собственные имена, имеющие в осетинском языке за редким исключением постоянное ударение на втором от начала слоге, независимо от состава гласных. В классификации он выделяет: «энклитики» — слова и частицы, которые объединяются в один комплекс с предшествующим словом, но, в отличие от энклитиков как таковых, в осетинском языке они могут попадать в подударное положение, поэтому В. И. Абаев употребляет это название для данной группы слов в кавычках. Сюда попадают местоименные частицы в функции прямых и косвенных объектов (*mæ*, *dæ*, *jæ*, *næ*, *wæ*, *sæ* и так далее). Например: «*dy jæ`ardæm rakæ¹*»: «ты его сюда приведи»; «*uj jun zaxta*»: «он ему сказал». Кроме местоименных наречий есть еще слова — частицы, также образующие комплексы с предшествующим словом или группой слов (*ma* «еще», «-ка»; *ta* «опять», «же», «-то»; *dær* «тоже», «также», «и-и»; *wal* «пока»; *iw* — частица, выражающая повторность; *dat* «мол», «дескать», «говорит» или «говорят»;

¹ Здесь и далее в анализе работы В. А. Абаева мы приводим примеры и транскрипцию автора.

зжргæ — вводное слово в значении «говоря»). Например: «*Tajmurazæn ma wydi iw æfsymæŕ*»: «у Таймураза был еще один брат»; «*ʔajs ma dæ ʔændyr!*»: «возьми-ка свою скрипку!».

Следующая группа — «проклитики» — слова и частицы, образующие один комплекс с последующим словом или словами. К ним относятся отрицания при глаголах: *næ* «не», *ma* «не» при Imperativ'e и Optativ'e, *nal* «больше не» (*næ+wal*), а также усложненные за счет наращенных отрицательных местоимения и наречия: *nicy* «ничего», *macu* «ничего», *niui* «никто», *maui* «никто», *nicwal* «больше ничего», *macwal* «больше ничего», *nikwu* «нигде», «никогда», *nikwuscæj* «ниоткуда», *nikwydæm* «никуда», *makwu*, *makwydæm* «никуда», *næma* «еще не»; вопросительные (и относительные) местоимения при глаголах (*cy* «что», *ui* «кто») (и все косвенные падежи от них: *sæmæn*, *sæwyl*, *sæmæj*, *kæj*, *kæmæn*, *kæwyl*), *kæm* «где», *kædæm* «куда», *kæscæj* «откуда», *kæd* «когда», *kædæj* «с каких пор», *kwu* «когда», *kwud* «как», *sæmæn* «почему», *sæwylnæ* «почему не», *kæscyrdæm* «в какую сторону», *kæscyrdygaj* «с какой стороны», *sæj ʔuxxæj* «по какой причине», *kædæj nyrma* «с каких пор», *kæj ʔong* «до каких пор»); в эту же группу относится слово *bærgæ*.

Третья группа, выделяемая В. И. Абаевым, — это союзы (*ymæ* (*æmæ*, *ʔmæ*) «и», *kænæ* «или», «либо», *ʔælæ* «но», *wædæ* «в таком случае», «так», *uvi* (*ævi*) «или», *sumæ* — *вопросительное слово, трудно переводимое на русский язык*, *сума* «как будто», *uvæza* (*ævæza*) «а ведь», «по правде говоря», *yndæra* (*ændæra*) «а нето», *kættæra* — *союз, трудно переводимый на русский язык*). Они не относятся ни к одной из рассмотренных групп слов, поэтому выделяются особо. Эти слова никогда и ни в каком положении не могут получать ударения.

Четвертая группа — обращение и вводные слова. Обращение выступает как неударяемая энклитика или проклитика и в этом отношении напоминает союзы и частицы. Правда, иногда оно может получать самостоятельное ударение, что происходит в случаях особо подчеркнутого или почтительного обращения, когда его хотят сделать особенно полновесным, когда на него делается логическое или эмоциональное ударение.

Пятая группа представляет собой комплекс в виде определения с определяемым словом. Ударение в комплексе данного вида определяется теми же закономерностями, что и в отдельных словах: оно не может падать дальше второго сло-

га от начала комплекса, распределение его между первым и вторым слогом зависит от качества гласных в этих слогах и от определенности и неопределенности предмета.

Следующий комплекс: послелог с управляемым словом, который исторически можно свести к комплексу в виде определения с определяемым словом. В роли послелогов в осетинском могут выступать следующие слова: *raz* «перед», *ʔæstæ* «позади», *wælae* «над», *dælae* «под», *sær* «на», *byn* «под», *astæw* «посреди», *æxsæn* «среди», *midæg* «внутри», *cur* «около», *wælgus* «возле», *ættjæ* «за», *falyjæ* «по ту сторону», *tyxxæj* «из-за», «ради», *ʔærcy* «благодаря», *bæsty* «вместо», *dærcy* «в течение», *ʔædyl* «вслед» и др. Послеложные конструкции также выступают в речи как неделимые ритмические единицы. Наряду с послелогоми есть в осетинском два предлога: *æd* «с», *ænæ* «без», которые в отношении ударения трактуются так же, как и послелогои.

Седьмую группу образует сложный глагол, под которым понимается глагол с любым его конкретизатором: прямым/косвенным дополнением, обстоятельственными словами и в некоторых случаях с субъектом. В таком комплексе ритмика находится в подчинении семантики. В. И. Абаев делает вывод, что сложный глагол при определенных условиях может образовывать комплекс, а при каких-то условиях такое образование не имеет места и обобщает свои наблюдения в виде «закона прогрессивного поглощения». Суть закона в том, что следующие друг за другом элементы могут образовывать одну ритмическую единицу, если логическое ударение падает на первый из этих элементов. Если же логическое ударение падает на второй компонент группы, то объединение идет с последующим элементом, а не с предыдущим. Например: «*Uj bærc fos kæd yrysk ʔerttaj, wæd ma dæ cy qæwy?*» («Столько скота если (ты) пригнал, то чего тебе еще надо?») [1. С. 529–560]. При наличии логического ударения на первом элементе *uj bærc* «столько», фраза в отношении ритмики будет выглядеть так:

uj bærc fos kæd yrysk ʔerttaj,
wæd ma dæ cy qæwy?

Если логическое ударение падает на второй элемент *fos* «скот»:

uj bærc fos kæd yrysk ʔerttaj,
wæd ma dæ cy qæwy?

Если логическое ударение будет падать на последний элемент придаточного предложения, то мы получим:

*uj̄bærc̄ fos̄ kæd̄ yr̄ysk̄'ærttaj̄,
wæd̄mrādǣcȳq̄æwy?*

Применительно к сложному глаголу получается, что при условии предшествования конкретизатора глаголу комплекс образуется, а при обратной ситуации образование комплекса невозможно ни при каких условиях, каждый элемент должен иметь самостоятельное ударение: *Ierm̄en sætȳ şuḡ* «Чермен рубит дрова» (*sætȳşuḡ* — невозможно). Это же относится и к фамильным именам в случае, если они следуют за именами собственными, где обязательным является ударение на каждом элементе: *Besl̄æn Şanatȳ* «Беслан Шанаев», *Xazbī Alȳxxatȳ* «Хазби Аликов».

В понятие «сложного глагола» как частный случай с точки зрения ударения включается и сочетание субъекта и предиката. Субъект рассматривается как конкретизатор предиката и при наличии на нем логического ударения поглощает следующий за ним предикат, образуя единый акцентуальный комплекс. В случае, если перед субъектом стоит вопросительное слово *cȳ* «что за», *cavær̄* «какой», *sæmǣn* «почему», образование комплекса неизбежно: *cȳq̄yḡdābac̄ydis?* («какое горе в тебя проникло?»), *cȳdǣfyd̄bylyz̄dǣrxasta?* («какое твое несчастье тебя занесло сюда?») [1. С. 529–560].

Рассмотрим, как реально происходит распределение ударения в словах в современном осетинском языке на примере анализа простых повествовательных предложений. В качестве материала для анализа использовалась выборка повествовательных предложений из произведений осетинских писателей, записанная в цифровом формате в произнесении диктора Северо-Осетинского государственного телевидения Жанны Жукаевой. Инструментальный анализ изменения частоты основного тона (ЧОТ) и выделения слов во фразе осуществлялся с помощью компьютерных программ Sound Forge 6.0 и Praat. При описании под фразовым ударением подразумевается слог, характеризующийся наибольшим значением частоты основного тона (ЧОТ).

1. Зæронд маънырдæм æрбакаст.

Старик в мою сторону посмотрел.

Предложение представляет собой группу в виде предиката с двумя конкретизаторами. Субъектом предложения является первое слово *зæронд*, предикат *æрбакаст* стоит на последнем месте. Непосредственно перед предикатом находится конкретизатор *маънырдæм*, указывающий на направление действия.

В соответствии с правилами акцентуации срабатывает закон прогрессивного поглощения, поскольку наиболее выделенным является первое слово группы *зæронд*.

Фразовое ударение совпадает со словесным, так как наиболее выделенным является второй слог слова.

2. Адæм фæхъус (ы)сты.

Люди замолчали.

Данное предложение состоит из сложного глагола, выполняющего роль предиката *фæхъус уын* «замолчать», и его конкретизатора — субъекта действия *адæм*.

Диктором логически выделено первое слово фразы, что способствует объединению всего предложения в одну ритмическую группу.

Однако фразовое ударение в данном случае не совпадает со словесным. В изолированном произнесении ударение в слове *адæм* падает на первый слог. В данном предложении наибольшей ЧОТ характеризуется второй слог слова.

3. Дæлæсыхаг чындз бакаст гæххæт.

(Живущая ниже) сноха прочла бумагу.

В данном предложении предикат находится между двумя конкретизаторами. Перед предикатом на первом месте стоит субъект, выраженный определением с определяемым словом. В соответствии с правилами акцентуации эти два слова образуют один комплекс, ударение в котором не может падать дальше второго от начала слога.

После предиката на последнем месте стоит прямое дополнение. По правилу это должно препятствовать образованию единого комплекса, каждое слово должно нести на себе отдельное ударение. На самом деле данное предложение в произнесении диктора разбивается на две части: первую группу составляет выделенное фразовым ударением подлежащее с определяемым словом, вторую группу — сказуемое с прямым дополнением. Фразовым ударением выделена первая группа. При этом фразовое ударение совпадает со словесным и падает на второй слог слова.

4. Уыдон уырыссагау ысдзырдтой.

Они по-русски заговорили.

Предложение представляет собой комплекс в виде предиката, стоящего на последнем месте, и двух предшествующих ему конкретизаторов. На первом месте стоит субъект, выраженный местоимением, на втором месте — обстоятельство образа действия, выраженное наречием.

Наиболее выделенным словом во фразе является первое слово *уыдон*. Предложение, в соответствии

с правилами, должно объединяться в одну ритмическую группу. Однако в реальном произнесении оно разбивается на две части. Второе повышение тона отмечено на обстоятельстве *уырыссагау*, которое образует со следующим за ним сказуемым один ритмический комплекс.

В обеих частях предложения логическое ударение не совпадает со словесным. В первой части наиболее выделенным является второй слог слова, в то время как при изолированном произнесении словесное ударение должно падать на первый слог. Во второй части наиболее выделен третий слог слова *уырыссагау*, при изолированном произнесении ударение не может падать дальше второго слога.

5. Хæст райдыдта.

Война началась.

Данное двусоставное предложение состоит из предиката и предшествующего ему субъекта. С точки зрения ритмики предложение объединяется в один комплекс, поскольку наиболее выделенным является первое слово фразы — *хæст*. Все заударные слоги произносятся с понижением тона.

6. Уæдæ йыл зиан дæр нал æрцæудзæн.

В таком случае с ним и беда не случится.

Кроме субъекта *зиан* и предиката *æрцæудзæн*, в предложении присутствуют также отрицательная частица *нал*, местоимение *йыл* и частица *дæр*, а также союз *уæдæ*.

Отрицательная частица *нал* по правилам осетинского языка относится к проклитикам, в данном предложении она образует один ритмический комплекс с предикатом. Союз *уæдæ* никогда не может нести на себе ударения во фразе. Местоимение *йыл* и частица *дæр*, хотя и являются энклитиками, могут, по мнению В. И. Абаева, находиться во фразе в подударном положении.

В реальном дикторском произнесении фраза не представляет собой единого ритмического комплекса, поскольку наиболее выделенным оказывается не первое слово фразы, а четвертое — энклитика *дæр*. Вся фраза разбивается на две группы: первая группа предшествует наиболее выделенному *зиан дæр*, которое объединяется с последующим предикатом в одну акцентуальную группу.

7. Изæры хатыр курын хъæуы нæ сыхагæй.

Вечером прощения просить надо у нашего соседа.

Предложение состоит из составного глагольного предиката (*хатыр курын* «просить прощения») и *хъæуы* «надо»), обстоятельства времени *изæры*,

притяжательного местоимения *нæ* и дополнения *сыхагæй*.

Фраза представляет собой три акцентуальных комплекса. Первый состоит из слова *изæры*. Второй из глаголов *хатыр курын хъæуы*, третий — из дополнения *сыхагæй*, объединенного с проклитикой *нæ*. Нельзя точно сказать, что выделено фразовым ударением, поскольку диктор одинаково сильно выделяет и обстоятельство *изæры*, и глагол *курын*.

Фразовое ударение не совпадает со словесным: резкое повышение тона происходит на третьем слоге слова *изæры*, в то время как словесное ударение в изолированно произнесенном слове падает на второй слог. Второе повышение тона происходит на первом слоге слова *курын*, которое является энклитикой и образует одно фонетическое слово с предшествующим *хатыр*. Таким образом, фразовое ударение в фонетическом слове падает на третий слог, словесное дальше второго падать не может.

8. Ам дæр авг разынди саст.

Здесь тоже окно оказалось разбитым.

Предложение начинается с обстоятельства места *ам*, за которым следует частица *дæр* и субъект *авг*. Далее следует предикатив, в конце предложения находится обстоятельство образа действия. Наиболее выделенным во фразе является частица *дæр*, являющаяся энклитикой и образующая одну акцентуальную группу с обстоятельством места *ам*. Это не противоречит правилам, в соответствии с которыми энклитики в осетинском языке могут попадать в подударное положение.

Поскольку все остальные слова, следующие за словом *дæр*, произносятся со значительным понижением тона, можно говорить о том, что вся фраза произнесена как одна акцентуальная группа. Таким образом, получается, что, несмотря на то, что самым ударным является не первое слово фразы, вся фраза объединяется одним фразовым ударением. С другой стороны, слова *ам дæр* можно трактовать как одно фонетическое слово, так как *дæр* является энклитикой. Но и в этом случае приходится констатировать факт несовпадения фразового ударения со словесным. По правилам осетинского языка в фонетическом слове ударение подчиняется законам словесного ударения, то есть если первый гласный сильный, а второй слабый (как в данном случае), ударение должно падать (за редким исключением) на первый слог. В нашем случае фразовое ударение падает на второй слог.

9. Афтæ цæры зæронд Чаба.

Так живет старая Чаба.

По составу предложение состоит из обстоятельства образа действия (*афтæ*), предиката и субъекта, представляющего собой сочетание определения с определяющим словом. Самым выделенным во фразе является конкретизатор предиката *афтæ*, который образует с ним одну акцентуальную группу. Определение с определяющим словом тоже образуют одну акцентуальную группу и отграничиваются от первой части предложения небольшой паузой.

Фразовое ударение не совпадает со словесным, так как приходится на второй слог слова *афтæ*, в то время как словесное ударение падает на первый слог.

10. Мæнмæ фæзылдта йæ цæстытæ.

Ко мне (она) повернула свои глаза.

Предложение состоит из обстоятельства места, выраженного местоимением в направительном падеже, предиката и дополнения с притяжательным местоимением. Дополнение с местоимением представляют собой группу в виде определения с определяемым словом и образуют одну акцентуальную группу, отделяющуюся от предыдущей части небольшой паузой.

Наиболее выделенным во фразе является первое слово *мæнмæ*, его второй слог. Вторым по выразительности является предикат *фæзылдта*, второй слог. Таким образом, можно сказать, что

фраза не объединяется одним ударением, а распадается на три части.

Фразовое ударение совпадает со словесным.

Подводя итоги предварительного анализа, можно сделать следующие выводы:

1. В большинстве случаев наиболее выделенным во фразе оказывается первое слово, независимо от того, каким членом предложения оно является и какой частью речи выражено.

2. В большинстве предложений наблюдается несовпадение фразового ударения со словесным.

3. В анализируемых предложениях часто наблюдается несоблюдение правил акцентуации фразы. В ряде случаев в одну акцентуальную группу объединяются слова, которые должны интонироваться изолированно. Это может быть объяснено отсутствием контекста и индивидуальной трактовкой диктором тема-рематического членения предложений.

В целом необходимо отметить, что делать окончательные выводы на основании проанализированного материала не представляется возможным. Необходимо привлечение большего количества дикторов и увеличение объема экспериментального материала. Однако и сейчас уже можно сказать, что фразовое ударение, равно как и интонация, компонентом которой оно является, требуют тщательного исследования и описания для внесения корректив в традиционные грамматики осетинского языка.

Список литературы

1. Абаев, В. И. Осетинский язык и фольклор / В. И. Абаев. — М.; Л., 1949. — Т. 1. — С. 529–560.
2. Зиндер, Л. Р. Общая фонетика / Л. Р. Зиндер. — М., 1979. — 275 с.

Сведения об авторах

Дзахова Вероника Тамбиевна — доцент кафедры немецкого языка факультета иностранных языков, Северо-Осетинский государственный университет им. К. Л. Хетагурова. Владикавказ, Россия. tambi69@mail.ru

Андиева Маргарита Ахсарбековна — аспирант кафедры немецкого языка, Северо-Осетинский государственный университет им. К. Л. Хетагурова. Владикавказ, Россия. proba2-2003@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2017. No. 3 (399). *Philology Sciences. Iss. 105. Pp. 28—33.*

PHRASE EMPHASIS IN THE OSSETIAN SIMPLE DECLARATIVE SENTENCE

V. T. Dzakhova

Ossetian State University named after K. L. Khetagurov, Vladikavkaz, Russia. tambi69@mail.ru

M. A. Andieva

Ossetian State University named after K. L. Khetagurov, Vladikavkaz, Russia. roba2-2003@yandex.ru

The article deals with instrumental research of one of the Ossetian intonation components — that is, phrasal emphasis. It has a special role in the Ossetian, combining words' groups under one stress and depriving part of them their own original word stress. The research took as its starting point the data mentioned in the work of the prominent Ossetian scientist V. I. Abaev. The instrumental research was carried out either to confirm or disprove this opinion by means of modern scientific tools and methods.

Simple declarative sentences from the Ossetian literature were taken as a basis for the research. All the sentences read by the TV announcer were digitally recorded. The research was carried out with the help of modern software Sound Forge 6.0 and Praat.

The results of the research showed that the first word in the phrase is mostly stressed regardless of its functions in the sentence and part of speech it is expressed by. In most analyzed sentences phrase accent doesn't coincide with word stress. The further research on phrase accent distribution in the Ossetian language is essential to draw final conclusion on the subject of interest.

Keywords: *intonation, phrasal emphasis, instrumental speech analyses, the Ossetian language, phonetics.*

References

1. Abaev V.I. *Osetinskij yazyk i fol'klor* [The Ossetian Language and Folklore], vol. 1. Moscow; Leningrad, 1949. Pp. 529–560. (In Russ.).
2. Zinder L.R. *Obshchaya fonetika* [General Phonetics]. Moscow, 1979. 275 p. (In Russ.).

ПОЭТИКА СКАЗОК А. К. НОВОПОЛЬЦЕВА

Г. З. Имаева

Московский финансово-промышленный университет «Синергия», Москва, Россия

Рассмотрена поэтика бытовой сказки известного сказочника А. К. Новопольцева. Особый интерес представляют способы создания психологической, портретной характеристики героя, социального портрета. Сказки Новопольцева являются выражением его жизненных понятий и сохраняют высокие идеалы правды, добра и справедливости русского народа. И все это выражается с помощью изобразительных средств языка.

Ключевые слова: поэтика, русская бытовая сказка, сказочник, психологизм, эмоциональная окрашенность, социальный портрет, моралистические мотивы.

Абрам Кузьмич Новопольцев (1820–1885) — один из самых талантливых мастеров русской сказки. Он занимает, бесспорно, первое место по количеству и разнообразию записанных от него текстов и по богатству своего репертуара.

В репертуаре Абрама Новопольцева из 72 сказок всего 7 текстов составляют бытовые сказки и 12 — легенды, преподносимые им, прежде всего, как интересные по своей фабуле, занимательные бытовые рассказы.

Разные сюжеты и варианты сказок обладают разной степенью психологической насыщенности, но принципы изображения внутреннего мира героев сказок являются общими.

Наибольшей психологической и поэтической насыщенностью обладает его сказка «Богатый и бедный брат», которую можно отнести к сюжетам бытовых сказок с элементами волшебства и религиозно-легендарными, а также моралистическими мотивами. Отмечаются изменения в самом жанре сказки: появляется реалистическая и психологическая мотивированность эпизодов и ситуаций.

«Богатый и бедный брат» принадлежит сказочному сюжету «Шемякин суд». Вспомним краткую схему этого сюжета: бедный брат занимает у богатого лошадь и нечаянно отрывает ей хвост; затем по дороге к судье невзначай губит ребенка у старика; показывает судье спрятанный за пазухой (в мешке) камень, и тот, принимая жест за обещание взятки, выносит выгодный для бедняка приговор.

Новопольцев, виртуозно владея традицией, как бы переводит свою сказку в другой план, сознательно и последовательно разрушая ее эпический канон. Из всего сюжета он сохраняет лишь первый мотив о причинении вреда лоша-

ди, но и здесь вносит свои изменения. Бедный брат не отрывает лошади хвост, как в других сказках, — она умирает сама, без видимой на то причины. В варианте Новопольцева нет никакого судьи Шемяки, а есть Господь, который появляется в сказке в образе мальчика. Герои предстают перед Божьим судом, и каждый получает по заслугам. Новопольцев в одном повествовании соединяет чрезвычайно разнородные на первый взгляд темы: сказочный сюжет «Шемякин суд» и легендарный сюжет о наказании злых и недобрых людей и поощрении тех, кто отзывчив, трудолюбив и кроток. Объединение двух сюжетов воедино внутренне оправдано, подчинено задаче более полного раскрытия образа положительного героя и является, очевидно, результатом индивидуального творчества сказителя.

Эпический стиль Новопольцева — скупой, но энергичный из-за обилия глаголов. Например, у него есть предложения, состоящие из одних глаголов: «Приходит, говорит, плачет». Такой стиль представляет широкую возможность для выражения психологического содержания, словесный текст при этом начинает наполняться особым психологическим смыслом.

Обычно герой бытовой сказки типизируется в основных чертах характера без углубления психологической трактовки, чего не скажешь об образах, созданных Новопольцевым. Он показывает героя, бедного брата, во всей сложности и противоречивости человеческого характера. Действующие лица раскрываются почти исключительно в поступках и столкновениях (через диалог). Основными средствами создания образов являются заострение и гиперболизация качества, проявляющегося в поступке, и языковая характеристика.

Дополнительным приемом создания образов является психологическая портретная характеристика героя, создание социального портрета, необходимого для дальнейшего развития действия. В экспозиции сказки, например, дается социальный портрет бедного брата через описание его семьи. Здесь с помощью литоты «множество и мал мала меньше» и перифразы «пить-есть нечего» создается удивительно зримый образ нищеты бедного брата. Далее происходит углубление социального портрета с помощью детали: «Ребятишки плачут неутешно: трое суток не емши сидят».

Большую роль в сказке играет и языковая характеристика персонажей. Для сказки характерны две особенности языка — разговорная лаконичность и большая эмоциональная окрашенность, которые приобретают важное значение, так как с ними связано изображение психологического состояния героя.

Стиль разговорной речи становится одним из средств раскрытия образов. Диалогическое слово в сказке передает всю полноту художественного смысла, включая и психологическое переживание персонажа. Речь героев в сказке сопровождается передачей их душевных устремлений. Это выражается в отборе слов, их порядке. Речь персонажей обрисовывает не только их характеры, взаимоотношения, но и сословную принадлежность, усиливает социальные характеристики.

В немногих эмоционально окрашенных репликах богатого мужика заключается большое содержание: в них выступает его самомнение и тупое чванство. Он не умеет по-человечески разговаривать с людьми, речь его самоуверенна, груба. Ярко характеризуют его оценочные эпитеты, которыми он награждает бедного брата и мальчика: «проклятые», «окаянные». В целях усиления выразительности сказочник вкладывает в его уста бранную лексику, стилистически сниженные слова: «Гиньте вы, проклятые нищие!».

Сказочник использует такие приемы сказочного повествования, как эпическая ретардация и наращивание эффекта — повторяет один и тот же мотив с незначительными вариациями трижды, раз от разу все больше усиливая степень воздействия на слушателей.

Повторы являются одним из основных средств образности Новопольцева. Повторение раскрывает душевные движения действующих лиц. Например, герои сказки при сильных переживаниях часто плачут. Так, в сказке

Новопольцева сначала ребятишки бедного брата плачут, а потом он сам. У нас образуются следующие группы словосочетаний, в которых налично усиление переживаний героя: «плачут неутешно»; «горько плачет — горячее того заплакал»; «идет со слезами, плачет — еще того слезней плачет». Вероятно, частый плач героя не следует относить к его плаксивости. Это гиперболическая передача сильных переживаний.

Также в тексте имеются и другие виды повторений, с помощью которых показывается все большее усиление переживаний и волнения героя. Это можно проследить на примере двух эпизодов. Во-первых, когда бедный брат с мальчиком три раза просят на постой, его реплики с повторяющейся просьбой становятся все длиннее и эмоциональнее.

Хозяюшка, пустите нищих ночевать!

Хозяинушка, пусти Христа ради, ночевать!

Христа ради, призри от темной ночи!

В последней реплике имя Христа переносится в начало предложения, и появляется совершенно новый, более сильный для воздействия образ темной и страшной ночи. Во-вторых, точно в такой же последовательности даны и ответы хозяина, в которых показано возрастание раздражения богатого мужика от реплики к реплике.

Гинь от окна!

Гинь от окна!

Гиньте вы, проклятые нищие!

В следующем эпизоде Новопольцев также использует повторение с усилением в диалоге хозяина богатого дома с бедным братом, когда тот просит кусок хлеба.

Хозяин, подай милостыню, Христа ради, нам на полати!

Хозяин, подай кусок, Христа ради!

Если первое высказывание более пространно и называет еду в расширенном понимании милостыней, то вторая просьба изложена короче и конкретнее — он просит «кусок».

Переживание может выявляться и через его внешнее проявление (бедный брат свою речь часто начинает с междометий: ох (5 раз), эх (2 раза), ах; в некоторых репликах сказывается униженность, забитость героя: «Ох, хозяйюшка, не смею»).

Таким образом, следует различать следующие приемы раскрытия внутреннего мира главного героя в сказке:

1) определение переживаний и душевных состояний героя сказки (нищета, голод, страх, испытанный при виде гибели лошадей);

2) передачу их при изображении действий персонажа (частый плач, пал на колени);

3) выражение их в речи персонажей (использование приема троичной ретардации; градации).

Некоторые исследователи считают, что изображение внутреннего мира человека и интенсивное развитие психологизма в сказке разрушает жанр. Однако в этом случае в социально-бытовой сказке изображение состояния, эмоций персонажей являются наряду с другими приемами (заострением, ретардацией, усилением, гиперболой) средством типизации.

Генерализующим началом в сказке являются взгляды Новопольтцева как представителя народа на богатство и бедность, добро и зло. В образы своих героев сказочник привносит черты, связанные с собственными жизненными идеалами. Персонажи его сказки (бедный и богатый братья, мальчик) — люди религиозные. Есть все основания говорить об эстетике нравственности в сказке, обусловленной психологией рассказчи-

ка и его микросреды. В сказках подобного типа все симпатии сказочника бывают на стороне бедного, а богатый брат, наоборот, рисуется обычно отрицательными чертами. Однако Новопольтцев совершенно иначе трактует этот образ. Богатый у него полон сочувствия к своему бедному брату, а когда у того умирают две лошади подряд, дает ему и третью, ни в чем не обвиняя брата. Но образ при этом теряет свою достоверность. К трактовке образа положительного героя Новопольтцев подходит также с несколько иных позиций: бедняк у него добивается благополучия не потому, что имеет на него право как представитель определенного класса, а благодаря своим личным положительным качествам и при помощи сверхъестественной силы — Господа.

Все эти особенности сказки свидетельствуют о высоком мастерстве А. К. Новопольтцева, достигающего при минимуме изобразительных приемов большого художественного эффекта в создании образов героев сказки.

Список литературы

1. Садовников, Д. Н. Сказки и предания Самарского края / Д. Н. Садовников. — Самара, 1993. — Вып. 2. — 204 с.

Сведения об авторе

Имаева Гульнара Зайнетдиновна — доктор филологических наук, профессор кафедры корпоративной культуры и публичных релейшн, Московский финансово-промышленный университет «Синергия». Москва, Россия. imaevagulnaraz@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2017. No. 3 (399). *Philology Sciences. Iss. 105. Pp. 34—36.*

THE POETICS OF FAIRY TALES, NARRATED BY A. K. NOVOPOLTSEV

G. Z. Imaeva

Moscow Financial-Industrial University "Synergy", Moscow, Russia. imaevagulnaraz@mail.ru

The article deals with everyday tales poetics of the famous storyteller A. K. Novopoltsev. The ways of creating the character's, psychological, portrait characteristics and creating the character's social portrait are of particular interest. Novopoltsev's tales express his live concepts and retain the big ideals of truth, verity and justice of the Russian people. And this is expressed by the stylistic devices of the language.

Keywords: *poetics, Russian household fairy tale, storyteller, psychology, emotive, social portrait, moral motives.*

References

1. Sadovnikov D.N. *Skazki i predaniya Samarskogo kraja* [Tales and legends of the Samara region], iss. 2. Samara, 1993. 204 p. (In Russ.).

УДК 803.0

РОЛЬ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В ПОЭЗИИ АЖИНИЯЗА

Г. Е. Карлыбаева

Каракалпакский государственный университет имени Бердаха, Нукус, Узбекистан

Анализируются особенности употребления типов фразеологических единиц в стихах Ажинияза Косыбай улы. Отмечается, что фразеологические единицы в произведениях Ажинияза выполняют роль текстообразующих элементов, являются способом и средством глубокой выразительности и яркости поэтического языка.

Ключевые слова: *Ажинияз, поэтический язык, фразеология, фразеологическая единица, стихотворение, стиль.*

Ярким представителем каракалпакской классической поэзии является Ажинияз Косыбай улы. Когда говоришь об Ажиниязе, то вспоминаются слова народного поэта Узбекистана и Каракалпакстана Ибрагима Юсупова об Ажиниязе:

Поэта свет рождается не часто,
Уходит он, чтобы стихам начаться.
Хотите звезды дальние приблизить?
Хотите, чтоб, покинув ложе смерти,
Я продолжал бы жить на этом свете?
Внемлите слову моего наказа:
Пропойте песню мне Ажинияза.

Стихотворения Ажинияза проникают в самую глубину сердца, пробуждают неутолимое волнение души, своеобразным, несравненным напевом слов не оставляют равнодушным своего читателя. Ажинияз внес весомый вклад в арсенал изобразительных средств каракалпакской классической поэзии, обогатив ее ценнейшим опытом восточной классики. Он хорошо знал Навои, Физули и Махтумкули. Лучшим примером этому являются такие его стихи, как «Мои глаза», «Нужен», «Не было», «Мой народ есть», «Красавица из Бозатау», «Как пахарю нужна земля», «Ливень хлынет над вершиной» и так далее. Ажинияз обогатил и разнообразил каракалпакское стихосложение, поднял его на новую ступень, он был и остается примером для всех тех, кто хочет постигнуть тайны художественного слова.

В данной статье рассматриваются некоторые особенности использования Ажиниязом фразеологических единиц. В стихах поэта богатство поэтической речи, ее эмоциональная сила добиваются специальными художественными приемами, изобразительными и выразительными средствами языка, которые делают произведения оригинальными и интересными.

В современном языкознании вопросы анализа особенностей употребления и функционирования фразеологизмов в поэтических произведениях относятся к числу актуальных. Интерес к исследованию закономерностей и особенностей употребления фразеологизмов обусловлен их эстетической и выразительно-образительной функцией в тексте. Фразеологические обороты не всегда прямо вводятся Ажиниязом в его произведения, нередко они варьируются поэтом по своему. Как отмечает А. Пирназаров, «изучение характера индивидуально-новаторского подхода Ажинияза к фольклорной образности, идиоматике, тропам в соответствии с его идейно-эстетическими целями показывает, что поэт как бы продолжает работу над ними, делая обороты народной поэзии еще более эстетически совершенными, отточенными» [5. С. 39].

Под фразеологическими единицами мы понимаем относительно устойчивое, воспроизводимое, экспрессивное сочетание лексем, обладающее целостным значением. Пользуясь различными терминами (фразеологизм, фразеологическая единица, устойчивое сочетание, идиома и др.) и данным определением, мы опираемся на традиционное толкование, принимаемое большинством фразеологов (В. В. Виноградов, Б. А. Ларин и др.).

Каракалпакская фразеологическая единица, как и в других языках, представляет собой довольно сложное и противоречивое единство: будучи отдельно оформленным образованием, она наделена целостным значением, устойчива и воспроизводима в речи, что помогает автору проявлять тонкие грани между содержанием и способом выражения фразеологической единицы. Рассматривая фразеологизмы в произведениях Ажинияза, можно выделить несколько

групп, отличающихся своими структурными свойствами.

1. Фразеологизмы, которые обладают слитным значением (идиоматические ФЕ). Здесь часто употребляются фразеологические сращения (*фразеологиялық өтлесиулер*), в которых наблюдается тесная связь между компонентами. Они семантически неделимы, не допускают замены или добавления слова. В них нет слов с их самостоятельными значениями, поэтому значение фразеологизма не вытекает из значений отдельных компонентов. Фразеологическое сращение представляет собой семантически неделимый фразеологический оборот, в котором его целостное значение совершенно не соотносится со значениями его компонентов [4]. Такие ФЕ часто встречаются в произведениях Ажинияза:

Көзине май питип, елин танымас...

Заплыли глаза жиром, и родней своей пренебрегает¹ [2. С. 41].

Хэмме сениң досың, ярың,
Төрт жагың қублаға мегзер...

Все твои друзья, приятели,
И все четыре стороны Кааба [2. С. 70].

Қазан урған гүлге мегзер...
Подобен цветку после листопада [2. С. 70].

Пәтиұасыз хэм умытшақ,
Суў көтермес, ол ашыўшақ ...

Пустослов и рассеян,

И к нему на козе не подъедешь (букв.: не терпит воды) [2. С. 70].

Как видно из примеров, все компоненты ФЕ образуют своеобразные синтаксически составные слова, выступающие как целостные семантические единицы.

2. Фразеологические единства (*фразеологиялық бирликлер*) — семантически неделимые и целостные фразеологические обороты, значение которых мотивировано значениями компонентов в их обычном употреблении [5]:

Хаял якшы болса көңлиңни ашар,
Хаял яман болса *абырайың қашар*
Если жена хорошая, душа поет,
А если плохая — осрамлена честь [3. С. 34].

Қэддиңни бүкмәгил хунаба йутып,
Гүл йүзиң солдырма, хеш *матам тутып*
Не лей кровавые слезы,

Не гни стан свой, не допускай,

Чтоб лицо прекрасное увяло, не носи траур [2. С. 166].

Жасы жетпис үшке шыққан мамалар,
Бахтым қара дейди шалдан айрылса.
Старухи лет семидесяти трех
Говорят: “Несчастливая я” (букв.: черное счастье мое), —

Если потеряли стариков (мужей) [2. С. 65].

Использованные в стихотворениях Ажинияза фразеологизмы выражают чувства и переживания лирического героя, эмоциональную оценку качеств, черт характера влюбленной. При этом наиболее ярко проявляются образные окраски, оригинальные лексико-семантические построения. Часто встречаются фразеологизмы с общим мотивом страдания, муки, печали, тоски, которые прежде всего выражаются через стержневые слова *кеўил*, *жан* (душа), реже — *жүрек* (сердце). Они в сочетании с глаголами *жаньу*, *күйу*, *өртениу* (гореть, сгорать) создают метафорический образ горящего или страждущего сердца:

Йүрегиме ада болмас *от йақып*,
Мениң жаным отқа яқар гөззаллар
Развели бесконечный огонь в сердце моем,
Душу мою сжигают в костре красавицы [2. С. 50].

Жаным отқа яқты көзлерин сүзип,
Қәлем қашын меңа қақты да кетти
Строив глазки, душу мою сожгла,
Взметнув бровями тонкими, исчезла она [2. С. 51].

Кирпиги оқ киби қашлары кәман,
Әзиз *жаным* тәндин *шықты* да кетти
Ресница, словно стрела, брови дугой,
Душа моя родная вскочила из тела [2. С. 51].

Көзини яшартып, *бағрыны тилип*
Со слезами на глазах, исполосовав душу [2. С. 130].

Гамий хижран билән *бағрыны сөкип*
Сгоречью в душе, распоров душу [2. С. 179] и т. п.

3. Фразеологические сочетания (*фразеологиялық дизбеклер*), которые состоят из слов со свободным и фразеологически связанным значением. В них обычно лишь значение одного из слов воспринимается как значение несвободное, связанное. Для фразеологического сочетания характерно наличие синонимического, параллельного оборота, связанного тем же опорным словом, характерно сознание отделимости и заменимости фразеологически несвободного слова [1]:

Кеттиң көзден *гайып болып*
Ты скрылась с глаз [2. С. 156].

Қулақ салың бул сөзіме.

Прислушайтесь к слову моему [2. С. 156].

¹Подстрочный перевод наш. — Г. К.

Көз-қулақ бол қызым менен балама.
 Присматривай за моей дочерью и сыном
 (букв. будь глазами и ушами) [2. С. 124].
Шар тәрәпке көзин салып
 Поглядывая на все четыре стороны [2. С. 124].
Қулақ тутмас хәрғиз адам сөзинә
 Никогда не внемлет слову человеческому [2. С. 130].

Билгеннің тилин алмаса
 Если не слушается сведущего [2. С. 156].
Бир достыңнан кеўлиң қалса
 Если обиделся на друга одного [2. С. 124] и т. п.
 В этих примерах первый компонент фразеологизмов употребляется в своем прямом значении, а второй — в несвободном, фразеологически связанном.

Кроме этого, в произведениях Ажинияза широко представлены фразеологизированные пословицы и поговорки, которые не только являются семантически членимыми, но и состоят целиком из слов со свободными значениями. Ажинияз как поэт, хорошо знающий восточную литературу, не просто использует пословицы и поговорки, он выбирает наиболее яркие, самые лучшие образцы народных изречений, творчески обрабатывает, обогащает их, кроме того, некоторые поэтические строки Ажинияза сами стали среди народа пословицами и поговорками:

Байтал шаўып бэйги алмас,
Мал ийесин табар, сөз тапса жүйе
Как слово найдет свое место,
Так и скот найдет своего хозяина [2. С. 209].
Елинен айрылған дийўана болар,

Ярынан айрылған бийғана болар
 Потерявший Родину станет нищим,
 Потерявший любимую — скитальцем [2. С. 63].
Бул дүньяның көрки адам баласы,
Сол адамның көкке жетер наласы
Краса мира сего — человек,
Плач которого дойдет до небес [2. С. 63].
Атқа минген билән кәтқуда болмас,
Йурттан асқан ақыл-хуўшы болмаса
Оседлав коня, не станет старейшиной,
Если нет у него разума высокого [2. С. 64].
Дүзде ашлық машақатын көрмеген,
Үйде ыссы нанның қәдирын не билсин
Если не хлебнул горечь голода в пустыне,
Откуда знать ему цену горячей лепешки в доме [2. С. 105] и т. п.

Таким образом, поэтика лирики Ажинияза отличается многообразием изобразительно-выразительных средств. Фразеологические единицы как способ и средство глубокой выразительности и яркости выполняют в стихотворениях Ажинияза роль текстообразующих элементов. Поэт стремился к выбору и использованию самых лучших образцов народной фразеологии, являющихся неисчерпаемым источником речевой экспрессии. В то же время Ажинияз как глубокий знаток восточной поэзии в произведениях использует наиболее яркие, самые лучшие образцы, глубоким поэтическим чутьем творчески обрабатывает, обогащает их. Этим и объясняется уникальность поэтического языка Ажинияза Косыбай улы.

Список литературы

1. Виноградов, В. В. Русский язык / В. В. Виноградов. — М., 1947. — 783 с.
2. Ажинияз, К. Избранные произведения / К. Ажинияз. — Нукус, 1975. — Т. I. — 250 с.
3. Ажинияз, К. Избранные произведения / К. Ажинияз. — Нукус, 2014. — Т. II. — 247 с.
4. Бердимуратов, Е. Хәзирги қарақалпақ тили. Лексикология / Е. Бердимуратов. — Нөкис, 1994. — 186 с.
5. Пирназаров, А. Мастерство Ажинияза / А. Пирназаров. — Нукус, 1983. — 210 с.

Сведения об авторе

Карлыбаева Гульмира Ермекбаевна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник-исследователь, Каракалпакский государственный университет имени Бердаха. Нукус, Узбекистан. shirazova@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2017. No. 3 (399). Philology Sciences. Iss. 105. Pp. 37—40.

PHRASEOLOGISMS IN AJINIYAZ POEMS

G. E. Karlibaeva

Karakalpak State University Berdakh, Nukus, Uzbekistan. shirazova@mail.ru

The article deals with the analysis of the features of the use of types of phraseological units in Ariniyaz Kocibay uli verses of an ula. It is noted that phraseological units in Ariniyaz's works carry out a role the text forming elements, are way and means of deep expressiveness and brightness of poetic diction.

Keywords: *Ajiniyaz, poetic diction, phraseology, phraseological unit, poem, style.*

References

1. Vinogradov V.V. *Russkii iazyk* [The Russian Language]. Moscow, 1947. 783 p. (In Russ.).
2. Ajinyaz K. *Izbrannye proizvedeniia* [Selected works], vol. 1. Nukus, 1975. 250 p. (In Karakalpak).
3. Ajinyaz K. *Izbrannye proizvedeniia* [Selected works], vol. 2. Nukus, 2014. 247 p. (In Karakalpak).
4. Berdimuratov E. *Sovremennyi karakalpakskii iazyk* [Foreign Karakalpak Language]. *Leksikologiya* [Lexicology]. Nukus, 1994. 186 p. (In Karakalpak).
5. Pirnazarov A. *Masterstvo Azhiniyaza* [Ajiniyaz Skills]. Nukus, 1983. 210 p. (In Karakalpak).

УДК 39
ББК 86

ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИСПАНСКОЙ МИФОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА

Е. В. Козловская

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Рассматривается становление и развитие мифологической картины мира народов Иберийского полуострова, описывается роль мифологического мышления в жизнедеятельности общества в тот или иной исторический период. Исследование формирования и развития мифологической картины мира проведено на материале испанских мифов и легенд. С изменением общественных условий жизни первобытные формы верований и мифологического восприятия реальности не исчезли полностью. Одни из них нашли свое место в современных религиях, другие стали неотъемлемой частью бытовых суеверий и предрассудков.

Ключевые слова: мифология, мифологическая картина мира, магия, анимизм, первобытные религии.

Мифология Иберийского полуострова и, в частности, Испании очень богата и разнообразна. Этот факт обуславливается влиянием на становление испанской мифологии различных культур. Мифологическая картина мира Испании на пути своего формирования постоянно пополнялась мифологическими элементами других, чуждых для нее мифологических систем, которые нашли свое отражение и прочно укрепились в ней.

Мифологические представления берут свое начало от первобытных иберийских племен, населявших территорию Испании в древние времена. Основа испанской мифологии была заложена религиозными представлениями этих племен, для которых было характерно наличие тотемических и анимистических верований, а также представление о связи между миром живых и загробным миром, сказания о сотворении мира и культурных героях (как Гильгамеш).

С приходом кельтских племен на Иберийский полуостров мифология иберов расширяет свои границы и дополняется новыми элементами. Кельты верили в загробную жизнь и реинкарнацию. Кельтские мифы очень часто повествуют о героях (Кухулин, Талиесин, Оисин) и реже — о богах. Другой отличительной чертой кельтских мифов является любовный треугольник: как правило, в нем фигурируют прекрасная богиня, фея или юная дева и двое мужчин — молодой отважный воин и умудренный жизнью старик. Одного из них любят, другого отвергают. В попытке завоевать сердце прекрасной девы в ход шли оружие, сила и колдовство [7]. От кельтской мифологии

начинается серия приданий и легенд, содержащих сюжеты колдовства, магии и чародейства.

Кельтиберская мифология, появившаяся в результате взаимодействия двух культур, дополняется элементами магии. Пополняются сказания о героях, борющихся с земными вражескими силами, и магах, противостоящих сверхъестественным созданиям, являющим собой воплощение зла и тьмы. Наиболее известны кельтские легенды о белом маге и колдуне Мэрилине, который противостоит Моргане, ведьме, находящейся на стороне тьмы.

При взаимодействии с греческой мифологией в кельтиберской мифологической системе появляются всевозможные мифические существа: драконы, феи, василиски, нимфы, сатиры и другие [4]. С распространением греческой мифологии на Иберийском полуострове усилилось распространение фетишизма, использование всевозможных символов, статуэток и амулетов, являвших собой поклонение и обожествление Пана (козлоногого сверхъестественного существа, отголоски этих верований мы можем наблюдать во многих испанских легендах сказках), Деметры и других.

Так, в астурийской легенде “El díaño burlón” и в легенде Наварры “El diablo burlón” (которые очень похожи по своему содержанию и различаются только некоторыми незначительными деталями) рассказывается об усталом страннике, решившем остановиться и отдохнуть в лесу в приятной прохладе тенистых деревьев. Но, не успев расположиться, странник увидел красивейшего козла и решил приблизиться к нему.

“El chivo dejó que el fatigado caminante se monte sobre su lomo, para entonces cabalgar a una velocidad endiablada en ir aumentando en tamaño” [10. С. 81] (Козел позволил уставшему страннику взобраться на его спину, а затем пустился в такую бешеную скачку, от которой кружилась голова).

Козел, как бы приглашая странника, согнул передние ноги, и странник вскочил на него, желая прокатиться. Тут козел как будто стал увеличиваться в размерах и рванул с места с такой головокружительной скоростью, что у бедного странника перехватило дыхание. До смерти перепуганный он начал призывать на помощь всех известных ему святых — это и спасло ему жизнь. Козел исчез так же неожиданно, как и появился, а странник быстро покинул место, где с ним произошло это злоключение.

В этих двух легендах мифоним (*diano*/Диано) изображается в виде козла, что вполне объяснимо, так как козлы — аналогия грешников в евангельской проповеди о Судном дне, когда Христос отделит их от овец и отправит в огонь вечный. Отсюда, вероятно, козлиный облик средневекового дьявола, ассоциация, усиленная репутацией козла как злобного разрушительного существа. Завершающий этап формирования мифологической системы Иберии был ознаменован распространением влияния Римской империи и романизацией Иберийского полуострова. Изначально римская мифология характеризовалась анимизмом. Итальянцы поклонялись душам умерших и боялись сверхъестественной силы. Для благосклонности богов римляне прежде чем начать какое-либо дело совершали молитву [6]. В богах римляне видели только волю (*pumen*), которая вмешивалась в человеческую жизнь.

С принятием Римской империей христианства появляется новая мифология, в основе которой лежат библейские сказания. Образы христианства входят в обиход и укореняются в сознании общества, соединяясь с пережитками языческих верований и древних религий народов, населявших Иберийский полуостров до его романизации.

Испанский католицизм ассоциируется с размахом инквизиции, во времена которой в сознании людей надежно закрепляется вера в колдовство и черную магию, а «охота на ведьм» становится обыденным понятием. Легенда “*La Mulata de Córdoba*” («Чародейка из Кордобы») — один из примеров этого влияния. Это легенда о прекрасной девушке арабского происхождения, которая обладала даром врачевания и была неописуемо

прекрасна, но вскоре люди стали думать, что она ведьма и ее красота — это дьявольский дар за ее служение ему. Эта легенда заканчивается тем, что ее обвиняют в колдовстве и запирают в башне, откуда она исчезает загадочным способом (нарисовав на стене лодку, она всходит на нее и лодка уплывает). Стоит отметить, что подобные легенды очень распространены на территории данной области и часто встречаются за ее пределами. Со временем слово *Mora* (*Mulata*) утратило свое первоначальное значение «мавританка» и стало употребляться в качестве указания на ведьму независимо от того, какого цвета была ее кожа и какого она была происхождения.

Интересен и тот факт, что очень часто считалось, что мавры (или арабы) знали различного рода заклинания, владели черной магией и поклонялись дьяволу. Возможно, это происходило из-за расхождений в вопросах веры, которая во времена Средневековья достигла апогея своего фанатизма и подозрительности. Этим и объясняются столь частые казни мавров и мавританок в период Инквизиции.

“*Con el tiempo la gente llegó a sospechar de su singular belleza, de la gran facilidad para curar a los enfermos y de su eterna soltería, así que no tardó en esparcirse el rumor de que La Mulata era bruja y amante del diablo, razón por la cual podía curar cualquier enfermedad además de mantenerse siempre joven y hermosa...*” [9. С. 30] (Прошло время, и среди людей стали распространяться слухи о том, что Чародейка была ведьмой и приспешницей дьявола, который наделил ее, помимо неземной красоты, бессмертием и талантом излечивать любую болезнь).

Кроме того, во времена Инквизиции красота часто считалась чем-то преступным, противозаконным, противоестественным и связанным с темными силами и нечистыми духами (и отрывок из легенды — яркий тому пример). Вот почему в средневековой Европе казнили столько ни в чем не повинных девушек, которые обладали красотой и ни в коей мере не были причастны к колдовству. Инквизиция всегда объясняла это тем, что эти девушки продали свою душу дьяволу за вечную молодость и красоту (или утверждала, что эта «девушка» была старой ведьмой, но по своему желанию могла принимать облик молодой и привлекательной юной особы).

Вера в ворожбу, приворот, колдовство (*hechizo*) сильна до сих пор и особенно в сельских районах Испании, хотя ворожеи преследовались

в Испании еще со времен Альфонсо X Мудрого, который в своде законов XIII в. “*Libro de siete partidas*” предусматривал наказания для тех, кто колдовскими чарами привораживает женщин и мужчин. А Фернандо Рохас в своей «Селестине» (1499) описывает ингредиенты надежного приворотного зелья: веревка повешенного и кровь летучей мыши [5]. Результатом ворожбы или сглаза (*mal de ojo*) до сих пор в Галисии и Астурии часто объясняют семейные несчастья, редкую болезнь ребенка и предлагают средство от порчи.

Гнет Арабской империи на протяжении почти восьми веков также наложил отпечаток на общую мифологическую картину, сформировавшуюся на Иберийском полуострове. Поскольку арабская культура и верования всегда воспринимались как нечто «чуждое» в испанской культуре, в эпоху Инквизиции нередко были случаи казни обвиняемой ведьмы (очень часто мавританки) путем ее публичного сожжения на костре. Однако испанская мифология почерпнула из арабской мифологии представления о неизвестных до этого существах, например, оборотнях и вампирах [11].

Противостояние мусульманской культуре и века Реконкисты способствовали проявлению воинствующего христианства в испанском характере, а также стремление его сохранить и распространить.

Христианство с принципом антиномий в основе стало важнейшим истоком мифологии Испании. В антиномиях противоположные стороны постоянно противостоят друг другу, никогда не переходя друг в друга, не порождая при взаимодействии третий элемент. Так, Бог и дьявол ни при каких условиях не могут договориться или создать что-то сообща.

Для испанцев мир божественный был так же близок, как и земной. Соответственно, Христос, Дева Мария и Сатана обретают человеческие черты в глазах католиков, они оказываются рядом с человеком, он чувствует их присутствие в своей жизни. Страдания Христа и мучения грешников в аду — постоянный предмет устойчивого интереса, внимания и напряженного переживания как в повседневной жизни каждого испанца, так и в литературе, мифологии и искусстве.

Список литературы

1. Зубов, А. Б. История религии. Книга первая / А. Б. Зубов. — М., 2006. — 436 с.
2. Леви-Стросс, К. Структура мифа / К. Леви-Стросс. — СПб., 1992. — 346 с.
3. Малиновский, Б. Магия, наука и религия / Б. Малиновский // Магический кристалл. — М., 1998. — 288 с.
4. Мифы народов мира. Энциклопедия. — М., 1980. — 672 с.
5. Оболенская, Ю. Л. Легенды и предания народов Испании / Ю. Л. Оболенская. — М., 2004. — 205 с.
6. Тейлор, Э. Б. Миф и обряд в первобытной культуре / Э. Б. Тейлор. — Смоленск, 2000. — 624 с.
7. Токарев, С. А. Ранние формы религии / С. А. Токарев. — М., 1990. — 622 с.
8. Фрезер, Д. Д. Золотая ветвь / Д. Д. Фрезер // Исследование магии и религии / Д. Д. Фрезер. — М., 2003. — 781 с.
9. Baroja, J. C. Del viejo folclore castellano: páginas sueltas / J. C. Baroja. — Salamanca, 1989. — 464 p.
10. Díaz, J. Mitología popular (Campo de Montiel) / J. Díaz. — Burgos, 2004. — 296 p.
11. Lozano, C. Leyendas y tradiciones españolas / C. Lozano. — Granada, 1988. — 368 p.

Сведения об авторе

Козловская Екатерина Владимировна — старший преподаватель кафедры романо-германских языков и межкультурной коммуникации, Челябинский государственный университет. Челябинск, Россия. sandkate@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2017. No. 3 (399). Philology Sciences. Iss. 105. Pp. 41—44.

STAGES OF FORMATION OF THE SPANISH MITHOLOGICAL PICTURE OF THE WORLD

E. V. Kozlovskaya

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. candkate@mail.ru

The given article is devoted to consider the formation and development of mythological picture of the world of the Iberian peninsula peoples, and to describe the role of mythological thinking in activity of society during different historical periods. In this article we have made an attempt to track and analyse the evolution of mythological views of the human being and we have come to a conclusion that such primitive religions as a totemism, the taboo, fetishism, etc. haven't disappeared eventually, on the contrary, they were transformed to more modern beliefs and religions, and have taken the place in life of modern society. We can observe it in a varying degree in ceremonies, traditions, customs of any culture.

Keywords: *mythology, mythological picture of the world, magic, animism, primitive religions.*

References

1. Zubov A.B. *Istorija religii. Kniga pervaja* [History of religion. First volume]. Moscow, 2006. 436 p. (In Russ.).
2. Levi-Stross K. *Struktura mifa* [Structure of the myth]. Saint Petersburg, 1992. 346 p. (In Russ.).
3. Malinovsky B. *Magija, nauka y religija* [Magic, science and religion]. Moscow, 1998. 288 p. (In Russ.).
4. *Mifi narodov mira. Encyclopedia* [Myths of people of the world. Encyclopedia]. Moscow, 1980. 672 p. (In Russ.).
5. Obolenskaya U.L. *Legendy y predaniya narodov Ispanii* [Legends and myths of Spanish people]. Moscow, 2004. 205 p. (In Russ.).
6. Taylor E.B. *Mif y obryad v pervobitnoy kulture* [The myth and a ceremony in primitive culture]. Smolensk, 2000. 624 p. (In Russ.).
7. Tokarev S.A. *Rannie formi religii* [Early forms of religion]. Moscow, 1990. 622 p. (In Russ.).
8. Frezer D.D. *Zolotaja vetw'* [Gold branch]. Frezer D.D. *Issledovanije magiy y religiy* [Research of magic and religion]. Moscow, 2003. 781 p. (In Russ.).
9. Baroja J.C. *Del viejo folclore castellano: páginas sueltas*. Salamanca, 1989. 464 p. (In Spanish).
10. Díaz J. *Mitología popular (Campo de Montiel)*. Burgos, 2004. 296 p. (In Spanish).
11. Lozano C. *Leyendas y tradiciones españolas*. Granada, 1988. 368 p. (In Spanish).

УДК 811. 111. 373.
ББК 81.432.1

КОНЦЕПТ «УДАЧА» ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

А. И. Лызлов

Смоленский государственный университет, Смоленск, Россия

Данная статья посвящена анализу концепта «удача». Материалом исследования послужили фразеологические единицы английского языка. Работа нацелена на исследование аксиологической составляющей концепта «удача». Анализ содержания фразеологических высказываний позволяет выделить ряд атомарных элементов, составляющих объем значения концепта «удача». Данные элементы получают в работе название «когнитивно-оценочный признак». Изучение данных признаков позволяет уточнить структуру содержания исследуемого концепта. Негативная и положительная оценка, выражаемая исследуемыми английскими фразеологическими единицами, изучается на основании примеров, взятых из англоязычной литературы.

Ключевые слова: *оценка, фразеологизм, концепт, признак.*

Концепт «удача» основывается на этической категории добра. Добро понимается как высшая нравственная ценность. Иными словами, он может быть описан в рамках категории оценки. Изучая категорию оценки, многие филологи-исследователи определяют ее как отношение говорящего к действительности [2; 4]. Разрозненные оценки постепенно складываются в системы ценностей. Для того чтобы оценить объект, человек должен рассмотреть его относительно своей системы ценностей. Понятие системы ценностей важно для теории оценки. Концепт удача, несомненно, занимает в этой системе достойное место. Исследуя систему ценностей, Н. Д. Арутюнова употребляет синонимический термин «идеализированная модель мира», в который «входит и то, что уже есть, и то, к чему человек стремится, и то, что человек воспринимает, и то, что он потребляет, и то, что он создает, и то, как он действует и поступает; наконец, в нее целиком и полностью входит и сам человек» [3. С. 5].

Н. Ф. Алефиренко описывает содержание концепта как взаимодействие когнитивной, эмотивно-оценочной и языковой сфер. Каждая из этих сфер находит особое преломление в содержании концепта, делая его многоярусным образованием, выполняющим роль речемыслительного посредника между языковым знаком и мыслительными корреляциями этого знака — образами, представлениями и понятиями [1].

Некоторые исследователи рассматривают концепт «удача» как контрагент концепта «неудача», представленного в английском языке поня-

тием FAILURE [5]. Другие рассматривают удачу как сопутствующий элемент концепта «игра» [3]. Поскольку человеческое мышление — когнитивный процесс, который позволяет получать, структурировать и хранить информацию в виде системы представлений — концептов [6; 7].

Описывая тот или иной концепт в рамках теории оценки, необходимо применять определенные механизмы исследования. Для анализа оценочной составляющей концепта необходимо использовать понятия более низкого уровня, некоторые «атомы сознания», из которых складывается концепт. В этом случае мы используем понятие «когнитивный оценочный признак». Под когнитивно-оценочным признаком мы понимаем элемент плана содержания оценочного высказывания, репрезентирующий знания аксиологического характера.

Целью данной статьи ставится исследование концепта «удача» как феномена аксиологического порядка. На первом этапе она посвящена изучению данного концепта сквозь призму фразеологических единиц. Рождаясь в процессе становления и развития языка, фразеологизмы как произведения устного народного творчества отражают релевантные черты ментальных образований — концептов. Изучая фразеологические единицы, представляется возможным выделить когнитивно-оценочные признаки концепта. Выделение данных атомарных элементов позволит уточнить объем значения исследуемого концепта «удача». На втором этапе производится анализ

фразеологических единиц, употребляемых в текстах англоязычной литературы, для того, чтобы уточнить особенности употребления данных оценочных единиц современными носителями языка, что и составляет научную новизну работы.

Ценность удачи.

Удачу как предмет желаний человека, иными словами — ценность, рассматривает фразеологическая единица: «**luck is a lord**» (WDP) (букв.: «удача — это лорд»). Она построена как нормативно оценочная структура. В ней удача сравнивается с лордом, символом власти и могущества. Компаративная оценка присутствует во фразеологической единице «**better be born lucky than rich**» (ODP) (букв.: «лучше родиться счастливым, чем богатым») — выстраивается аксиологическая шкала, в которой счастье занимает более предпочтительное положение, чем богатство.

Компаративная семантика присутствует также и во фразеологической единице «**good luck reaches further than long arms**» (WDP) (букв.: «удача дотянется дальше, чем длинные руки»). В ней соматический элемент «руки» соседствует с рассматриваемым в статье концептом «удача». Выбор англичан, как можно предположить, за удачей.

Семантика оценки сочетается с темпоральной семантикой в связном сочетании «**good luck never comes too late**» (WDP) (букв.: «удача никогда не приходит слишком поздно»). В ней речь идет о том, что человек не должен отчаиваться и ждать, когда придет его счастье.

Удача как результат труда.

Новое время отмечает интерес к личности человека, к ее особенностям. Наиболее ранней фразеологической единицей, относящейся к новоанглийскому периоду, форма выражения которой направлена на описания свойств удачи, является фразеологическая единица «**every man is an architect of his own fortune**» (WDP) (букв.: «каждый человек — это архитектор собственной судьбы»). Данная фраза была популяризирована Френсисом Бэконом. Ранний период нового времени все еще испытывает сильное влияние мудрости, дошедшей до нас со времен классической латыни. Данная фраза не является исключением. Словари относят данное высказывание к IV в. до нашей эры. Автором рассматриваемой крылатой фразы, превратившейся во фразеологическую единицу, является Аппий Клавдий Цезий.

Английская культура — культура труда. Человеку, согласно закону божьему, нужно трудиться в поте лица. Свободное времяпрепровождение, праздность в средневековье рассматриваются как порок. Однако отношение к этому смягчается к началу эпохи Нового времени. О чем и говорится во фразеологической единице: «**there is luck in leisure**» (ODP) (букв.: «в праздности счастье»). В ней наличие свободного времени, досуга рассматривается как счастье.

Середина XIX в. — расцвет буржуазии. Одной из ценностей которой является усердие, которое является необходимым условием для достижения цели. Цель человека — счастье, просто в разные эпохи оно понимается по-разному. К нему, соответственно, ведут разные пути. Для человека эпохи капитала счастье приносит богатство, чтобы добиться обретения богатства необходимо много трудиться. В этом состоит содержательная основа фраземы: «**diligence is the mother of good luck**» (ODP) (букв.: «усердие есть мать удачи»). Те люди, которым покровительствует удача, самодостаточны, им не нужны советы окружающих людей, которые не столь дружны с удачей. Об этом говорит фразеологическая единица: «**lucky men need no council**» (WDP) (букв.: «счастливым людям не нужен совет»).

Удача и суеверие.

Цитата из Вергилия: «**there is luck in odd numbers**» (ODP) (букв.: «счастье в нечетных числах») — появляется в пьесах Уильяма Шекспира. Римляне, как известно, были суеверными людьми. Идея о том, что счастливыми являются нечетные числа, восходит к гадательным обрядам древних римлян. Представление о том, что третий раз — счастливый, выражает английская паремическая единица: «**third time is lucky**» (ODP) (букв.: «третий раз — счастливый»).

Диалектичность удачи.

Новое время представляет нам новое мировоззрение, отношение человека к себе и к окружающим. Мир уже не мыслится как нечто единое и нераздельное. Приходит понимание того, что многие вещи и явления многоаспектны, их аксиологическая ценность зависит не только от их свойств, но и от нашего отношения к ним. Данные идеи находят отражение во фразеологических единицах. Так, благо одних людей может обернуться бедой для других. Эта мысль иллюстрируется во фразе: «**man's extremity is God's opportunity**» (WDP) (букв.: «крайняя нужда человека есть шанс для Бога»). Находясь под влиянием церкви, люди

эпохи Возрождения продолжают мыслить теологическими образами, считая несчастья человека промыслом Божиим. Оригинальную мысль мы видим во фразеологической единице «**England's difficulty is Ireland's opportunity**» (WDP) (букв.: «затруднения Англии есть шанс для Ирландии»). Ирландия веками боролась за независимость от Англии. Беды Англии, ведущие к ее ослаблению, всегда были шансом для Ирландии обрести независимость или, по крайней мере, уменьшить английское влияние.

Английское мироощущение характеризуется появлением иронических ноток, в том числе во фразеологическом тезаурусе английского языка. Это можно проследить на примере фразеологических единиц, которые описывают удачу и, соответственно, неудачу. Весьма известна английская фразеологическая единица «**lucky at cards, unlucky in love**» (ERPD) (букв.: «удачлив за картами, неудачлив в любви»). Она реализует идею о том, что человек не может быть счастлив во всем. Удача в любви означает отсутствие везения в азартных играх и наоборот. Рассматриваемая фразеологическая единица восемнадцатого века была столь популярной, что вскоре появился ее вариант: «**good luck in card bad luck in marriage**» (WDP) (букв.: «удача в картах, неудача в браке»). Более поздний вариант использует образ женитьбы, тогда как более ранняя английская фраза упоминает о любви.

В качестве утешения страждущим людям можно употребить фразеологическую единицу «**ill luck is good for something**» (WDP) (букв.: «неудача тоже хороша для чего-либо»). В ней речь идет о том, что даже неудача может пойти на пользу. Диалектический характер мышления, который проявляется у людей Нового времени, показывает фразеологическое высказывание «**bad luck often brings good luck**» (WDP) (букв.: «неудача часто влечет за собой удачу»). В данной единице говорится о том, что несчастья и удачи сменяют друг друга.

Живя у моря, англичане время от времени прибегают к образам воды для описания тех или иных явлений. Бурная изменчивая стихия используется в контексте фраземы «**give a man luck and throw him in the sea**» (WDP) (букв.: «дай человеку удачу и брось его в море»). Чтобы проверить удачу человека, предлагается подвергнуть его испытанию бурной стихией.

Концепт «удача» в рамках фразеологических единиц отражается в зоонимических образах.

Образ коровы и, как вариант, теленка в некоторых высказываниях также применяется для иронического описания удачи. Для описания сомнительной удачи, некоей двусмысленной ситуации используется фразеологическая единица, в которой задействован образ коровы, боднувшей саму себя: «**as good luck as had the cow that struck herself with her own horn**» (WDP) (букв.: «счастливый как корова, которая боднула себя собственным рогом»). Более грубый, простонародный образ находим во фразеологическом тексте: «**as good luck as the lousy calf, that lived in winter and died in the summer**» (букв.: «счастливый, как паршивая корова, которая жила зимой и умерла летом») (WDP). В данной единице встречается образ больной (паршивой) коровы, которая пережила зиму — самое суровое и трудное для животных время — и умерла летом, когда наличествуют самые благоприятные природные условия для жизни животных. Вот пример иронии по поводу нелогичности, несправедливости жизни.

В английском языке существует ряд нормативно-оценочных высказываний, в плане содержания которых используется образ удачи-судьбы. «Что может быть хуже несчастья?» — вопрошает английская фразеологическая единица: «**what is worse than ill luck?**» (WDP). Примечательно, что с синтаксической точки зрения данная фраза оформлена как риторический вопрос, что является скорее исключением, чем правилом для фразеологических единиц английского языка.

Антропоморфный образ судьбы представлен во фразеологическом высказывании «**when ill luck falls asleep, let nobody wake her**» (WDP) (букв.: «если неудача заснула, пусть никто ее не беспокоит»). В предлагаемой единице неудаче приписывается свойство живых существ — возможность спать. Семантика рассматриваемой паремии перекликается со значением фразы «**do not trouble trouble till trouble troubles you**» (EPRD) (букв.: «не беспокой беду, пока она не побеспокоила тебя»), которая является частью скороговорки.

Компаративная оценка присутствует во фразеологическом контексте «**ill luck is worse than lost money**» (WDP) (букв.: «неудача хуже, чем потерянные деньги»). Данная компаративная единица представляет собой довольно редкий пример использования пейоративной оценочной шкалы во фразеологических высказываниях английского языка. В нем говорится о том, что потерять удачу хуже, чем потерять деньги.

Изменчивость удачи.

Наиболее ранняя единица, датированная началом XIII в., описывающая неоднозначность судьбы: «**opportunity makes a thief**» (WDP) (букв.: «вора создает удобный случай») — указывает на то, что злая судьба — это результат обстоятельств. Так концепт «удача» смыкается с концептом «судьба».

Впервые зафиксированная во французских источниках фраза: «**opportunity never knocks twice at any man's door**» (WDP) (букв.: «шанс никогда не стучит дважды в одну и ту же дверь») — появляется в среднеанглийском языке к самому концу среднеанглийского периода. Образная основа рассматриваемой единицы также строится на основании приема антропоморфизации. В данной единице счастье стучит в дверь того, кто может быть обласкан ею. Но не следует испытывать благорасположение судьбы. Она не стучит дважды в одну и ту же дверь.

Предпочтения удачи.

В английских фразеологических единицах реализуется аксиологическая ситуация, в которой наблюдается корреляция между удачей и глупостью. Данная ситуация имеет следующий вид: «счастье свойственно глупцам». Данная ситуация привлекала внимание еще античных мыслителей. В английском языке латинская фраза «**stultem fortuna juvant**» преобразуется в высказывание «**fortune favours fools**» (WDP) (букв.: «удача покровительствует глупцам»). Данная единица имеет вариант: «**fools for luck**» (ODP) (букв.: «дураки для удачи»), в которой речь идет о том, что глупцы рождены для счастья. Также уместно привести фразему «**luck for the fools and chance for the ugly**» (WDP) (букв.: «удача глупцам и шанс некрасивым»), характеризующуюся расширением компонентного состава. В ней, помимо глупцов, которым приписывается удачливость, описываются люди некрасивые, которым также должна улыбнуться удача, они, как и остальные люди, имеют право на счастье.

Ситуация, в которой сочетаются такие свойства, как удача и смелость, описывает английская фразеологическая единица: «**fortune favours the brave**» (букв.: «счастье покровительствует смелым») (WDP), данная фразема имеет вариант: «**fortune favours the bold**» (WDP). Описываемые изречения восходят к трудам латинского автора Энноя: «**audentes fortuna juvant**». Впрочем, она встречается и в более поздних трудах, к примеру, в «Эннеаде» Вергилия. Некоторые исследователи

приписывают авторство этой фразы древнегреческому поэту V в. до нашей эры Симониду.

В английском языке средневековья эта фраза, впрочем, как и многие другие, впервые, согласно письменным источникам, появляется в трудах Джеффри Чосера. Удача в данной английской паремии рассматривается как антропоморфный образ, она «любит» смелых.

Удача интересует авторов художественных текстов уже во времена Шекспира. Так, в пьесе «Как вам это понравится» обыгрывается образ счастливого глупца, который, если присмотреться к нему, не так уж глуп, как это может показаться на первый взгляд. В данном отрывке есть аллюзия на фразему «**fortune favours fools**» (WDP).

*«Jaques: A fool, a fool! A met a fool in the forest.
A motley fool — a miserable world.*

As I do live by food, I met a fool

*Who laid him down and basked him in the sun,
and railed on Lady Fortune in good terms,
in good set terms and yet a motley fool.*

*“Good morrow, fool”, quoth I. “No, sir”, quoth he,
“Call me not fool till Heaven hath sent me fortune”» (GB).*

Рассказ Лоуренса, опубликованный в 1926 г., озаглавлен «The Rocking-horse Winner». В предлагаемом ниже отрывке обсуждается дилемма о приоритете богатства и удачи, которая выражается во фразеологической единице: «**better be born lucky than rich**» (ODP).

«The boy was silent for some time.

“Is luck money, mother?” he asked rather timidly.

“No, Paul! Not quite. It is what causes you to have money”.

*“Oh!” said Paul vaguely. “I thought when Uncle Oscar said **filthy luckier**, it meant money”.*

*“**Filthy lucre** does mean money”, said the mother.
“But it is lucre, not luck”.*

“Oh!” said the boy. “Then what is luck, mother?”

“It is what causes you to have money. If you are lucky, you have money. That is why it better to be born lucky than rich. If you are rich, you may lose your money. But if you are lucky, you will always get more money!”» (GB).

В данном отрывке присутствует игра слов, мама объясняет мальчику значение фразы **filthy lucre** [выделение жирным шрифтом принадлежит автору. — А. Л.]. Стремясь помочь своей семье поправить свое материальное положение, Пол узнает о тотализаторе на скачках. Автор строит сюжет рассказа, основываясь на мистической

способности Пола угадывать имя лошади, которой суждено победить на скачках.

Современные психо- и бизнес-тренинги также опираются на понятие удачи. Для современного американца важно не быть неудачником, лузером, нужно добиваться успеха во что бы то ни стало, не упускать свой шанс.

“Providence gives us Chance and man must be mold it to his advantage. <...> Fortune befriends the bold, every may be the architect of his own fortune if he makes use of his advantages. Great opportunities come to all, and the secret of success in life is to be ready to grasp them when they arrive” (GB).

Современные авторы, изучающие историю гражданской войны в США, такие как Роберт Блек, также используют фразеологические единицы, к примеру, фразу: **fortune favours the bold** (ODP).

“Van Dorn had been lucky. Grant had warned his troops that the raid was coming. Holy springs had been the only post where the Union forces were not ready for him. Murphy’s ineptness, Mizner’s tardiness and caution, the taking of a wrong road by pursuit forces and Hatch’s inability to find the raiders had all proved fortunate for Van Dorn. But fortune favours the bold and Van Dorn’s Holy Springs raid was a bold act” (GB).

Нужно сказать, что многие дерзкие рейды знаменитых кавалеров юга удавались им не столько благодаря их отменной выучке и неподдельной храбрости, сколько из-за нерешительности и несогласованности действий их противников-северян. Удача на войне тоже играет важную роль.

Исследование концепта «удача» на основании материала фразеологических единиц английского языка позволяет говорить о том, что данный концепт весьма востребован, свидетельством чего является его достаточная представленность в английских фразеологических единицах. Ряд фразеологических текстов был заимствован у латинских авторов, другие же фразеологизмы, составляющие большинство, являются порождением собственно английского языка.

Концепт «удача» в английском языке выстраивается из ряда атомарных элементов. Изучая аксиологическую сторону концепта в целях уточнения объема значения концепта, мы используем термин «когнитивно-оценочный признак». Таким образом, концепт «удача» выражает ряд когнитивно-оценочных признаков. Прежде всего, удача определяется как однозначная ценность, удача в ряде высказываний рассматривается как результат определенных усилий прилагаемых человеком для достижения целей, с удачей связаны некоторые суеверия, удача изменчива и избирательна, удача с точки зрения ряда фразем является диалектической сущностью. Ряд фразеологизмов описывают удачу как антропоморфное явление.

Концепт «удача» получает отражение в современной английской литературе. Изучение подобных текстов позволяет систематизировать наши знания о фразеологизмах: отделить устаревшие единицы от тех, которые активно употребляются носителями языка.

Список литературы

1. Алефиренко, Н. Ф. «Живое» слово: Проблемы функциональной лексикологии / Н. Ф. Алефиренко. — М., 2009. — 344 с.
2. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. — М., 1998. — 895 с.
3. Арутюнова, Н. Д. Виды игровых действий / Н. Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Концептуальные поля игры. — М., 2006. — С. 5–16.
4. Головонивская, М. К. Ментальность в зеркале языка / М. К. Головонивская. — М., 2009. — 376 с.
5. Григорьева, Е. А. Структурно-семантические особенности фразеологических единиц, репрезентирующих концепт «FAILURE» / Е. А. Григорьева // Идиоматика и познание. — Белгород, 2008. — Т. 1. — С. 428–433.
6. Langacker, R. W. A dynamic usage-based model / R. W. Langacker // Usage-based models of language. — Stanford, 2000. — P. 1–64.
7. Langlotz, A. Idiomatic creativity / A. Longlotz. — Wilrijk, 2006. — 342 p.
8. ERPD: Кунин, А. В. Большой англо-русский фразеологический словарь / А. В. Кунин. — М., 1998. — 944 с.
9. ODP: Speake, J. The Oxford dictionary of proverbs. — NY, 2008. — 388 p.
10. WDP: Apperson, G. L. The Wordsworth dictionary of proverbs. — Hertford-London, 2006. — 656 p.
11. GB: Google Books. — URL: <https://books.google.ru/books?id>.

Сведения об авторе

Лызлов Алексей Игоревич — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков, Смоленский государственный университет. Смоленск, Россия. aleksej-lyzov@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2017. No. 3 (399). *Philology Sciences. Iss. 105. Pp. 45—50.*

CONCEPT “LUCK” IN THE PHRASEOLOGICAL UNITS OF THE ENGLISH LANGUAGE

A. I. Lyzlov

Smolensk State University, Smolensk, Russia. aleksej-lyzov@yandex.ru

The given article is devoted to analysis of the concept of “luck”. The research is based on the phraseological units of the English language. The work aimed to study the axiological component of the concept “luck”. A content analysis of phraseological statements allows to distinguish a number of atomic elements that compose the volume of the meaning of the concept “luck”. These elements get in the paper the name of “cognitive-evaluative feature”. The study of these characteristics enables to clarify the structure of the content of the analyzed concept. Negative and positive evaluation expressed by English paremiological units is examined on the basis of examples taken from English literature.

Keywords: *evaluation, phraseological unit, concept feature.*

References

1. Alefirenko N.F. «Zhivoe» slovo: Problemy funkcional'noj leksikologii [«Live» word: problems of functional lexicology]. Moscow, 2009. 344 p. (In Russ.).
2. Arutyunova N.D. *Jazyk i mir cheloveka* [Language and the world of man]. Moscow, 1998. 895 p. (In Russ.).
3. Arutyunova N.D. Vidy igrovyh dejstvij [Types of gaming action]. *Logicheskij analiz jazyka. Konceptual'nye polja igry* [Logical analysis of language. The conceptual field of the game]. Moscow, 2006. Pp. 5–16. (In Russ.).
4. Golovanevskaya M.K. *Mental'nost' v zerkale jazyka* [Mentality in the mirror of language]. Moscow, 2009. 376 p. (In Russ.).
5. Grigorieva E.A. Strukturno-semanticheskie osobennosti frazeologicheskikh edinic, reprezentirujushih koncept «FAILURE» [Structural-semantic peculiarities of phraseological units, representing the concept “FAILURE”]. *Idiomatika i poznanie* [Idioms and cognition], vol. 1. Belgorod, 2008. Pp. 428–433. (In Russ.).
6. Langacker R.W. A dynamic usage-based model. *Usage-based models of language*. Stanford, 2000. Pp. 1–64.
7. Langlotz A. *Idiomatic creativity*. Wilrijk, 2006. 342 p.
8. ERPД: Kunin A.V. *Bol'shoj anglo-russkij frazeologicheskij slovar'* [English-Russian phraseological dictionary]. Moscow, 1998. 944 p.
9. ODP: Speake J. *The Oxford dictionary of proverbs*. NY, 2008. 388 p.
10. WDP: Apperson G.L. *The Wordsworth dictionary of proverbs*. Hertford-London, 2006. 656 p.
11. GB: *Google Books*. Available at: <https://books.google.ru/books?id>.

УДК 81.1
ББК 81.42

ТЕКСТЫ ВЫВЕСОК КАК ОСОБЫЙ МАЛЫЙ ПИСЬМЕННЫЙ ЖАНР В КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ГОРОДА (на материале языка г. Владивостока)

Н. В. Михайлюкова

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия

Статья посвящена изучению текстов вывесок в коммуникативном пространстве города. Представлено комплексное описание названий городских объектов. Предпринята попытка решить проблему языкового статуса надписей на вывеске. Приводятся доказательства текстовой сущности вывески как особого речевого жанра. На основе разноаспектного анализа выявляются структурные, лексико-семантические, социолингвистические и лингвокультурологические особенности текста вывески как малого письменного жанра.

Ключевые слова: *язык города, малый письменный жанр, речевой жанр, признаки текста, границы текста, текст-примитив, текст вывески.*

Исследование коммуникативного пространства города и, в частности, городской эпиграфики является одним из актуальных направлений лингвистики. Тексты малой формы, представленные на городской улице и в городском транспорте (плакаты, объявления, вывески и т. п.), относятся к числу наименее изученных в теории речевых жанров. В контексте проблемы малых письменных жанров нерешенными остаются вопросы, связанные с теорией текста, а именно: признаки текста, определение границ текста, проблема текстов-примитивов. Языковой анализ малых письменных форм, отражающих социокультурные, экономические и политические изменения в жизни российского общества, позволяет решить ряд важнейших теоретических и практических задач не только в области теории текста и жанроведения, но и социальной лингвистики, лингвокультуры, лингвоэкологии и регионалистики.

Данная работа посвящена описанию текстов вывесок как особого речевого жанра. Лингвистический анализ выполнен на ранее не использованном фактическом материале: объектом изучения послужили вывески Владивостока как фрагмент коммуникативного пространства города, отражающий его региональную специфику. Материал исследования представляет собой картотеку текстов (фотографии и ручные записи), которая включает около 4000 единиц.

Языковой статус вывесок является дискуссионным вопросом в современной лингвистике. Традиционно названия городских объектов рассматриваются с позиций ономастики, где данное

явление классифицируется как эргоним. В нашем исследовании предпринята попытка доказать, что надпись на вывеске представляет собой особый тип текста. Вследствие этого необходимо обратиться к таким важным лингвистическим проблемам, как определение текста и жанровая дифференциация речи.

Каждая сфера деятельности располагает определенным репертуаром речевых жанров. Речевые жанры крайне разнородны. Особенно сейчас, когда, по словам Л. А. Капаназе, временное пространство структурируется, делится на все более мелкие части: «Фрагменты произвольно компонуются, образуют вместо чистой протяженности лоскутное одеяло» [3. С. 303]. Соответственно и речевые жанры делятся на все более и более мелкие части, отрезки, «переходят от монументализма и неспешности к калейдоскопичной скороговорке» [3. С. 303].

Изучение речевых жанров соответствует общей направленности современной лингвистики на анализ речи в прагматическом аспекте, на поиск связей между строением речевых произведений и компонентами ситуации общения, включая в число последних, прежде всего, субъекты коммуникативной ситуации, отношения между ними, их интенции (например, «анкета жанра» Т. В. Шмелевой [9]).

Необходимо отметить, что до сих пор существует проблема дефиниции самого понятия «речевой жанр». основополагающим для нас является социопрагматический подход к описанию речевого жанра, где данное явление

рассматривается в контексте коммуникативной ситуации. Таким образом, под речевыми жанрами понимается «вербально-знаковое оформление типичной ситуации социального взаимодействия людей» [7. С. 8]; «форма речевой реализации актов коммуникативной деятельности в коммуникативном событии» [1. С. 42]; «тип текстов, “отлившийся” из соответствующих коммуникативных ситуаций, сформированных на основе таких конкретизированных и взаимодействующих параметров, как время, место, партнеры коммуникации, тема» [4]; «определенная ситуационно-тематическая группа текстов» [2. С. 230] и т. п.

Итак, речевой жанр — это продукт устойчивого, типового сочетания определенных параметров стандартной коммуникативной ситуации; особый тип текста. Тексты, относящиеся к одному жанру, характеризуются рядом жанрообразующих признаков: общностью содержательно-тематической структуры; композиционной упорядоченностью; специфическим набором языковых средств и характером их использования.

Понимание надписи на вывеске как особого речевого жанра требует выявления текстовых признаков подобных малых письменных форм. Лингвисты ведут научный спор о том, какое образование может считаться текстом. При традиционном подходе к изучению текста принципиальную значимость имеет понятие структуры, средств связности, то есть «грамматика текста». Таким образом, исследование текста идет «от его формы». Функциональное направление в лингвистике привело к иному пониманию текста и его изучению не «от формы», а «от содержания». Ключевым параметром при этом оказывается понятие цельности текста.

Необходимо отметить важность такого параметра, как объем, проблема которого крайне актуальна для лингвистики. Так, Л. В. Сахарный относит к категории текста особые речевые образования и определяет их как тексты-примитивы (вывески на магазинах и учреждениях, названия книг, спектаклей, надписи, реклама и так далее), отмечая, что «сегодня тексты-примитивы “не укладываются” в традиционную теоретическую лингвистику; им нет места в иерархии уровней языка, нет и традиционных методов исследования их именно как текстов» [6. С. 222].

Рассмотрению вопроса об объеме текста и, в частности, о возможности существования текстов, равных по объему слову, посвящено несколько работ Е. С. Кубряковой, которая считает,

что слово в некоторых случаях может являться текстом — например, вывеска. Исследователь определяет «малые тексты» как тексты, ограниченные по своей протяженности, но при этом демонстрирующие такие важные текстовые характеристики, как отдельность, формальная и семантическая самодостаточность, тематическая определенность и завершенность. В тексте такого рода, по словам Е. С. Кубряковой, «ясна его информативность, его когнитивная подоплека — смысл его создания, общий его замысел и реализованный в особой языковой форме итог создания в виде особого семантического пространства» [5]. На основании перечисленных признаков образования малого объема, традиционно не признанные текстами, можно считать таковыми.

Вывеска — это своеобразный «свернутый» текст-примитив. В акте номинации городского объекта происходит свертывание высказывания, позволяющее экономно и компактно передать смысловое содержание текста вывески. Таким образом, название городского предприятия является определенными итогами акта коммуникации, так как содержит сжатый, свернутый речевой акт номинатора: предложение воспользоваться товарами и услугами данного городского объекта.

Структура текста вывески содержит три компонента: идентифицирующий, квалифицирующий и дифференцирующий.

Идентифицирующий компонент — это общее название городского объекта, определяющее тип коммерческого предприятия, например: *магазин, кафе, ресторан, салон, рынок* и т. п. Квалифицирующий компонент уточняет профиль городского объекта, а также ассортимент предлагаемых товаров и услуг. Идентифицирующий и квалифицирующий компоненты соотносятся между собой как родовое и видовое названия того или иного объекта. Например, идентифицирующий компонент *салон* может быть уточнен с помощью различных квалифицирующих компонентов: *салон цветов, салон красоты, салон мебели* и т. п.

Данные компоненты реагируют на социально-экономические и политические изменения в обществе. Так, для Владивостока последних лет характерно появление новых средств выражения идентифицирующего и квалифицирующего элементов вывески, вызванных временем: *клуб красоты, дискаунтер, бизнес центр, торгово-развлекательный центр, агентство краткосрочных займов* и другие.

Дифференцирующий компонент — это индивидуальное название объекта. Именно этот компонент текста и является собственно названием, обязательно присутствующим на вывеске. Если идентифицирующий и квалифицирующий компоненты выражены нарицательными именами, то дифференцирующий компонент представлен именем собственным — эргонимом.

Структурные компоненты текста вывески имеют иерархическую организацию. В тексте вывески содержится информация первого порядка (выделена крупным шрифтом) и информация второго порядка (выделена более мелким шрифтом или вообще отсутствует). Как правило, информацию первого порядка передает дифференцирующий компонент. Однако в тех случаях, когда для адресанта более релевантно информирование потребителей об ассортименте предприятия, то первостепенным становится идентификатор — компонент, сообщающий о профиле предприятия (*ПРОДУКТЫ Алиана; ПАРИКМАХЕРСКАЯ Джулия*).

В качестве факультативного структурного компонента вывески может выступать рекламная информация, наличие которой позволяет говорить об особом — гибридном — проявлении текста, соединяющего признаки вывески и собственно рекламного текста. Например: *кафе «Евразия»: быстро, вкусно, недорого; мастерская «Пчелкин»: качество и гарантия*.

Итак, ключевым, обязательным компонентом в тексте вывески является эргоним, в котором наиболее ярко реализуются две основные функции названия городского объекта: дифференцирующая (выделение городского объекта среди подобных) и аттрактивная (привлечение адресата). Это собственно название предприятия, обладающее наибольшей смысловой нагрузкой. Поэтому в данном исследовании представлен разноаспектный анализ именно этого компонента.

Рассмотрим собственно языковые особенности текстов вывесок.

Тексты имеют особое грамматическое оформление. Возможны три основных грамматических типа: во-первых, тексты, представленные словоформой, во-вторых, тексты, представленные словосочетанием, и, в-третьих, тексты, представленные глагольным предложением.

Наиболее частотной является первая группа (65% от общего количества): преобладает модель N1 (*кафе «Душечка», магазин «Антиквар»*), но встречаются и другие, например: предлог У

+ N2 (*магазин «У Михалыча», кафе «У моста»*). Вторая группа составляет 30% от общего количества, она представлена несколькими моделями словосочетаний: N1 + Adj (*магазин «Кружевной каприз», ресторан «Небесный замок»*); N1 + N2 (*туристическое агентство «Контора Кука»*) и др. Наименее частотной является третья группа, составляющая 5% от общего количества; причем используются различные типы предложений: восклицательные (*закусочная «Есть!»*), императивные (*магазин стройматериалов «Стройся», кафе «Заходи на огонек»*), вопросительные (*кафе «Споем?»*).

Тексты вывесок обладают определенными лексико-семантическими особенностями: это касается прежде всего способов номинации. Различаются две основные группы текстов: вывески с мотивированными названиями и вывески с немотивированными названиями. Большая часть текстов — мотивированные названия (они составляют 85%), которые могут быть основаны на метафоре или метонимии. Тексты, основанные на метонимии, могут быть прямо информирующими (*кондитерская «Три шоколада», магазин обуви «Каблучок»* и так далее) или косвенно информирующими (*пивной бар «Толстяк»*). Тексты, основанные на метафоре, являются косвенно информирующими: например, *магазин строительных товаров «Два бобра», автомойка «Мойдодыр»* и т. п. Немотивированные названия являются условно-символическими (*парикмахерская «Золотая арфа»* и т. п.).

По нашим наблюдениям, продуктивным является смешанный метафоро-метонимический способ создания текстов вывесок, например: *магазин часов «Золотое время», продовольственный магазин «Радуга вкуса»* и т. п.

Яркой особенностью текстов вывесок является использование языковой игры. Нами выявлены различные приемы — прежде всего, в сфере графики, так как вывеска ориентирована на зрительное восприятие. Например: сегментация и шрифтовыведение (*магазин «триКОТаж МАТРОСКИН»*), графодеривация (*кафе «Стряп'ОК»*), использование латиницы (*кафе «Matrëshka»*), параграфемика (*интернет-кафе «Конт@кт», пункт обмена валюты «¥€\$»*), слитное написание слов (*кафе «ЧерноеБелое»*), дореформенная графика (*кафе «Трактір»*). Кроме того, широко распространены приемы, основанные на игровом словообразовании: создание окказиональных слов (*магазин товаров для детей*

«Рисовашка»), прием «говорящих фамилий» (*магазин мясных изделий «АнтрекотовЪ», закусочная «Порюмкин»*), создание слов-контаминантов (*киоск по продаже музыкальных дисков «Музыкайф»: музыка + кайф*, то есть «музыка для удовольствия»). В нашем материале зафиксированы факты использования и других приемов языковой игры: окказиональная расшифровка аббревиатур (*салон сотовой связи «КПСС»* — Компания по Продаже Средств Связи); обыгрывание неоднозначности слова (*магазин строительных материалов «Перестройка»*); игра с прецедентными текстами (*магазин промышленных товаров «Федорино счастье», магазин подарков «Дареный конь»*); стилизация под иноязычное слово (*салон керамической плитки «Кафелини», магазин канцелярских товаров «Канцбург», магазин товаров для детей «Детландия»*) и др.

Наиболее значимыми для выявления текстовой природы вывески следует считать такие признаки, как информативность, цельнооформленность, прагматичность. Рассмотрим каждый из этих признаков подробнее.

Информативность текста вывески.

Вывеска не только передает информацию о том или ином городском объекте, реализуя основную свою функцию, но и содержит сведения социолингвистического и лингвокультурологического характера.

Тексты вывесок как элемент языка города отличаются социальной обусловленностью. Они репрезентируют изменения, происходящие в социально-экономической жизни города, и непосредственно сами являются результатом этих изменений. Так, например, в последние годы появились новые формы организации торговли, что привело к появлению новых средств выражения идентифицирующего и квалифицирующего компонентов: *дискаунтер посуды «Экономка», дисконт-центр «Flowers», сток одежды и обуви «Остатки сладки», бизнес центр «Деловые люди», бизнес центр «Купеческий дом»*. Такие традиционные типы городских объектов, как кафе и рестораны, тоже претерпели изменения, и на вывесках появились новые виды квалификатора, уточняющие профиль предприятия: *ресторан-бар, ресторан-бистро, экспресс-ресторан; арт-кафе, интернет-кафе, event café* и т. п. Отмечаются различные тенденции, происходящие в текстах городских вывесок: снижение популярности идентификатора *бутик*, вошедшего в моду в 90-х — начале 2000-х гг. (встречает-

ся лишь в 4% текстов, хотя используется в живой речи владивостокцев); значительное сокращение идентификаторов советского времени (*гастроном* — 3% текстов, *столовая* — 2% текстов; единичными фактами представлены *пельменная, рюмочная, блинная, пирожковая, пироговая*); возвращение старых названий (*ярмарка, двор, лавка*); сохранение эргонима при изменении типа обозначенного им объекта (*кинотеатр «Родина»* → *торговый центр «Родина»*) и др.

В текстах городских вывесок проявляется и социальная дифференциация языка. Неоднородность города обнаруживает себя не только в устной речи горожан, но и в городской эпиграфике. При этом в текстах вывесок наблюдается отмеченная исследователями [10] тенденция к «экспансии бытового», вытесняющая «официально-монументальный стиль». Ряд текстов на владивостокских вывесках создан с использованием лексических средств и моделей разговорной речи, а также орфографических приемов передачи интонации непринужденного общения: *салон оптики «Очкарик», автокафе «Чао, какао!»; автокафе-бистро «Хочешь кушать? Подъезжай к окошку!»* и т. п. Встречаются названия, основанные на неофициальных топонимах, используемых в живой речи: *автомагазин «На Тецином языке»* (неофициальное название части улицы, где крутой спуск с горы), *магазин «На Перваке»* (неофициальное название микрорайона «Первая Речка»); зафиксированы и случаи онимизации типично разговорного родового обозначения: *«Кафешка», «Магазинчик»* и т. п. Особый интерес представляют тексты вывесок, основанные на использовании жаргона, отражающего социальную стратификацию Владивостока. Например, в отдаленных от центра районах, где расположены общежития и общежития для моряков и их семей, на вывесках встречается морской жаргон: *бар «У стенки»* (*стенка* — «причал, пирс»); *продовольственный магазин «Артелка»* (*артелкой* моряки называют помещение для хранения судовой провизии) и др. Яркой особенностью языкового облика Владивостока является автомобильный сленг, который используется и на вывесках — как правило, в названиях предприятий, занимающихся автобизнесом: так, названия автомагазинов *«У зеленика»* и *«АвтоВыгода (ниже) Самый честный зеленик»* основаны на жаргонизме *зелёник* (продавец автомобилей на авторынке *«Зелёный угол»*, неофициальное название которого *«Зелёнка»*). Специфичны названия объектов,

основанные на использовании молодежного жаргона (кафе «Клевое место», магазин молодежной одежды «Модный прикид», бар «Попсы. НЕТ» — здесь звучит альтернативная музыка). Тексты вывесок, расположенных вблизи воинских частей, нередко содержат элементы армейского (солдатского) жаргона: бар «Дембель»; магазин-буфет «Чепок» (чепок — маленький магазин с товарами первой необходимости).

Кроме того, в текстах названий представлены различные языковые вкусы горожан и различный уровень речевой культуры имядателей, что требует регулирования языковой ситуации в городе в рамках лингвоэкологии. Всеобщее раскрепощение личностного и игрового начала способствует проникновению в тексты городской среды нелитературных элементов, обладающих сниженной экспрессией. Названия «Халява Please» (дискаунтер), «Япона мать» (кафе) и им подобные свидетельствуют об определенном типе адресата и адресанта, являющихся носителями фамильярно-разговорной и жаргонно-просторечной речевой культуры [8]. Неудачными с точки зрения лингвоэкологии можно считать и вывески с некорректным использованием прецедентных феноменов; негативную реакцию у горожан-носителей литературного языка вызывает неуместное использование номинатором имен мифологических или литературных персонажей в таких, например, текстах: гинекологический центр «Медея» (царица в древнегреческой мифологии, убившая двоих своих детей); свадебный салон «Аксинья» (на вывеске используется изображение шолоховской героини, как известно, несчастливой в любви и в браке). В связи с рассмотренными фактами актуальным становится вопрос языковой политики и необходимости применения цензуры для регулирования языковой ситуации в городе.

Правомерно, на наш взгляд, обратиться еще к одному аспекту рассмотрения текстов вывесок — с точки зрения лингвоаксиологии, так как городские названия фиксируют систему ценностей социума и, кроме того, сами являются одним из средств формирования аксиологической картины мира реципиентов. Выполненный нами анализ текстов показал, что вывески репрезентируют утилитарные, эстетические и этические ценности социума. Большинство названий городских объектов (салон красоты «Ренессанс», парикмахерская «Сонет», салон штор «Лунная соната», ночной клуб «Сальвадоре» и т. п.) отражают эстетические ценности, что объясняется прагматиче-

ской направленностью данного типа текстов: они репрезентируют такие качества, как статусность и престижность предлагаемых товаров и услуг. В меньшем количестве представлены тексты вывесок, демонстрирующие утилитарные ценности: низкую стоимость и практическую пользу товаров и услуг (продовольственные магазины «Рублик», «Копеечка», «Дешевый», «Народный»; закусочная «Объешка» и т. п.). Самой малочисленной является группа названий, фиксирующих этические ценности общества (продовольственные магазины «Добрый», «Моя семья», «Семейная аптека», гостиница «Доверие»).

Тексты вывесок репрезентируют лингвокультурное пространство города. Тексты названий городских объектов отражают концептосферу дальневосточного российского города. Во-первых, отражается процесс глобализации, характерный для всех российских городов: широкое распространение иноязычных заимствований (парикмахерская «Golden Hair», сеть магазинов «BonJour» и т. п.); частотное использование прецедентных феноменов мировой культуры (ресторан «Джек Воробей», туристическое агентство «Контора Кука» и так далее). Во-вторых, репрезентируется традиционно русская и советская культура (ресторан «Три богатыря», кафе «Сытый Горыныч»; магазин «Серп и Молот» и так далее). В-третьих, в вывесках находит отражение дальневосточная специфика: используются официальные и неофициальные топонимы (торговый центр «Золотой Рог», магазины «Лефу», «Иман», кафе «Шамора»); названия дальневосточных реалий (различные объекты с названием «Лотос», продовольственный магазин «Кедровая Падь», магазин «Женьшень»); названия, связанные с историей Дальнего Востока (ресторан «Порт-Артур»; ресторан «Домь Купера» — расположен в здании, где в 1860-х гг. была гостиница, принадлежавшая Куперу, известному предпринимателю, одному из первых жителей Владивостока), а также разнообразные названия морской тематики (магазин «Адмирал», бар «Кубрик», кинотеатр «Океан»).

Особое место в лингвокультурном пространстве Владивостока занимают тексты, отражающие приграничное положение края. Это разнообразная группа текстов, репрезентирующих культуру прежде всего Китая (ресторан «Золотой Дракон», кафе «Камбэй»), а также Японии (кафе «Эбису», «Тоёхара») и Кореи (ресторан «Хваро», кафе «Кимчхи»). Многовековая

история политических и социально-экономических контактов Владивостока и восточноазиатских стран представлена в текстах вывесок, где наблюдается своеобразный диалог культур: *кафе китайской кухни «Добрыня Никитич», «Маша и медведь»* (имядатели-китайцы, владеющие русским языком и имеющие представление о русской культуре, апеллируют к патриотическим чувствам владивостокцев), *«У Миши», «Надя»* и т. п. (китайцы, долгое время находящиеся в России, для коммуникативного удобства выбирают для себя русские имена; в подобных названиях, как правило, фиксируется имя китайца — хозяина данного заведения); *автомгазины «Акира и Иван»* (использованы наиболее популярные в Японии и России имена), *«Русский Хирото»* (японец, владелец магазина, долгое время живет в России), *«Нагасаки — Владивосток»* (Нагасаки — крупный портовый город в Японии, откуда поставляются автомобили во Владивосток), *«Япошка Ваня»* (слово *япошка* не является уничижительным, а содержит положительную коннотацию — «выражает симпатию», как заметил в беседе имядатель-японец).

Цельнооформленность текста вывески.

Текст вывески семиотически неоднороден, то есть представляет собой поликодовое образование. Вербальный и иконический элементы образуют цельнооформленное единство. Изображение на вывеске дополняет смысл вербального компонента, что обеспечивает формальную и смысловую завершенность текста. Целостность текста вывески определяется коммуникативно-прагматической установкой на адресата, единой темой, раскрываемой вербальными и паралингвистическими средствами. В креолизованном тексте вывески иконический элемент (иллюстрация) может выполнять различные функции: находится в отношениях синонимии с вербальным элементом (текст вывески продовольственного магазина *«Сытый шмель»* сопровождается изображением толстого шмеля); служит квалификатором (изображение продуктов на вывеске продовольственного магазина *«Горизонт»* сообщает о профиле предприятия); является непосредственным элементом текста, замещающим слово (пиктограмма), букву в слове (литерограмма) или пунктуационный знак (пунктограмма), например, в названии магазина *«Авоська»* вместо буквы «о» использовано изображение сумки-авоськи, в названии киоска быстрого питания *«Голоден?»* далее вместо ответа на вопрос присутствует рисунок гамбургера.

Прагматичность текста вывески проявляется в таких признаках, как оценочность и волюнтаривность, обусловленных его ярко выраженной направленностью на адресата.

Оценочность создается при помощи лексики с положительно оценочной семантикой, привлекающей внимание к достоинствам городского объекта. Дополнительным средством выражения оценки является иконический элемент текста.

Волюнтаривность текста вывески — это воздействие на сознание адресата с целью приобретения последним предлагаемого товара или услуги. Реализации этой прагматической цели номинатора служат следующие средства:

а) лексические — слова с ярко выраженной положительной семантикой (*салон красоты «Совершенство», магазин женской одежды «Красотка»*); лексемы иноязычного происхождения (*«Launge café terrace», «Harlem Wedding Bar», салон красоты «Ville de la Vie»*); компоненты со значением «всеохватности» (*«Город диванов», «Пространство уюта», «Планета развлечения», «Море мебели»*); местоимения, выражающие персонафицированность и адресность вывески (*салон «Ваши кухни и шкафы», аптека «Ваш доктор», парикмахерская «Твой стилист»*); «эпатажные наименования» (*зоомагазин «Божья тварь», магазин нижнего белья «Трусичка»*); языковая игра (*ресторан «Жадина-Говядина», зоомагазин «Прохвост»*);

в) морфологические — форма императива (*закусочная «Уплетай», магазин строительных материалов «Стройся»*);

г) синтаксические — восклицательные номинативные (*кафе «Житуха!»*), инфинитивные (*закусочная «Есть!»*) и императивные предложения (*«магазин обуви «Шагай по жизни»*), вопросительные предложения (*кафе «Чашечку кофе?»*), вопросно-ответные единства (*придорожное кафе «Хочешь кушать? Подъезжай к окошку»*);

д) невербальные — креолизация (шрифт, цвет, изображение привлекают внимание адресата).

Итак, названия городских объектов обладают такими важнейшими признаками текста, как информативность, цельнооформленность, прагматичность. Есть основания говорить об этом тексте как о особом речевом жанре. Исходя из понимания жанра как ситуативно обусловленного типа текста, выделяем экстралингвистические и собственно языковые признаки жанра вывески.

К экстралингвистическим относим следующие жанрорелевантные признаки:

1) особая сфера функционирования в коммуникативном пространстве города (это социально-экономические отношения);

2) партнерами коммуникации являются номинатор (поставщик товаров и услуг) и адресат (потенциальный потребитель);

3) цель коммуникации — информирование адресата о названии городского объекта и его профиле (функция идентификации), а также воздействие на реципиента и убеждение его воспользоваться услугами именно данного предприятия (рекламная функция);

4) содержание сообщения в жанре вывески — информация о названии и типе городского объекта (ассортимент предлагаемых товаров и услуг);

5) в тексте вывески репрезентируется лингвокультурное пространство города.

Собственно языковые жанрообразующие признаки заключаются в следующем:

1) текст вывески имеет особую структуру: включает три компонента; основным, обязательным является дифференцирующий компонент — собственно название городского объекта; два других (идентифицирующий и квалифицирующий компоненты) факультативны;

2) текст имеет специфическое грамматическое оформление;

3) тексты основаны на специфических способах номинации;

4) в названии городского объекта используются разнообразные приемы языковой игры;

5) цельнооформленность текста вывески является неоднородной, а именно создается вербальным и иконическим элементами — это креолизованный текст.

Таким образом, проведенный разноаспектный анализ особенностей текстов вывесок позволил сделать нам следующие выводы. Название на вывеске городского объекта представляет собой текст, определяющими для которого являются следующие характеристики: 1) это «текст-примитив» (обладает малым объемом и лишен привычных для нормы специальных средств связности); 2) имеет особую иерархическую структуру и специфические языковые особенности; 3) информативно самодостаточен вследствие смысловой компактности и опоры на конституацию; 4) его цельность создается как вербальными, так и иконическими средствами; 5) выражает прагматические намерения номинатора, выполняя рекламную функцию.

Текстоцентричный подход к городским номинациям позволяет интерпретировать вывески как особый малый письменный жанр, что расширяет традиционное понимание границ текста и вносит определенные коррективы в существующую типологию речевых жанров.

Список литературы

1. Борисова, И. Н. Русский разговорный диалог: структура и динамика / И. Н. Борисова. — Екатеринбург, 2001. — 408 с.
2. Капанадзе, Л. А. О жанрах неофициальной речи / Л. А. Капанадзе // Разновидности городской устной речи : сб. науч. тр. — М., 1988. — С. 230–234.
3. Капанадзе, Л. А. Развитие речевых жанров в русском языке / Л. А. Капанадзе // Голоса и смыслы. — М., 2005. — С. 290–304.
4. Китайгородская, М. В. К вопросу о жанровой стратификации разговорной речи / М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова // Русский язык в его функционировании. — М., 1998. — С. 50–52.
5. Кубрякова, Е. С. О тексте и критериях его определения / Е. С. Кубрякова // Текст. Структура и семантика. — М., 2001. — Т. 1. — С. 72–81.
6. Сахарный, Л. В. Тексты-примитивы и закономерности их порождения / Л. В. Сахарный // Человеческий фактор в языке: язык и порождение речи. — М., 1991. — С. 221–237.
7. Седов, К. Ф. Человек в жанровом пространстве повседневной коммуникации / К. Ф. Седов // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. — М., 2007. — С. 7–38.
8. Сиротинина, О. Б. Русский язык в разных типах речевых культур / О. Б. Сиротинина // Русский язык сегодня. — М., 2000. — С. 240–250.
9. Шмелева, Т. В. Модель речевого жанра / Т. В. Шмелева // Жанры речи. — Саратов, 1997. — Вып. 1. — С. 88–98.
10. Шмелева, Т. В. Многоязычие как черта речевого быта современного города / Т. В. Шмелева // Русский язык в контексте современной культуры: тез. докл. междунар. науч. конф. — Екатеринбург, 1998. — С. 153–155.

Сведения об авторе

Михайлюкова Наталья Владимировна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка как иностранного, Восточный институт — Школа региональных и международных исследований, Дальневосточный федеральный университет. Владивосток, Россия. belon_63@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2017. No. 3 (399). *Philology Sciences. Iss. 105. Pp. 51—58.*

TEXT OF SIGN AS A SPECIAL SMALL WRITTEN GENRE IN A CITY COMMUNICATIVE SPACE (AS EXEMPLIFIED IN VLADIVOSTOK CITY LANGUAGE)

N. V. Mikhailyukova

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia. belon_63@mail.ru

The article is devoted to the study of sign board texts in a city communicative space. The paper presents overall description of urban object names. An attempt is made to solve the sign inscriptions language status problem. Proofs of text essence of a sign as a particular speech genre are presented. Based on various aspect analysis, structural, lexical-semantic, sociolinguistical and linguoculturological features of sign board text as a small written genre are revealed.

Keywords: *city language, small written genre, verbal genre, text characters, text boundaries, primitive text, sign board text.*

References

1. Borisova I.N. *Russkiy razgovorniy dialog: struktura i dinamika* [Russian spoken dialogue: structure and dynamics]. Yekaterinburg, 2001. 408 p. (In Russ.).
2. Kapanadze L.A. O zhanrakh neofitsialnoy rechi [About genres of informal speech]. *Raznovidnosti gorodskoy ustnoy rechi* [Varieties of city spoken language]. Moscow, 1988. Pp. 230–234. (In Russ.).
3. Kapanadze L.A. Razvitie rechevykh zhanrov v russkom yazyke [Development of verbal genres in the Russian language]. *Golosy i smysly: izbr. raboty po russkomu yazyku* [Voices and meanings: selected texts on the Russian language]. Moscow, 2005. Pp. 290–304. (In Russ.).
4. Kitaigorodskaya M.V., Rozanova N.N. K voprosu o zhanrovoy stratifikatsii razgovornoy rechi [Revisiting the genre stratification of oral speech]. *Russkii yazyk v ego funktsionirovani* [Russian language in its functioning]. Moscow, 1998. Pp. 50–52. (In Russ.).
5. Kubryakova E.S. O tekste i kriteriyakh ego opredeleniya [About a text and criteria of its determination]. *Tekst. Struktura i semantika* [Text. Structure and semantics], vol. 1. Moscow, 2001. Pp. 72–81. (In Russ.).
6. Sakharniy L.V. Teksty-primitivy i zakonomernosti ikh porozhdeniya [Primitive texts and regularities of their production]. *Chelovecheskiy faktor v yazyke: yazyk i porozhdenie rechi* [Human factor in a language: language and speech production]. Moscow, 1991. Pp. 221–237. (In Russ.).
7. Sedov K.F. Chelovek v zhanrovom prostranstve povsednevnoy kommunikatsii [A human in genre space of routine communication]. *Antologiya rechevykh zhanrov: povsednevnyaya kommunikatsiya* [Antology of verbal genres: routine communication]. Moscow, 2007. Pp. 7–38. (In Russ.).
8. Sirotinina O.B. Russkiy yazyk v raznykh tipakh rechevykh kultur [Russian language in various types of speech cultures]. *Russkiy yazyk segodnya* [Russian language today]. Moscow, 2000. Pp. 240–250. (In Russ.).
9. Shmeleva T.V. Model' rechevogo zhanra [A verbal genre model]. *Zhanry rechi* [Verbal genres], iss. 1. Saratov, 1997. Pp. 88–98. (In Russ.).
10. Shmeleva T.V. Mnogoyazychie kak cherta rechevogo byta sovremennogo goroda [Multilinguism as a feature of a modern city verbal life]. *Russkiy yazyk v kontekste sovremennoy kultury* [Russian language in the context of modern culture]. Yekaterinburg, 1998. Pp. 153–155. (In Russ.).

УДК 82-312.1(73)
ББК 83.3(7Сое)

ФИЛОСОФСКИЕ ТРАДИЦИИ Г. МЕЛВИЛЛА В РОМАНЕ Р. ПИРСИГА «ДЗЕН И ИСКУССТВО УХОДА ЗА МОТОЦИКЛОМ»

А. К. Никулина

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, Уфа, Россия

Р. Пирсиг развивает традиции философского романа США, заложенные Г. Мелвиллом. Романы «Дзен и искусство ухода за мотоциклом» и «Моби Дик» обнаруживают много сходных черт на сюжетном и композиционном уровнях, однако философский оптимизм метафизической теории Пирсига определяет существенное отличие в идейной направленности замыслов двух произведений.

Ключевые слова: философский роман, Роберт Пирсиг, «Дзен и искусство ухода за мотоциклом», метафизика качества, Герман Мелвилл, «Моби Дик».

В романе «Дзен и искусство ухода за мотоциклом» (1974) Р. Пирсиг стремится соединить художественное и философское начала. Не случайно критики сразу интуитивно почувствовали близость произведения к «Моби Дику» Г. Мелвилла, стоящему у истоков жанра американского философского романа. «Философия, вышедшая за рамки узкопрофессиональной литературы: у нас не было ничего подобного со времен Мелвилла», — писал У. Т. Лэмон на страницах «Нью Репаблик» [3. С. 24]. Аналогии с «Моби Диком» отмечал и Дж. Стайнер в «Нью Йоркер» [6]. При этом в обоих случаях критики ограничились лишь общими эмоциональными утверждениями, не рассматривая вопрос по существу. Нам же в рамках данной статьи представляется важным провести более детальное сопоставление двух произведений, поскольку это поможет увидеть не только сходство двух замыслов и то, каким образом Пирсиг вписывается в американскую традицию философского романа, но и значимые отличия, указывающие на своеобразие мировоззренческих взглядов Р. Пирсига.

Оба писателя, несомненно, намеревались создать «большую книгу» на «большую тему» [2. С. 552]. Н. А. Шогенцукова пишет о намерении автора «Моби Дика» «слить в единство книги все знания по истории, мифологии, этнографии, биологии, философии, теологии, астрономии, искусству и культуре» [3. С. 137]. Произведение Мелвилла действительно непросто определить с точки зрения его жанра. Однако в литературе уже прочно закрепилось его определение как философского романа, хотя, как справедливо отмечает Ю. В. Ковалев, философское содержание в нем не представляет собой отдельного пла-

ста, «философия, так сказать, прорастает сквозь все элементы повествования, скрепляя их между собой и придавая им необходимое единство» [1. С. 213–214]. У Пирсига же философский пласт в романе подан более выпукло: в произведении выделяются два уровня повествования, один из которых развивает сюжетную линию, а второй представляет собой прямое обращение повествователя к читателю, где философское рассуждение выдвигается на первый план.

Оба романа представляют собой истории путешествий, физического движения к расположенной в пространстве цели, но в ходе развития сюжета это движение приобретает аллегорический, философский смысл пути к познанию истины, открытию глубинной сущности себя и мира. «Легендами о великой погоне за самоидентичностью» назвал Дж. Стайнер романы Мелвилла и Пирсига, видя в этом их идейное сходство [6]. И действительно, Измаил у Мелвилла уходит в морское плавание, поскольку для него «лишь в бескрайнем водном просторе пребывает высочайшая истина, безбрежная, нескончаемая, как Бог» [2. С. 160]. Персонажи Пирсига идут в горы, так как «в горных областях духа приходится привыкать к более разреженному воздуху неуверенности, огромному размаху задаваемых вопросов и предлагаемым ответам» [5. С. 125]. По ходу путешествия персонажи обоих романов сознают, что истина, обретаемая ими в пути, далеко не утешительна, но «лучше погибнуть в ревущей бесконечности, чем быть с позором вышвырнутым на берег, пусть даже он сулит спасение» [2. С. 160].

Символичным становится не только общая направленность пути. Повествование в обоих романах

насыщено символами на всех уровнях: о символах у Мелвилла писалось довольно много (см., например, [3]); у Пирсига функции символа выполняют многие детали: от имен персонажей до подробностей пейзажа. Символизм и аллегоризм способствуют наглядному воплощению основополагающих идей произведений, усиливают их дидактический характер. Рассказчики в обоих романах открыто присутствуют в тексте, обобщая и истолковывая увиденное, давая ему собственную оценку. Рассказчик Мелвилла постоянно апеллирует к читателю с помощью прямых обращений и эмоциональных призывов. Рассказчик Пирсига еще в начале романа заявляет о своем видении замысла произведения как серии бесед, «которые должны и наставлять, и развлекать» [5. С. 7].

Оба рассказчика имеют склонность к аналитическому мышлению, стремлению увидеть за разрозненными фактами логику и систему. Рассказчик Мелвилла классифицирует китов, рассказчик Пирсига рассуждает о мотоциклах и рисует наглядные схемы-таблицы, стремясь, как и Мелвилл, разглядеть за видимой оболочкой целостную метафизическую картину мира как такового. Показателен, однако, тот факт, что Мелвилл лишь намечает систему: «Вся эта книга — не более как проект, даже набросок проекта» [2. С. 202]. Пирсиг же преследует более определенные цели: разрабатываемая им философская теория Метафизики Качества представлена в произведении в ее полном и завершенном виде. Автор стремится выстроить собственную онтологическую систему и провозгласить найденную им универсальную истину о Качестве как единую и неделимую первооснову мира, порождающую остальные предметы и явления.

В обоих рассматриваемых нами текстах встречается большое количество имен философов прошлого и современности, но отношение к чужим теориям у обоих авторов довольно критическое. Ни тот, ни другой писатель не ставят целью детальный анализ взглядов и теорий известных философов, но по ходу собственных рассуждений неминуемо выказывают вполне определенное к ним отношение. Так, например, Мелвилл неоднократно вспоминает и Платона, «в медовых сотах» которого завязло множество людей [2. С. 426], и Аристотеля, чье учение настолько отягчает голову, что способно буквально потопить пловца, и Эмерсона, чьи высокие идеи саркастически приравниваются к ощущение

ням обвешегося и упившегося пивом матроса. Писатель устами Измаила настойчиво призывает «вышвырнуть за борт» и Локка, и Канта [2. С. 408], то есть все разноречивое наследие классической философии, поскольку, с его точки зрения, каноническое знание подобно мертвой догме, оно сковывает мысль и препятствует истинному познанию, ведь постичь можно лишь живого кита, а не его «мертвый, куцый остов» [2. С. 550]. Пирсиг также неоднократно вспоминает и Платона, который, как ему видится, первым канонизировал абсолютную истину как неизблемую «идею» и тем самым определил ход развития философии на века, отвратив ее от живого поиска «правды» [5. С. 388], и «ужасно самодовольного» Аристотеля, «прототипа многих миллионов самодовольных и абсолютно невежественных учителей, которые самоуверенно и безжалостно убивали творческий дух своих учеников» [5. С. 370], и Торо, чья книга представляется слишком «пресной и отгороженной от действительности» [5. С. 227]. С точки зрения автора романа, «сегодня все западные пути практически зашли в тупик из-за догматической несгибаемости перед лицом перемен» [5. С. 188]. Оба писателя, таким образом, демонстрируют критическое отношение к философскому наследию прошлого, стремясь освободить современника от груза ложных и ненужных идей. Показательно, однако, что Мелвилл делает это более бескорыстно — он не стремится заменить критикуемые теории своей собственной, единственно верной; на протяжении романа он дает высказаться всем действующим лицам — носителям зачастую прямо противоположных взглядов на действительность, отводя Измаилу роль незаинтересованного слушателя, шопенгауэровского «чистого субъекта познания» (по Ю. В. Ковалеву [1]), и таким образом подводит читателя к мысли о бесконечном многообразии взглядов на один предмет, невозможности последних и окончательных суждений и вытекающей отсюда нелепости притязаний на охват всей полноты бытия и ее абсолютных основ в рамках какой бы то ни было законченной теории. А потому самое разумное, что может сделать исследователь кита, по Мелвиллу, — это предоставить кита самому себе и не приближаться к нему [2]. Пирсиг же не разделяет подобного скептицизма Мелвилла. Он уверен, что истина не только существует, но и вполне доступна человеческому пониманию. Он полагает, что ему удалось заново открыть эту истину, которую

прозревали древнегреческие софисты, но которая затем оказалась полностью утраченной в западной традиции из-за засилья догмы, господствовавшей в Европе на протяжении последних двух с половиной тысячелетий. С одной стороны, Пирсиг заявляет, что не собирается полностью ломать существующую систему представлений о мире: «Качество — это просто та центральная точка, вокруг которой перегруппировываются все прежние интеллектуальные идеи» [5. С. 225]. С другой стороны, это новый взгляд на мир, имеющий в своей основе преимущественно восточные идеи даосизма и дзен-буддизма, склонные рассматривать мир как гармоничное сочетание противоположностей, не превращающихся в непреодолимые бинарные оппозиции. Характерно, что желание объединить и слить в единый космос все многообразие западных и восточных, древних и современных идей, похоже, двигало и Мелвиллом, когда он писал свою универсальную историю китов [2], но все же он никогда не подходил к этой задаче с такой методичностью и серьезностью, с какой это делает Пирсиг, считая себя не только автором художественного произведения, но и создателем нового философского учения.

Опираясь во многом на восточные философские и религиозные традиции, Р. Пирсиг провозглашает отказ от сугубо рационалистического подхода к восприятию реальности, отдавая предпочтение интуиции. Он полагает, что только таким путем можно прийти к пониманию ценности или Качества как первоосновы мира. Качество есть «иррациональное образование», «не поддающееся определению единство» [5. С. 215]. Оно не является атрибутом субъекта или объекта, но, напротив, будучи абсолютным первоначалом, порождает их. Интуитивное стремление к качеству присуще всей живой и неживой природе и выступает основой жизни и прогресса как постоянного движения к качественно «лучшему»: от неорганического уровня к биологическому, социальному и затем — интеллектуальному. На уровне обобщающей идеи Метафизика Качества стремится снять все философские противоречия и установить гармонию единства, проистекающую из Качества как объединяющего начала.

Интересно, однако, что если в теоретическом построении уровней мира у Пирсига все выстраивается гармонично и последовательно, то на каждом отдельном уровне мироздания гармония уступает место напряженной внутренней борь-

бе. Это заметно на всех обозначаемых автором уровнях и во всех объектах действительности, но особенно выпукло проступает в человеке, тем самым делая его фокусом авторских размышлений и рассуждений.

И Мелвилл, и Пирсиг строят свои книги на сходном композиционном приеме: некий рассказчик, воплощение «объективности» и здравого смысла, повествует о событиях, в центре которых оказывается персонаж, составляющий ему резкий контраст — фанатик, одержимый, готовый все принести в жертву поглощающей его идее. При этом объективность рассказчика в обоих случаях подчеркивается практическим отсутствием у него имени: повествователь у Пирсига, хотя в большинстве глав романа именно его фигура выходит на первый план, ни разу не назван по имени; повествователь Мелвилла, открывая свой рассказ фразой «Зовите меня Измаил», тем самым сразу сообщает читателю свое намерение скрыться под условной маской, принимаемой на себя ролью, которая определяется его функциональным положением по отношению к персонажам и событиям рассказываемой истории. Объединяет обоих рассказчиков также и то, что оба они являются воплощением обычного, ничем особо не примечательного человека своего времени, и их «учительское» прошлое (по всей видимости, объясняющее склонность к дидактике и стремление определенным образом воздействовать на ум и душу читателя), и заложенный в их характерах своеобразный сплав рациональности и романтики, подвигающий одного из них время от времени бросать свои «земные» дела и уходить в плавание в безбрежный простор океана, а другого — пускаться в путь на мотоцикле через полконтинента для того, чтобы иметь возможность «провести время, открывая существование вещей и размышляя о них» [5. С. 7]. Оба персонажа любят философствовать, о чем свидетельствуют их постоянные отступления в область абстрактных рассуждений о мире и человеке, но при этом не теряют связи с реальностью. Эскурсы Измаила в область отвлеченных метафизических размышлений нередко прерываются ироничными замечаниями, свидетельствующими о его умении сохранять ясность ума и трезвость суждений в любой обстановке. Рассказчик Пирсига в целом менее ироничен и более сосредоточен в своем стремлении разобраться в сути вещей, но при этом постоянно остается начеку, не позволяя себе забираться слишком высо-

ко в «метафизические горы» и искренне радуясь каждый раз возвращению в долину к «доброй старой реальности» [5. С. 280]. Оба персонажа критично настроены по отношению к современному им потребительскому обществу, в котором им видится засилье корыстолюбия, эгоизма и бездуховности. Оба ценят философию как возможность приобщиться к духовным тайнам окружающей действительности, познать себя и мир, но при этом, в согласии с духом американского индивидуализма, не склонны слишком доверять книжным авторитетам и предпочитают идти собственным путем рассуждений и умозаключений, ведь «вероятно, мы, смертные, только тогда можем быть истинными философами, когда сознательно к этому не стремимся» [2. С. 95]. Как результат, оба рассказчика несомненно способны импонировать читателю, который, будучи таким же среднестатистическим интеллектуалом, как и они, легко соглашается со многими их позициями или, во всяком случае, способен понять их истоки и выводы. Но если для Мелвилла в этом, вероятно, и заключалась суть художественного замысла, то заложенная в самую сердцевину романа Пирсига ирония состоит в том, что на самом деле его книга оказывается направлена на развенчание рассказчика и его трусливого эгоцентризма [5]. Главные недостатки, которые видит автор в своем персонаже, — это конформизм и сознательное замалчивание собственного внутреннего голоса, побуждающего человека к росту и развитию.

Личности рассказчика в каждом из двух романов противостоит личность резко ему контрастная: Ахав у Мелвилла и Федр у Пирсига. Необычность и выделенность данных персонажей из массы окружающих их людей с самого начала подчеркивается их необычными именами-символами. Все белые американцы на «Пекоде» называются автором по фамилиям, и лишь у капитана Ахава есть только имя, так же как и в случае с Федром у Пирсига, чье совершенно необычное для современной Америки древнегреческое имя при отсутствии какого бы то ни было намека на фамилию с самого начала приобретает символическое значение. Оба имени узнаваемы для читателя и богаты на историко-культурные ассоциации, но в обоих случаях эти ассоциации в определенный момент повествования оборачиваются своей противоположностью, философски демонстрируя нелинейность и неоднозначность действительности. Ахав, названный именем

нечестивого израильского царя, осуждаемого в Библии за поклонение ложным богам и гордыню [3Цар. 16:30], у Мелвилла оказывается способен и на сострадание, и на героизм, и на подлинно шекспировское трагическое величие. Федр Пирсига, хотя и выступает в качестве обобщенного образа софиста — оппонента Сократа в одноименном диалоге Платона, наделяется автором благородными чертами искателя добра и блага.

Персонажи обоих романов стремятся решить сверхзадачи: Ахав жаждет «призвать к ответу все обиды мира» [2. С. 175]; Федр, вдохновляемый «мессианскими силами» [5. С. 377], бросается преследовать сам «дух рациональности», чтобы «отомстить ему» [5. С. 86]. Для того чтобы справиться с подобного рода задачами, необходимо выйти за границы повседневного обывательского мира и способа мышления. И, как результат, оба персонажа выходят — не только метафорически, но и в буквальном смысле — за границы разума. Характерно, что безумие Ахава и Федра описывается авторами сходным образом, а именно как рациональность, доведенная до крайней степени. «В безбрежном безумии Ахава не утерялась ни единая крупинка его огромного ума» [2. С. 246], который оказался лишь маниакально сосредоточен на одной безумной цели. Федр настойчиво и последовательно «обращал рациональный метод против него самого» [5. С. 215]. Такая страстная приверженность одной цели, титаническая концентрация разума и воли в едином стремлении противопоставляет центральных персонажей обоих романов остальным людям, заставляя последних смотреть на них с опаской и недоверием. Команда «Пекода» страшится Ахава, студенты монтанского колледжа — Федра, но в то же время они и зачарованы ими, поскольку, несмотря ни на что, в безумном бунте против нивелирующей усредненности есть что-то возвышенное и героическое. «Замысел Ахава светился <...> над вечной полночью угрюмой команды», — пишет Мелвилл, наделяя, таким образом, именно Ахава способностью нести свет, несмотря на безумие его замысла [2. С. 637]. Учебные занятия, которые проводит Федр, «походят на некротимый пожар», студенты видят, что их преподаватель «представляет опасность, но в то же время как будто околдованы им и хотят слушать еще и еще» [5. С. 402–403]. Не будучи похожими на своих «безумных» лидеров и, более того, откровенно боясь стать похожими на них, обычные люди все же не могут не поддаться влиянию

их неукротимой энергии, прозревая в них нечто угрожающее, но почти божественное, «ибо человеческое безумие есть небесный разум», как утверждает Г. Мелвилл [2. С. 506].

Порыв и стремление, воплощенные в уникальном индивиде, ценны и прекрасны, поскольку без них общий прогресс был бы невозможен. Но в то же время в этом порыве таится и огромная опасность как для самого индивида, так и для окружающих, что наглядно показано в обоих произведениях. И Ахав, и Федр, в конце концов, переходят границу, отделяющую высокий порыв от маниакального иступления, что ведет к полному распаду и уничтожению личности, как физическому, так и духовному. Финальная стадия сумасшествия Ахава и Федра описаны сходно: разум, достигший предела напряжения, отказывается служить обоим. Незадолго до решающей схватки с Моби Диком Ахав разбивает навигационные инструменты, призывает в качестве единственного достойного собеседника сумасшедшего негритенка Пипа, мыслительные способности полностью отказывают ему. Федр в последние дни перед тем, как его отправят в психиатрическую лечебницу, сутками сидит без движения, уставившись в стену, «при этом его мысли не движутся ни вперед, ни назад, остановившись на текущем мгновении», а его «сознание разваливается на части» [5. С. 405–406]. Мало того, что таким образом оба персонажа уничтожают себя, их безумие увлекает к гибели и тех, кто их окружает: гибнет корабль и вся команда Ахава; разрушается семья Федра, его сын страдает от одиночества и проявляет зарождающиеся признаки ментальной болезни.

Но если философия Мелвилла в целом оказывается довольно пессимистична, утверждая, что в мире нет смысла, а те проблески героического и трагического величия, которые присущи человеку, способны в конечном итоге вести только к катастрофе, то Пирсиг предстает перед читателем гораздо большим оптимистом, всем содержанием и строем своей книги указывая на возможность преобразования и улучшения. Федр-учитель адресует свои знания молодому поколению студентов, и они, хотя и с трудом, но все же учатся у него и продвигаются вперед, приобретая не только практические умения

в области написания сочинений, но и духовные познания, ведущие к самораскрытию их личностей. Сын Федра Крис, несмотря на невнимание к нему со стороны отца, занятого исключительно собственным интеллектуальным поиском, продолжает искренне любить отца и стремиться к воссоединению с ним. Показательны финалы двух романов, совершенно разные по духу. В романе Мелвилла, несмотря на высокий пафос финальной сцены, корабль все же гибнет, а Измаил остается в живых, чтобы предупредить человечество об опасностях, которые таит в себе разум, полностью вышедший из-под контроля и видящий в окружающей действительности только проекцию собственных безумных страстей. В этом смысле, пользуясь терминологией Ю. В. Ковалева, «объективно-созерцательное» видение Измаила одерживает в романе победу над «субъективно-проецирующим» сознанием Ахава [1]. У Пирсига борьба социального и интеллектуального уровней, история идейного противостояния рассказчика и Федра заканчиваются, напротив, победой Федра, возрождающегося в финале и одерживающего моральную победу над трезвомыслящим, но посредственным рассказчиком. Дополнительный повод для оптимизма заключается в том, что возрожденный Федр преодолевает свой прежний главный недостаток: оказывается способен видеть не только абстрактную философскую «истину», но и конкретных близких людей, в первую очередь — собственного сына, с которым он теперь легко находит общий язык.

Таким образом, при значительном сходстве двух романов в сюжетных и композиционных деталях, читатель не может не обнаружить главное различие, заключающееся в их общей идейной направленности. Если первое произведение стремится взрастить в человеке «мудрость, которая есть скорбь», хотя в то же время и предостерегает от такой скорби, «которая есть безумие» [2. С. 517], то второе призвано укрепить читателя в мысли об интеллектуальном и духовном прогрессе, который, хотя и далек от прямой линейной направленности, все же представляет собой важнейшую характеристику развития человеческого общества.

Список литературы

1. Ковалев, Ю. В. Герман Мелвилл и американский романтизм / Ю. В. Ковалев. — Л., 1972. — 280 с.

2. Мелвилл, Г. Моби Дик, или Белый кит / Г. Мелвилл. — СПб, 2013. — 704 с.
3. Шогенцукова, Н. А. Опыт онтологической поэтики / Н. А. Шогенцукова. — М., 1995. — 232 с.
4. Lhamon, W. T. A Fine Fiction / W. T. Lhamon // *New Republic*. — 1974. — June 29. — P. 24–25.
5. Pirsig, R. M. *Zen and the art of motorcycle maintenance. An inquiry into values* / R. M. Pirsig. — New York, 2005. — 430 p.
6. Steiner, G. Uneasy rider / G. Steiner // *New Yorker*. — 1974. — April 15. — Pp. 147–150.

Сведения об авторе

Никулина Алла Константиновна — кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы. Уфа, Россия. alla_nikoulina@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2017. No. 3 (399). *Philology Sciences. Iss. 105. Pp. 59–64.*

HERMAN MELVILLE'S PHILOSOPHICAL TRADITIONS IN ROBERT PIRSIG'S "ZEN AND THE ART OF MOTORCYCLE MAINTENANCE"

A. K. Nikulina

M. Akmullah Bashkir State Pedagogical University, Ufa, Russia. alla_nikoulina@mail.ru

Robert Pirsig develops the genre traditions of the American philosophical novel created by Herman Melville. A number of compositional and plot details in "*Zen and the Art of Motorcycle Maintenance*" remind the reader of "*Moby Dick*"; these include interpenetration of the realistic and the allegorical, the abundance of symbols, the demonstrated attitude to the classical philosophical heritage and contemporary American values, the principles of character drawing and opposing a rationally-minded narrator to an obsessed fanatic, at the same time presenting the images as far from being simple and linear. But the central ideas of the two books finally prove to be different. Unlike Melville's philosophical skepticism, Pirsig promotes a more optimistic view of the universe as a place that favors intellectual progress and spiritual development.

Keywords: *philosophical novel, Robert Pirsig, Zen and the art of motorcycle maintenance, Metaphysics of Quality, Herman Melville, Moby Dick.*

References

1. Kovalyov Yu.V. *German Melvill i amerikanskij romantizm* [Herman Melville and the American Romanticism]. Leningrad, 1972. 280 p. (In Russ.).
2. Melville H. *Moby Dick, ili Belij kit* [Moby Dick, or the White whale]. Saint Petersburg, 2013. 704 p. (In Russ.).
3. Shogentsukova N.A. *Opyt ontologicheskoy poetiki* [An essay in ontological poetics]. Moscow, 1995. 232 p. (In Russ.).
4. Lhamon W.T. A Fine Fiction. *New Republic*, 1974, June 29, pp. 24–25.
5. Pirsig R.M. *Zen and the art of motorcycle maintenance. An inquiry into values*. New York, 2005. 430 p.
6. Steiner G. Uneasy rider. *New Yorker*, 1974, April 15, pp. 147–150.

УДК 821. 161.1 Трифонов + 82. 091
ББК Ш5 (2=Р) 6 — 4 Трифонов + Ш400. 19

«ОПОВСЕДНЕВНИВАНИЕ» В РОМАНЕ Ю. В. ТРИФОНОВА «ВРЕМЯ И МЕСТО»

Е. А. Новосёлова

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

Рассматривается устойчивый для творчества Ю. В. Трифонова лейтмотив исчезновения в аспекте «оповседневнивания» (на примере романа «Время и место», 1980). Анализируется, каким образом исчезновение перестает быть «шоковым» событием и, повторяясь, воспринимается как привычное, становится частью повседневности.

Ключевые слова: Ю. В. Трифонов, «Время и место», повседневность, художественная реальность, исчезновение.

«Писать надо <...> из такой схватки непременно что-нибудь выйдет — или шедевр, или открытие правды о самом себе», — эту мысль в одном из интервью высказывает писатель Ю. Трифонов [9. С. 110], чья установка на понимание и объяснение себя самого была эксплицирована в финале рассказа «Путешествие» (1969): «<...> я подумал о том, как я мало себя знаю» [11. С. 86]. В последующих текстах, рассказывая о человеческих ошибках, страхах, страданиях, Трифонов тем самым «оперировал» на себе, отыскивал связи «всего живого», протягивал «нити» не только в историческое прошлое, но и между людьми. Долгий творческий путь позволил прийти к выводу, что в поисках себя необходимо устремляться не только к истории, памяти, исследованию *Других*, но и к повседневности, которая является «хранителем» «нитей», связывающих человека с миром. Роман «Время и место» (1980) свидетельствует о возможностях в изображении повседневности, а сверхзадача («вспомнить все» и сформулировать ответы на волнующие экзистенциальные вопросы) обусловила помещение в центр романа истории главного героя — писателя Саши Антипова. Уже в названии заложена идея повествования «обо всем»: в романе Трифонов рассказывает не только о жизни главного персонажа, но и о судьбах окружающих его людей, о судьбах поколения, о времени и месте, в которое эти судьбы оказались вовлечены.

Следует пояснить, что мы имеем в виду под вынесенным в название статьи «оповседневниванием». Данный термин был предложен М. Вебером в начале XX в., и его основа заключалась в следовании алгоритму «обживание — освоение — закрепление» [1. С. 45]. При исследовании

литературного произведения под «оповседневниванием» мы будем понимать процесс «стягивания», интеграции смыслов в художественное пространство повседневности.

Гуманитарная мысль середины XX в., исследуя многомерное человеческое существование, выдвинула идею о возможности интерпретировать его лишь через подобное же «множество» реальностей, первичной из которых является повседневность, фиксирующая происходящее «здесь-и-сейчас»¹. За повседневностью закреплено свойство «конечной области значений», поскольку «именно значение наших переживаний, а не онтологическая структура объектов, конституирует реальность» [13. С. 424]. При этом рутинное, привычное течение жизни опровергается «дуалистическими» процессами «оповседневнивания» и «преодоления повседневности», ставящими под сомнение «наличное» и накопленное знание и переносящими «акцент реальности» на другую посредством пережитого *шока* (А. Шюц)².

В. Суханов, анализируя романное наследие Ю. Трифонова, выделяет несколько типов реальностей³. Мы полагаем, что *полиреальная модель*, лежащая в основе произведений писателя, базируется на принципе иерархичного сосуществования в тексте нескольких реальностей, где за повседневностью закреплён статус «верховой»⁴.

¹ Впервые о дифференцировании единой реальности существования упоминает У. Джеймс, называя их «подмирами», позже его идеи развивают А. Шюц, П. Бергер, Т. Лукман и др.

² Об этом подробнее см.: [2; 13].

³ О типах реальностей см.: [7. С. 55–73].

⁴ Необходимо отметить, что в связи с этим критическая мысль 1970-х гг. (В. Кожин, Л. Аннинский,

При исследовании художественного текста принято выделять два типа реальностей — внетекстовую и художественную. Так, вслед за В. Сухановым мы будем понимать под «внетекстовой» «реальность, переводимую в текст», а под «художественной» — реальность, «переведенную в текст» [7. С. 55]. Применительно к художественному миру романа «Время и место» внетекстовыми реальностями являются *историческая*, вмещающая события Большой Истории, менявшие облик страны на протяжении 1930–1970-х гг., и *индивидуально-повседневная*, то есть те события, которые составили жизнь Ю. Трифонова, нашедшие художественное воплощение в романе, а именно: арест и возвращение матери, работа на авиационном заводе во время войны, период обучения в Литературном институте, похороны Сталина, начало любви и ее конец и так далее.

Две базовые внетекстовые реальности легитимизируют свое присутствие в романе посредством переработки их в художественное пространство *автобиографической* реальности, явившей собой основу (низшую ступень) иерархии.

Принцип текстостроения Ю. Трифонова в «раннем» творчестве способствовал определению границ реальностей, а именно: в зачин и основную часть текста вмещалось происходящее «здесь-и-сейчас», а финал сосредоточивал универсальные смыслы, извлеченные из повседневности, открывал реальность онтологическую, где проявлялись «вечные законы бытия (жизнь, смерть, время, пространство, дискретность, пограничность, текучесть)» [7. С. 55–56]. Принадлежностью к финальному произведению¹ обусловлено включение в роман «Время и место» выводов, ранее находящихся в пространстве онтологической реальности, в пространство повседневного, то есть — *смысл становится частью повседневности и в самой повседневности заключен*. Повседневная реальность в романе «Время и место» становится *интеграционным полем*², в рам-

Ю. Андреев и др.) закрепила за Трифоновым репутацию «бытописателя», что опровергли «новые» трифоноведы 1980-х гг. (Б. Панкин, Н. Иванова, А. Бочаров и др.).

¹ Роман «Время и место» был закончен Трифоновым к концу 1980 г. за несколько месяцев до смерти и стал предпоследним произведением писателя. Под «финальной» книгой имеются в виду произведения, «отличающиеся типологическим сходством проблематики и поэтики» [5. С. 2].

² Интеграция двух реальностей способствовала развitiю «плотного» письма, чем обусловлен несколь-

как которого намеченные ранее «предварительные итоги» функционируют в качестве «*формул экзистенции*»³. Под «оповседневниваем» в литературном произведении, таким образом, мы будем понимать *процесс «стягивания», интеграции смыслов в пространство повседневной реальности*.

В данной статье мы предпринимаем попытку проанализировать процесс «оповседневнивания» в романе «Время и место» на примере устойчивого в художественном мире Ю. Трифонова лейтмотива «исчезновение»⁴.

Интерес к исследованию *исчезновения* как внешне-запного, разрушающего привычный уклад жизни события, обусловлен биографией писателя: его отец, Валентин Трифонов, «профессиональный революционер», сделавший успешную военную карьеру в начале XX столетия, был арестован во время «чисток» 1937–1938-х гг. [12]. Впервые открыто об этом Ю. Трифонов напишет в документальной повести «Отблеск костра» (1965): «Мне было одиннадцать лет, когда ночью приехали люди в военном и на той же даче, где мы запускали змеев, арестовали отца и увезли. Мы с сестрой спали, отец не захотел будить нас. Так мы и не попрощались. Это было в ночь на 22 июня 1937 года» [10. С. 5].

В романе «Время и место» сцена последнего не-прощания с отцом помещается в первую главу: неожиданное исчезновение становится «точкой-источником» (Э. Гуссерль), с которого начинается история Саши Антипова.

Конструирующая повествование авторская установка «Надо ли вспоминать?» выявляет два противоборствующих начала: *исчезновение*, проникающее во все сферы человеческого существо-
ко «нагроможденный» стиль романа. «Спаянность» повседневного и онтологического определило специфический способ текстостроения, в основе которого лежит *принцип минимального деления на абзацы значительных кусков текста*.

³ В работе «От “советского писателя” к писателю советской эпохи» Н. Лейдерман и М. Липовецкий пишут: «<...> быт становится у Трифонова универсальной *формой экзистенции*» [курсив наш. — Е. Н.] [6. С. 30]. Мы подразумеваем под «*формулами экзистенции*» некий *конечный* смысл, экзистенциальный закон, эксплицированный в тексте, например: «<...> человек должен любить и быть любимым. Все остальное не имеет значения» [8. С. 538].

⁴ На лейтмотив исчезновения в прозе Ю. Трифонова как на один из устойчивых и повторяющихся указывают А. Бочаров, Ю. Оклянский, Н. Иванова, А. Шитов и др.

вания, и *память*, не позволяющая исчезнувшему исчезнуть. В главе «Пляжи тридцатых годов», открывающей роман, выстраивается система устойчивых для Трифонова категорий, подвергающихся исчезновению: *Место* («о солнечном, шумном, воняющем веселой паровозной гарью перроне, где мальчик <...> держал за палец отца и спрашивал: “Ты вернешься к восемнадцатому?”»); *Время* («об августе, который давно истаял как след самолета в синеве?»); *Повседневность* («о том, как мать шлепнула его по щеке <...>; о том, как мальчик мечтал пойти с отцом на авиационный парад <...>; о том, как блестела до белизны металлическая ручка на спинке трамвайного сиденья»); *мир Других* («о людях, испарившихся, как облака?»).

В финале первой главы констатируется «ответ» на вопрос «Надо ли вспоминать?»: «<...> вспоминать и жить — это цельно, слитно, не уничтожаемо одно без другого и составляет вместе некий глагол, которому названия нет» [8. С. 293]. Данный тезис определил авторскую сверхзадачу: устремиться к началу *своей истории*, чтобы объяснить и понять то, что знаешь «лучше всего» (Трифонов): самого себя¹.

В первой главе появляется *символ исчезновения* — перрон. Как теннисный корт («Игры в сумерках»), бумажные змеи («Отблеск костра»), внезапно разбившееся накануне нового 1937 г. зеркало («Исчезновение»), перрон, откуда уезжает «навсегда» отец Саши Антипова, в контексте романа «Время и место» становится «эскизом будущего бездомья»², границей между счастливым детством и страданием, между «домом» и «бездомьем». Исчезновением провоцируется *мое* воспоминание, встроенное в судьбу поколения; исчезновением же обусловлена и *моя* повседневность, которая позднее преодолевается писательством.

В сюжет первой главы включается игра мальчиков, происходящая в *середине* реки. Река в контексте художественного мира писателя является символом жизни, а местонахождение мальчиков свидетельствует об осознании Трифоновым ареста отца как центрального жизненного события: «<...> все четверо были на середине реки, где волна прозрачна, оглушает, слепит, где нет ни-

чего, кроме стука в ушах и густого, забивающего нос запаха речной воды и ощущения бездны под ногами, страшной, *холодящей* живот» [курсив наш. — *Е. Н.*] [8. С. 289].

Имманентная природа исчезновения имеет семантику *конца*, что в романе «Время и место» воплощается в *признаке холода* и его модификаций — появляются *предвестники исчезновения*. Таковыми становятся «холодящая живот» *бездна*, предвещающая потерю отца; «холодная *ночь*», описанная накануне прощания с Наташей; «розовая *мгла*» над морем, фиксирующая смерть Киянова; «ледяной» *воздух*, «ледяной» *ветер*, «обледенелый» *тротуар*, а также человеческие проявления «озноба», «дрожи», «душераздирающих криков», «нечеловеческого воя», свидетельствующие о медленном уходе эпохи Сталина [8].

В первой главе, подчеркивая постоянство памяти, выраженное в символах «вечности»: облака, реки, горы, — Трифонов отбирает глаголы, передающие состояние *статики*: «река <...> *блестит*»; «*стоит* <...> облако»; «гора <...> *возвышается*» [8. С. 293]. Этой «монументальности» противопоставлена повседневность, таящая идею движения: «машины внизу <...> *выскакивают*, <...> *ныряют*, <...> *летят*» [курсив наш. — *Е. Н.*] [8. С. 293]. Прорастание исчезновения в ткань повседневного также конкретизируется глаголами — от динамики к статике, от подвижности — к несомненному присутствию. Так, накануне прощания с Наташей навсегда, Антипов чувствует, как «холодая *ночь течет* в дом»; после смерти Киянова исчезновение «укрепляется» в повседневности, что эксплицируется в образе мглы, *стоящей* над морем (вода=жизнь). В финале романа исчезновение как бы окутывает, всецело пронизывает повседневность; герой, пережив множество потерь, констатирует: «Мы стоим в *темном дворе*. Снег *стекает* с деревьев. Великая сырость *обнимает* нас» [курсив наш. — *Е. Н.*] [8. С. 550].

Однако исчезновение не столько констатирует конец чего-то, сколько стимулирует к новому началу. В рамках концепции «оповседневничания» конец (шок) означает смещение «зоны досягаемости» (Шюц), «сдвиг» по направлению к «новой» повседневности, куда уже встроен предыдущий опыт. В романе ключевые моменты всеобщей и личной биографии конструируются в соответствии с этим признаком: отказ от аборта Таня и Антипов принимают в день похорон Сталина; Антипов начинает творческий путь вопреки собственным «мукам»: «Сквозь сон томило: все уже

¹ После путешествий по Туркмении с середины 1950-х до начала 1960-х гг. Ю. Трифонов понимает, что лучше всего исследовать то, что знаешь непосредственно [9].

² В повести «Другая жизнь» Ольга Васильевна, вспоминая о первом лете, когда «не сняли дачу», говорит: «Это был эскиз будущего бездомья».

написано» [8. С. 311]; отношения Тани и Антипова начинаются с отказа последнего сотрудничать с Саясовым: «Я тебя полюбила в тот день, когда ты послал его к черту» [8. С. 445]. Стык начала и конца порождает ощущение *текучести, непрерывности* жизни: «Миньона не ответила. Начался дождь. Была осень. Пахло лекарствами. *Все кончилось* на больничном дворе, и *здесь же*, под дождем, *начиналось что-то другое*» [8. С. 304]; «Розовая мгла стояла над морем. Дул ветер, что-то менялось»¹ [8. С. 479].

В финалах глав романа исчезновение перестает быть «шоком», вырывающим героев из их привычной «обыденности», но — «оповседневнивается», становится обычной частью «невидимого», того, что «называют сором жизни» [8. С. 505]. «Привычные» исчезновения эксплицируются в тексте в форме прямых констатаций: «Почти никого не осталось в старой орбите. Володя Гусельщиков ушел в непонятную область, в индийскую философию <...>, Квашнин стал начальством, это было так же далеко, как индийская философия. <...> Мирон уже пять лет обретался в Болгарии. <...> А сын Степан работал врачом в Алжире. <...> Мать умерла. <...> Умер Левочка Марафет, сгинули Пат, Барин» [8. С. 534–535]. «Отец Саши не вернулся из Киева никогда» [8. С. 287], «И в этом ветре унеслись многие, среди них три женщины, кого я не успел проводить» [8. С. 362], «И все мы скоро разлетелись кто куда. Война сводила людей и рассыпала навек» [8. С. 390].

По крупицам исчезает и единый «организм»² жизни Антипова и Тани: «Все должно было двигаться куда-то, оно и двигалось, по-видимому. <...> медленно отъезжали друг от друга две половинки треснувшего плота, на одной половине стоял Антипов, на другой Таня, и *никакого ужаса не было в их глазах*, они разговаривали, шутили, принимали лекарства, раздражались, ходили в кино, и бревенчатые половинки тихо расплывались своими путями, ибо нельзя ничего остановить, все плывет, движется, отдаляется от чего-то и приближается к чему-то» [курсив наш. — Е. Н.] [8. С. 515]. Отсутствие «ужаса в глазах», ранее сопровождавшее любое исчезновение, свидетельствует о принятии исчезно-

вения как привычного свойства повседневности, а также — подтверждает тезис о непрерывности, текучести жизни: «громоздится» дом, но уходит любовь; вместе с Таней уплывает прежний жизненный уклад, но на место этого непременно приходит нечто другое.

Исчезновение провоцирует и обратный процесс: «невидимая» жизнь становится очевидной и видимой: «Не читалось, не думалось, не спалось, не смотрелся телевизор. Все это привычное, каждодневное, на что прежде не требовалось усилий и было незаметною рутинной жизни, теперь достигалось только ценой напряжения» [8. С. 533–534]. Очевидными становятся и прожигающие ткань повседневности исчезновения, забирающие «части» жизни: «<...> было объявление о смерти Виктора Котова. Хотя за последние лет двенадцать особой дружбы не было, но известие о том, что Виктуара нет, ударило нестерпимо — так много было связано с ним радости, чепухи, надежд! — <...> он был частью жизни, и с его исчезновением омертвела и укоротилась какую-то долей его, Антипова, жизнь» [8. С. 534].

Непрерывность жизни эксплицируется в романе в символах «вечности», каковыми становятся *облако*, которое «не исчезло в синеве до сих пор», блестящая «в искрящемся плеске» *река, тень*, отбрасываемая облаками на землю («и машины внизу то ныряют в эту прозрачность, то выскакивают на солнцепек»). Символы «неисчезающего» присутствуют и на протяжении всего романа: розовая мгла, море, влага и др. — молчаливые свидетели «блеска» общечеловеческой и частной истории, противостоящие идее тотального исчезновения. Эти символы скрепляют Время и Место, вбирают в себя исчезновение; в них кроется идея перманентного движения жизни, в котором и кроется «залог нашего бедного бессмертия» (Трифонов): «Блестит в искрящемся плеске река, белым сахарным куполом стоит над лугом <...> круглобкое кучевое облако. Оно не испарилось, не исчезло в синеве до сих пор» [8. С. 293].

В незавершенном романе «Исчезновение» беспокойство отца, эксплицированное в глаголах «*маяться*», «*метаться*», «*объясняется*» в финале романа «Время и место». Тезис: «Люди мечутся от того, что не понимают. Вот и случаются эти смерти *без времени*» [8. С. 536] — выявляет дихотомию «*смерть во времени* — *смерть без времени*», где «смерть во времени» возможна лишь в абсолютной идентификации *Себя* со временем и местом, знанием *Своего* времени и места.

¹ Возможно именно поэтому действие каждой главы начинается в феврале — в конце зимы, но на пороге новой жизни.

² В «Другой жизни» Ольга Васильевна называет брак с Сергеем «их жизнью», «живым организмом».

Исчезновение, по Трифонову, потому и есть самое страшное: оно случается внезапно и не оставляет жизненного времени для понимания и узнавания «самого главного».

В финале романа «Время и место» констатируется несомненная ценность идентификации *Себя* во времени и месте — противоположная «исчезновению» мысль: мир — это целое, одно неотделимо от другого, «все на свете связано друг с другом», мир замкнут в своей идентичности. «Когда несли на носилках по лестнице, Антипов думал сквозь боль: *не было времени лучше, чем то, которое он прожил*. И нет места лучше, чем эта *лестница* с растрескавшейся краской на стенах, с водяными разводами наверху, *с какими-то надписями карандашом*, с голосами и запахами жизни, *с распахнутым окном*, за которым шевелился *огненный ночной город*» [курсив наш. — Е. Н.]

[8. С. 543]. В предложенном отрывке эксплицированы несколько реальностей: *экзистенциальная*, связанная с конечным осознанием индивидуального пути («Не было времени лучше, чем он прожил»), *повседневная* («Не было места лучше, чем эта лестница <...>, надписями карандашом <...>»); *констатация разомкнутости «вечного» пространства*, которое «было, есть и будет, когда нас не станет» (А. Чехов), выраженная в образе «распахнутого окна», а также — свидетельство того, что неизменно присутствует «другая жизнь <...> вокруг» («за которым шевелился огненный ночной город»).

Анализ, предложенный в статье, продемонстрировал, как исчезновение переходило из области «внеповседневного» и в конечном итоге стало имманентно присущим свойством повседневности.

Список литературы

1. Вальденфельс, Б. Повседневность как плавильный тигль рациональности / Б. Вальденфельс // СОЦИО-ЛОГОС. — М., 1991. — С. 39–50.
2. Вахштайн, В. В. Дело о повседневности / В. В. Вахштайн. — М., 2015.
3. Гуссерль, Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии / Э. Гуссерль. — М., 1994.
4. Иванова, Н. Б. Проза Ю. Трифонова / Н. Б. Иванова. — М., 1984.
5. Кириллова, И. В. Феномен финальной книги в русской прозе XX века : автореф. дис. ... канд. филол. наук / И. В. Кириллова. — Екатеринбург, 2006.
6. Лейдерман, Н. Л. От «советского писателя» к писателю советской эпохи: путь Юрия Трифонова / Н. Л. Лейдерман, М. Н. Липовецкий. — Екатеринбург, 2001.
7. Суханов, В. А. Романы Ю. В. Трифонова как художественное единство / В. А. Суханов. — Томск, 2001.
8. Трифонов, Ю. В. Дом на набережной. Исчезновение. Время и место / Ю. В. Трифонов. — М., 1988. — 576 с.
9. Трифонов, Ю. В. Как слово наше отзовется... / Ю. В. Трифонов. — М., 1985.
10. Трифонов, Ю. В. Отблеск костра. Исчезновение / Ю. В. Трифонов. — М., 1988. — 593 с.
11. Трифонов, Ю. В. Рассказы и повести / Ю. В. Трифонов. — М., 1971.
12. Шитов, А. П. Трифонов Юрий: хроника жизни и творчества (1925–1981) / А. П. Шитов. — Екатеринбург, 1997.
13. Шюц, А. О множественных реальностях / А. Шюц // Шюц, А. Мир, светящийся смыслом / А. Шюц. — М., 2004. — С. 401–456.

Сведения об авторе

Новосёлова Екатерина Алексеевна — аспирант кафедры русского языка для иностранных учащихся, Институт гуманитарных наук и искусств, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. Екатеринбург, Россия. novosyolova_e@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2017. No. 3 (399). Philology Sciences. Iss. 105. Pp. 65—70.

MAKING EVERYTHING ROUTINE IN Y. V. TRIFONOV'S NOVEL "TIME AND PLACE"

E. A. Novosyolova

Ural federal university named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia. novosyolova_e@mail.ru

The paper considers the leitmotif of the disappearance in the aspect of making everything routine sustainable for the works by Y. V. Trifonov (on the example of the novel "Time and Place", 1980). Appeal to the phenomenon of disappearance is determined by the biographical facts of the writer himself. "Shock" event such as disappearance changes the former way of life, but when repeating it is perceived as habitual, it becomes a part of everyday life. The article analyzes how in the last novel of the writer the disappearance ceases to be a "shock" and gradually grows into the everyday life. The analysis demonstrates that the disappearance becomes a "point source" (E. Husserl), on which the subsequent daily life is built. Semantics of the end inherent in the disappearance causes the appearance of symbols (platform) and precursors (cold, ice, darkness, etc.) of the loss. The disappearance promotes "the nudity" of the living space, makes previously "invisible" in obvious. Suddenness and unexpectedness of the disappearance, breaking the old life, leads to the formation of a dichotomy "timeless death — death in time" in the end of the novel, the analysis of which reveals the substantial-semantic component of disappearance.

Keywords: *Yu.V. Trifonov, "Time and Place", everyday life, literary reality, disappearance.*

References

1. Valdenfels B. Povsednevnost kak plavilnij tigl racionalnosti [Everyday life as a melting crucible of rationality]. *SOCIO-LOGOS* [SOCIO LOGO], 1991, pp. 39–50. (In Russ.).
2. Vahshtajn V.V. *Delo o povsednevnosti* [To matter about the daily practices]. Moscow, 2015. 144 p. (In Russ.).
3. Gusserl E. *Idei k chistoj fenomenologii i fenomenologicheskoy filosofii* [Ideas to a pure phenomenology and to a phenomenological philosophy]. Moscow, 1994. 110 p. (In Russ.).
4. Ivanova N.B. *Proza U. Trifonova* [The prose by U. Trifonov]. Moscow, 1984. 296 p. (In Russ.).
5. Kirillova I.V. *Fenomen finalnoj knigi v russkoj proze XX veka* [The phenomenon of a final book in Russian prose of the 20th century]. Ekaterinburg, 2006. (In Russ.).
6. Leyderman N.L., Lipoveckij M.N. *Ot "sovetskogo pisatelja" k pisatelju sovetskoj epochi: put' U. Trifonova* [From "a soviet writer" to a writer of soviet epoch: the way of U. Trifonov]. Ekaterinburg, 2001. 42 p. (In Russ.).
7. Suchanov V.A. *Romani U. Trifonova kak hudozhestvennoe edinstvo* [The novels by U. Trifonov as a artistic unity]. Tomsk, 2001. 322 p. (In Russ.).
8. Trifonov U.V. *Dom na naberezhnoj. Ischeznovenie. Vremya i mesto* [The House on the embankment. Disappearance. Time and place]. Moscow, 1988. 576 p. (In Russ.).
9. Trifonov U.V. *Kak slovo nashe otzovetsja...* [How our words will respond...]. Moscow, 1985. 384 p. (In Russ.).
10. Trifonov U.V. *Otblek kostra. Ischeznovenie* [Gleam of fire. Disappearance]. Moscow, 1988. 593 p. (In Russ.).
11. Trifonov U.V. *Rasskazi i povesti* [Short stories and tales]. Moscow, 1971. (In Russ.).
12. Shitov A.P. *Trifonov U.: hronika zhizni i tvorchestva (1925–1981)* [Trifonov U.: chronicle of a life and a creativity]. Ekaterinburg, 1997. 798 p. (In Russ.).
13. Shjuts A. O mnozhestvennih realnostyah [About multiple realities]. Shjuts A. *Mir svetjajshuysya smislom* [World which glows sense]. Moscow, 2004. Pp. 401–455. (In Russ.).

УДК 808.2 — 024 (470.55/57) (075.8)
ББК 81.2 Рус. — 03

ДЕЕПРИЧАСТНЫЙ ОБОРОТ КАК ТЕКСТООБРАЗУЮЩАЯ ЕДИНИЦА В ЮЖНОУРАЛЬСКИХ ДОКУМЕНТАХ XVIII ВЕКА

Н. А. Новосёлова¹, Е. П. Злоказова²

¹Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

²Отель «Ладога», Санкт-Петербург, Россия

Описывается синтаксическая конструкция с деепричастием как текстообразующая единица актов делового языка конца XVIII в. южноуральских крепостей, функционирование данной конструкции в формулярной или свободной от формуляра части текста документа.

Ключевые слова: лексико-семантические группы глаголов, деепричастие, актант, стандартизация содержательных частей текста документа.

Деепричастия, функционирующие в текстах официально-деловых актов конца XVIII в., относящихся к южноуральской провинциальной канцелярии, производны от глаголов, организуемых в определенные лексико-семантические группы. Из трех групп со значением полей «действия», «состояния», «отношения» наиболее функциональны в анализируемых текстах первая и вторая группы.

В статье проанализирован синтаксический аспект функционирования деепричастия, особенности построения оборота с деепричастиями, образованными от глаголов определенных лексико-семантических групп — группы мотивирующих глаголов со значением поля «действия» и «состояния».

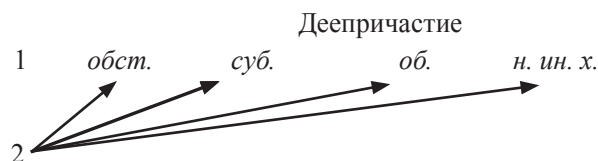
Одним из используемых нами методов языкового анализа местного историко-лингвистического материала является метод поиска языковых сигналов текстообразования в ряде жанров делового письма. Роль деепричастия как текстообразующей единицы анализируемых нами текстов очевидна. Деепричастия чаще употребляются не в формулярной, а в собственно содержательной части документа, констатирующей клаузуле, причем деепричастие встречается тем чаще, чем менее документ подвержен стандартизации.

Каждое новое значение глагола способно конструировать свои синтаксические связи. При подобном анализе семантики глагола используется понятие валентности. Валентность глагола определяет необходимое количество участников ситуации (мест, аргументов, актантов), то есть формирует семантическую модель глагола, которая соотносится с соответствующей синтаксической

структурой. К участнику языковой структуры применяется термин «синтаксический актант».

В деепричастиях сохраняется функциональное значение глагола: «обособленные обороты содержат в себе потенциальную, но не развернутую предикативность, когда на атрибутивное, релятивное и, реже, объективное отношение внутри соответствующих синтагм накладывается оттенок предикативности» [5. С. 335]. Поскольку для деепричастия важной является потенциальная возможность превращения в глагольную форму, выступающую в роли носителя предикативности, в функционировании деепричастия уместно использовать анализ валентности глагола, основанный на выявлении участников ситуации.

Для иллюстрации функционирования деепричастия внутри оборота используются следующие обозначения: *обст.* — различные обстоятельственные характеристики, *суб.* — субъект, *об.* — объект, *н. ин. х.* — необходимые информативные характеристики, 1 — первый уровень участников ситуации (субъект и объект), 2 — второй уровень содержит распространители с различными обстоятельственными значениями.

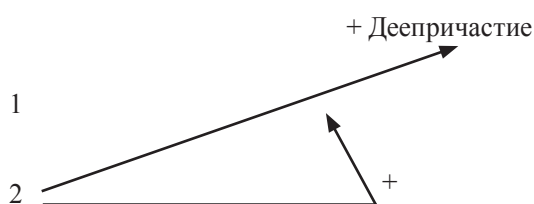

Для анализа выбраны следующие глаголы поля «действия»: «перемещения» в пространстве, ориентированного относительно конечного пункта (*доехать, возвратиться, подойти, препровождать, привести, привлечь* и др.)

и ориентированного относительно исходного пункта (*выбраться, выступить, отойти, отъехать* и др.) [4].

Деепричастия, мотивированные глаголами поля «действия», наиболее частотны в тех текстах, которые освещают события военных действий пугачевского восстания. Функционирование деепричастий анализируется в настоящей статье в текстах деловых документов XVIII в. по архивным материалам РГВИА [6]. «Первое место по частотности деепричастий занимают *рапорты* полковника Михельсона о действиях, предпринятых им в связи с поиском остатков отрядов Е. Пугачева и С. Юлаева в окрестностях Чебаркульской крепости. Военный *рапорт* в своей содержательной части отличается от *рапортов*, функционировавших в рамках учреждений; последние отличались стандартизацией и устойчивостью формул, внутри которых деепричастия употреблялись редко.

Наиболее частотны деепричастия ЛСГ (лексико-семантическая группа) глаголов подполя «перемещения», ориентированного относительно исходного и конечного пунктов. Поскольку все встретившиеся глаголы относятся к подвиду «субъектного перемещения» [4. С. 16], из уровня № 1 актантов следует исключить субъект и определитель агенса (они выражаются за пределами деепричастного оборота), а также объект, реализующийся только при переходных глаголах. Таким образом, схема потенциальной актантной реализации глаголов ЛСГ «перемещения» будет допускать только уровень № 2, то есть актанты обстоятельственной характеристики.

Во втором уровне указывается лишь наличие или отсутствие актанта («+», «-») на соответствующем векторе без обозначения актантной разновидности.

Принимая во внимание наличие в ЛС-характеристике указания на пункт перемещения (исходный, конечный), можно предполагать, что актант обстоятельственной характеристики действия будет выражать значение локальности. Примеры мотивирующих глаголов перемещения относительно конечного пункта: *доехать, возвратиться, подойти, приблизиться, прибыть, приехать, приступить* (подойти).

Чаще других встретилось деепричастие *прибыть* в следующих конструкциях:

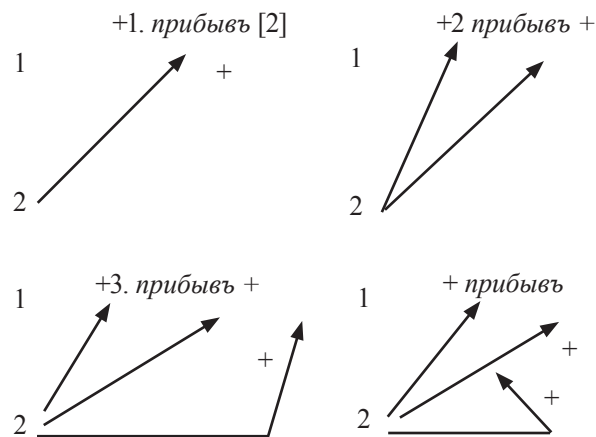
1) «но немогъ я на томъ удостоверитца, а / *прибывъ въ оренбургъ* / [3] не только <...> узналъ <...>» [РГВИА, Ф. 20. Д. 1233. Л. 148] [1];

2) «я / *прибывъ сюда вчерашняго числа* / <...> *пачитаю* <...> *донести* <...>» [РГВИА, Ф. 20. Д. 1233. Л. 145];

3) «генераль порутчикъ деколонгъ / на разсвѣте с свои^м корпусо^м *прибывъ к троицкой / злодейскую толпу* <...> *разбилъ*» [РГВИА, Ф. 20. Д. 1239. Л. 115];

4) « / *сего мца 15го прибывъ в саткинскою заво^ю / 16 выступи^л* <...>» [РГВИА, Ф. 20. Д. 1239. Л. 144].

Схемы реализации актантов выглядят следующим образом (номера схем соответствуют номерам примеров).

Таким образом, внутри четырех деепричастных оборотов регулярную реализацию получил только актант места. Это свидетельствует о тесной связи лексической семантики мотивирующих глаголов с моделью распространения деепричастия.

Деепричастия, мотивированные глаголами ЛСГ перемещения относительно исходного пункта, имеют подобную актантную структуру.

Из группы деепричастий, мотивированных глаголами *выбраться, выступить, отъехать*, чаще встречаются деепричастия от глагола *отойти*:

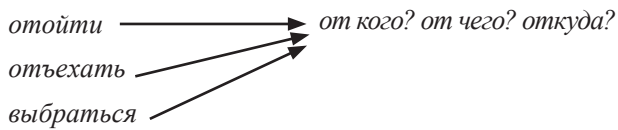
1) «я и^с кандратовъ выступилъ / в стороне ни^ж-ноувелскою коепости, о^мшедь дватцать версть / на выходе и^с лесу усмотрена была <...> толпа <...>» [РГВИА, Ф. 20. Д. 1239. Л. 146];

2) «/о^мшедь сверсту / повернулись направо» [РГВИА, Ф. 20. Д. 1229. Л. 98].

Во всех примерах вместо выражения актанта места регулярно реализуется актант количества.

В «Словаре сочетаемости слов русского языка» под ред. П. Н. Денисова, В. В. Морковкина представлено сочетание «отойти на какое-либо расстояние» как регулярно реализующееся [7]. Сочетание «отойти от чего» в этой же словарной статье приводится как часто употребляемое.

В реализации деепричастных распространителей в рамках данной ЛСГ проявляется множественность вариантов сочетаемости этих глаголов, внесенных в указанную группу на основании наиболее часто встречающегося распространения:

На состав актантного набора, реализованного в рамках деепричастного оборота при принадлежности мотивирующего глагола к ЛСГ перемещения, ориентированного на исходный или конечный пункт, влияют следующие причины:

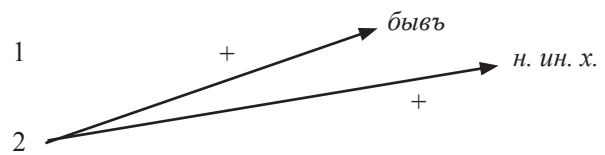
- 1) переходность мотивирующего глагола (наличие актанта объекта);
- 2) характер ЛС-структуры — наличие семы «ориентация на исходный или конечный пункт» обуславливает регулярность реализации актанта места;
- 3) характер сочетательных свойств мотивирующего глагола — может актуализироваться компонент синтактико-семантической позиции, не отмеченный в характеристике ЛСГ. Глагол «отойти» относится к ЛСГ «перемещения, ориентированного относительно исходного пункта», но может быть определен и как относящийся к подполю «перемещения на некоторое расстояние» (в силу нормы сочетаемости слова). «*Отойти от деревни*» и «*отойти километров семь*» — одинаково нормативные позиции сочетаемости;
- 4) актант «объект совместного действия» может реализоваться независимо от признаков мотивирующего глагола, так как увеличивает число лиц, совершающих действие или находящихся в процессе, не затрагивая структуру оборота. Этот актант легко выводится за пределы оборота и, не нарушая смысла, может преобразоваться в однородное подлежащее: «*полковникъ / переправясь со всеѣмъ своимъ detaшаментомъ / атаковалъ <...>*» = «*полковникъ и весь его detaшаментъ / переправясь / атаковали <...>*»;
- 5) факультативные актанты (помимо соответствующих семам ЛСГ) реализуются в соответ-

ствии с валентностью глаголов и необходимостью распространения компонентов уровней № 1 и № 2.

Глаголы поля «состояние» характеризуются, во-первых, включением глаголов-связок, во-вторых, низкой частотностью переходных глаголов. В рамках поля «состояния» целесообразно проследить актуализацию актантов «необходимые информативные характеристики». В нашем материале самая высокая частотность у деепричастий, мотивированных связкой *быть*, причем присвязочные члены разнообразны по синтагматическому и семантическому признакам. При полной реализации актантной структуры должны быть заполнены несколько мест.

Прежде всего, в отдельном рассмотрении нуждается форма *бывъ*:

«*генераль-майоръ фреиманъ <...> / бывъ 10^о числа въ крепости уртазыльской / <...> теперь поспешаютъ сюда <...>*» [РГВИА, Ф. 20. Д. 1233. Л. 148 об.].

В значении необходимой информативной характеристики здесь выступает актант места «*въ крепости*», распространенный определителем уровня № 2 «*уртазыльской*». Дополнительный актант этого уровня темпоральный — «*10^о числа*».

Деепричастие «*будучи*» в составе оборота сочетается с существительным (или наречием), обозначая действие, либо входит в состав составного сказуемого, как правило, сочетаясь с причастием. Например, актуализируется в качестве необходимого распространенный на факультативном уровне актант места:

«*злодѣевъ / будучи вто^м крепости / <...> повесиль <...>*» [РГВИА, Ф. 20. Д. 1233. Л. 326].

Один из самых распространенных деепричастных оборотов нашего материала также содержит деепричастие *будучи*. Чтобы был ясен круг участников ситуации, оборот приводим в составе контекста:

«*Я подоспелъ, и сколь слодѣи не старались усиливаются, были опрокинуты / потерявъ на местѣ и в дого^мку будучи перехвачены отряженною в левую сторону командою по краинѣ мере челоуѣкъ до трехсотъ в числѣ кои^х четыре^х ихъ начальниковъ і главнои предводитель бары^ттабынской*

волости старшина биктеми^р которой пере^д недавны^м време^не^м приехавши о^т пугачева сию толпу набра^т / <...>» [РГВИА, Ф. 20. Д. 1239. Л. 144].

Анализируя приведенную конструкцию, надо отметить, что актант уровня № 1, дающий необходимую информативную характеристику, последовательно проявился при функционировании деепричастий, мотивированных нулевой связкой *быть*. Если глагол употреблен не в качестве связки, необходимая информативная характеристика выступает в виде темпорального, локативного или квалификативного актанта, отличающегося от аналогичного актанта уровня № 2 обязательностью своего присутствия. Если глагол выступает в качестве связки, выражающей лишь модальность, необходимая информативная характеристика выходит за рамки употребления лишь существительного или наречия — в качестве такого актанта могут выступать прилагательные и причастия, присоединяющие к себе многоярусные синтаксические конструкции.

Деепричастия, мотивированные глаголами-связками (*быть, становиться, оказаться*), фазовыми глаголами (*начинать*), модальными глаголами (*желать*), имеют возможность присоединять глагольные формы с потенциальной предикативностью. Иногда в качестве объекта при распространении таких глаголов выступают целые придаточные предложения.

В целом глаголы поля «действие» обладают следующими особенностями реализации актантов: 1) обстоятельственные актанты регулярно реализуются при наличии семы «место», «направление» и др. в ЛС-характеристике группы мотивирующих глаголов; остальные случаи обуславливаются коммуникативной задачей и наличием сочетаемости в отдельном глаголе; 2) распространители актантов всех уровней также обуславливаются коммуникативной задачей и сочетаемостью лексем различной морфологической принадлежности.

Список литературы

1. Лексико-семантические группы русских глаголов / под ред. Т. В. Матвеевой. — Свердловск, 1988.
2. Реформатский, А. А. Введение в языковедение / А. А. Реформатский. — М., 1997.
3. РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив.
4. Словарь сочетаемости слов русского языка / под ред. П. Н. Денисова, В. В. Морковкина. — М., 1983.

Сведения об авторах

Новосёлова Наталья Алексеевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы историко-филологического факультета, Челябинский государственный университет. Челябинск, Россия. nas_1945@yahoo.com

Злоказова Елена Петровна — менеджер, отель «Ладога». Санкт-Петербург, Россия. mateica74@gmail.com

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2017. No. 3 (399). *Philology Sciences. Iss. 105. Pp. 71—75.*

**THE ADVERBIAL PARTICIPLE IN THE COMPOSITION
OF TURNOVER AS A TEXT FORMING UNIT
OF THE ACTS BUSINESS LANGUAGE OF THE END
OF THE EIGHTEENTH CENTURY
OF THE SOUTH URAL PROVINCIAL OFFICE**

N. A. Novoselova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. nas_1945@yahoo.com

E. P. Zlokazova

Hotel "Ladoga", Saint Petersburg, Russia. mateica74@gmail.com

It describes the syntactic structure with adverbial participle as the text forming unit of the business language acts of the end of the eighteenth century of the South Ural fortresses, the functioning of this syntax in the formulary or free form of the text of the document.

Keywords: *lexical-semantic group of verbs, adverbial participle, aktant, standardization of meaningful parts of the text of the document.*

References

1. Matveeva T.V. (ed.). *Lexico-semantic groups of Russian verbs*. Sverdlovsk, 1988. (In Russ.).
2. Reformatsky A.A. *Vvedenie v jazykovedenie* [Introduction to Linguistics]. Moscow, 1997. (In Russ.).
3. *RGVIA — Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv* [RGVIA — Russian state military-historical archive]. (In Russ.).
4. Denisov P.N., Morkovkin V.V. (eds.). *Slovar sochetaemosti slov russkogo jazyka* [Dictionary compatibility of words of the Russian language]. Moscow, 1983. (In Russ.).

УДК 811.161.1.81'373

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТОМ-ЗООНИМОМ «СОБАКА» В РУССКОМ И ВЬЕТНАМСКОМ ЯЗЫКАХ

Ням Тхи Ван Ань

Томский государственный университет, Томск, Россия

Речь идет о национально-культурной специфике фразеологизмов с компонентами-зоонимами в русском и вьетнамском языках. Актуальность исследования этих языковых единиц объясняется тем, что в образах, создаваемых посредством зоонимов, раскрываются черты животных, которые человек переносит на себя. Одним из таких животных для человека стала собака. Анализ русских и вьетнамских фразеологизмов с компонентом-зоонимом *собака* выявляет характеристики собаки как животного, которые используются для описания внутренних и внешних качеств человека и его образа жизни.

Ключевые слова: *фразеологизм, собака, национально-культурная специфика, лингвокультурологический комментарий, фразеологическая единица.*

Изучение национально-культурной специфики языка является магистральной линией современных лингвистических исследований. Язык представляет собой компонент культуры, отражающий реальный мир, который окружает человека, условия и образ его жизни, особенности национального характера, систему ценностей.

Одним из важнейших источников национально-культурной информации является фразеологический состав языка. Как считает В. Н. Телия, «фразеологический состав языка — это зеркало, в котором лингвокультурологическая общность идентифицирует свое национальное самосознание» [10. С. 9]. Во фразеологизмах нашли отражение быт, менталитет народа, исторические события и лица, особенности флоры и фауны, географическое положение территории, занимаемой нацией. Национальные особенности восприятия мира связаны с переносными значениями, которые развиваются у компонентов фразеологизмов, в основе которых лежат общечеловеческие представления об окружающей среде и о самом человеке.

Во многих языках образная характеристика человека дается посредством именованья животных. Необходимо отметить, что фразеологизмы, имеющие в своем составе лексические единицы, относящиеся к миру животных, составляют значительную часть фразеологии большинства языковых систем. Наименования животных — один из самых древних пластов лексики во всех языках мира. Стремясь охарактеризовать поведение, чувства, состояние, внешность и, конечно, характер человека, древнее сообщество прибегало к срав-

нению с животным миром, который в основных проявлениях совпадал с человеческим. Именно в этих фразеологизмах отражаются многовековые наблюдения человека над внешним видом, повадками животных, передается отношение людей к ним, что, в свою очередь, является культурно-информационным фондом, раскрывающим особенности менталитета народа.

Разделяя точку зрения Н. М. Шанского, который утверждал, что «фразеологизмы представляются перед нами как устойчивое словосочетание, воспроизводимые, готовые единицы языка, существующие в виде целостных по своему значению и устойчивых в своем составе и структуре образований» [11. С. 26], мы понимаем под фразеологизмом любое устойчивое и воспроизводимое в речи как единое целое сочетание слов.

Объектом настоящей работы стали фразеологизмы с компонентом *собака* в русском и вьетнамском языках, в том числе и компаративные фразеологические единицы. Как считает большинство исследователей-фразеологов, большая часть фразеологизмов с компонентом-зоонимом представляет собой компаративные фразеологические единицы. К компаративной фразеологии относится группа фразеологических единиц, в которых сравнение вводится с помощью сравнительного союза *как, словно, точно, будто, что: злой как собака*. Л. И. Ройзензон и З. А. Шугурова считают, что «такие устойчивые обороты речи, целостные воспроизводимые в языке единицы, которые обладают сравнительной семантикой и структурно-синтаксически характеризуются формальными признаками в виде сравнительных

союзов, носят название компаративных фразеологизмов» [8. С. 13]. В дальнейшем в данной работе мы подведем все анализируемые фразеологические единицы под название «фразеологизмы».

Предметом исследования являются лингвокультурные особенности, отраженные во фразеологизмах с компонентом-зоонимом *собака* в русском и вьетнамском языке.

Целью исследования является лингвокультурный анализ фразеологизмов с компонентом-зоонимом *собака* в русском и вьетнамском языках, позволяющий выяснить особенности национального восприятия мира, закрепленные во фразеологическом фонде.

Материалом исследования послужили русские и вьетнамские фразеологизмы с компонентом-зоонимом *собака*, представленные в следующих словарях: «Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь» (И. С. Брилёва, Д. Б. Гудков и др.), «Фразеологический словарь русского языка» (под ред. А. И. Молоткова), «Большой фразеологический словарь. Значение. Употребление. Культурологический комментарий» (под ред. В. Н. Телия), «*Từ điển thành ngữ và tục ngữ Việt Nam*» (Нгуен Лан).

Всего проанализировано 13 русских и 12 вьетнамских фразеологизмов с компонентом-зоонимом *собака*.

С давних времен человек был тесно связан с животным миром. Собака — это первое животное, прирученное человеком: она всегда верно служила своему хозяину, очень привязана к нему. Для русского и вьетнамского народов *собака* — помощник в охоте и охране жилища.

Малый академический словарь дает следующее толкование лексической единицы *собака*: «Домашнее животное семейства псовых, родственное волку, используемое человеком для охраны, на охоте, в упряжке (на Севере) и т. п.» [9. С. 168]. Таким образом, словарь актуализирует сферы жизни человека, в которых участвует *собака*: это охрана, охота, перевозка людей и грузов.

Слово *собака* в русском и вьетнамском языках также употребляется и как метафора для характеристики человека. По мнению Е. В. Кудрявцевой, «положительные характеристики животного, такие как преданность, верность, фактически не закрепились в метафорических значениях и не нашли своего языкового воплощения, из чего возможно сделать вывод о преобладании отрицательных эмоционально-оценочных характери-

стик при переносе на человека признаков животного» [5. С. 132].

Зооним *собака* в таких фразеологизмах метафорически употребляется для описания поведения, физического состояния человека, образа его жизни. Фразеологизмы классифицируют по критерию соотношения качеств собаки с качествами человека следующим образом.

1. Внешность.

Для характеристики человека жалкого, обиженного, побитого вида в русской фразеологии существует выражение «*как побитая собака*» [6. С. 195]. Таким образом, составляющее фразеологизм слово *побитый* является страдательным причастием от глагола *побить*, что означает «повредить во многих местах ударами, толчками» [9. С. 152]. Во вьетнамском языке для характеристики грязного человека существует фразеологизм *bẩn như chó* (букв.: *грязный как собака*). Это объясняется тем, что во Вьетнаме собаки всегда живут вне жилища человека, их кормят только плохой пищей, иногда даже испорченной, и выглядят они всегда грязными [12].

2. Характер.

В русской и вьетнамской лингвокультуре репрезентировано представление о *собаке* как о чрезвычайно преданном, верном, неизменном друге человека, который с трудом переносит разлуку со своим хозяином. В русском фонде фразеологизмы «*как верная собака*», «*служить как собака*» [6. С. 153] актуализируют семантику верности и служения, а во вьетнамском языке верность и преданность *собаки* связывается с бедностью хозяина, который не может кормить свою собаку, что противоречит мнению о собаке, преданной только тому, кто ее кормит: *chó không ché chủ nghèo* (букв.: *собака никогда не бросит бедного хозяина*) [12].

Заметим, что и в русском, и во вьетнамском языках для того, чтобы характеризовать жадного человека, который не делится с окружающими даже тем, что у него в избытке, существуют фразеологизмы с зоонимом *собака*. В русском языке фразеологизм «*как собака на сене*» сформирован на базе пословицы: «*Как собака на сене лежит, и сама не ест и скотине не дает*» [1. С. 315]. Выражение восходит к басне Эзопа о собаке, которая рычит на лошадей, не подпуская их к сене, хотя сама сена не ест. Во вьетнамском языке для выражения подобного смысла используется фразеологизм: *chó già gữ xương* (букв.: *старая собака хранит кость*). Если в русском варианте

подчеркивается нежелание субъекта отдать то, чего он обычно не употребляет в пищу, то во вьетнамском — субъект уже не в состоянии сделать это, так как старые собаки уже не в силах поедать кости.

Для характеристики человека, злобно настроенного по отношению к другим, также используется зооним *собака*: *злой как собака*. Это объясняется повадками собаки: когда *собака* в ярости, она может напасть, укусить свою жертву, что стало основой для характеристики агрессивности, злобы, грубости и жестокости человека. Ср. глаголы, характеризующие поведение человека: *гавкать, лаять, грызться (как собака)*. Во вьетнамском языке фразеологизмов с зоонимом *собака*, репрезентирующих представления о злости, жестокости, грубости человека, не представлено.

Нами выявлен ряд вьетнамских фразеологизмов с названным компонентом, не имеющих аналогов в русском языке. Во вьетнамском языке они характеризуют:

1) беззастенчивого, бесцеремонного, дерзкого человека: *chó cậu gắn nhà* (букв.: *собака ведет себя нахально, потому что его дом и хозяин находятся недалеко*);

2) бездарного, высокомерного человека: *chó ghẻ só mữ đắng đui* (букв.: *у болеющей чесоткой собаки жир на хвосте — то есть о человеке, который задирает нос, но не имеет никаких способностей*);

3) ничтожного человека: *chó chui gắm chạn* (букв.: *собака сидит под шкафом для посуды*);

4) глупого человека: *ngu như chó* (букв.: *глупый как собака*);

5) неудачливого человека: *đen như chó mực* (букв.: *не везет, как черной собаке*);

6) много и попусту говорящего человека: *nói dai như chó nhai giẻ rách* (букв.: *много говорит, как собака жуёт тряпочку*);

7) раздражительного человека: *sắm cắu như chó sắp ta* (букв.: *говорить сердитым тоном, как собака лает на призрак*).

Как следует из материала, во вьетнамской лингвокультуре более широко представлены фразеологизмы с зоонимом *собака*, характеризующие человека. Отметим, что до сих пор изучение и исследование вьетнамской фразеологии находится в состоянии, когда ее предмет еще не четко определен. Определение и отграничение фразеологизмов от других языковых единиц еще остаются спорными вопросами. Понимание фразеологии вьетнамского языка до сих пор остается

неопределенным и разным, хотя ей интересуются и литературоведы, и языковеды. Также отсутствуют специальные этимологические словари, которые объясняют происхождение фразеологизмов. В связи с этим в работе мы предлагаем свои варианты лингвокультурных комментариев данных фразеологизмов.

Далее подходим к анализу каждого из вышеперечисленных фразеологизмов.

Для характеристики беззастенчивого, бесцеремонного, дерзкого человека вьетнамцы употребляют фразеологизм: *chó cậu gắn nhà* (букв.: *собака ведет себя нахально, потому что его дом и хозяин находятся недалеко*). Данный фразеологизм употребляется, когда говорят о человеке, который уже долгое время живет или работает в каком-нибудь месте и начал себя вести дерзко и грубо [12].

Вьетнамцы также употребляют фразеологизм *chó ghẻ só mữ đắng đui* (букв.: *у болеющей чесоткой собаки жир на хвосте*) для обозначения бездарного, но высокомерного человека. Этот фразеологизм выражает тонкие наблюдения вьетнамского народа за самыми мелочными предметами, реалиями в своей ежедневной жизни. Словосочетание «болеющая чесоткой собака» активизирует в сознании образ очень худой, грязной, жалкой собакой, и жира на хвосте у нее просто не может быть. Оттуда и вытекает смысл о том, кто заносится, не отличаясь при этом ни даром, ни талантом [12].

Также интересен фразеологизм *chó chui gắm chạn* (букв.: *собака сидит под шкафом для посуды*). Приписывание вьетнамцами ничтожности собаке, вероятно, можно объяснить тем фактом, что, когда хозяин сердится и кричит на собаку, собака часто прячется под шкафом. Данный фразеологизм употребляется, когда говорят о мужчинах, которые живут у семьи своей жены. Вьетнамцы считают, если мужчины живут за счет родителей своей жены или просто живут у них, то его состояние не отличается от собаки, которая служит своему хозяину [12].

Во вьетнамском языке глупого человека олицетворяет собака: *ngu như chó* (букв.: *глупый как собака*). В отличие от русских, вьетнамцы считают, что собака — глупое животное. Это исходит от того, что вьетнамцы относятся к собаке не как к близкому другу человека, а как к сторожу. Собака должна сторожить дом или клад и, день и ночь не отдыхая, слепо служить своему хозяину [12].

Понятие неудачливого человека связывается вьетнамцами с образом *черная собака*: *đen như chó mực* (букв.: *не везет, как черной собаке «чернила»*). Собака «чернила» — популярная порода собак во Вьетнаме с черной шерстью. Для вьетнамцев черный цвет символизирует невезение, отсюда и вытекает такая ассоциация о собаке в культуре [12].

3. Поведение.

Для характеристики человека, который занимается бесцельным делом, проводит время в развлечениях, одним словом, бездельничает, в русском языке существует фразеологизм *собак гонять*. Как свидетельствует «Большой фразеологический словарь», происхождение фразеологизма связывается с русской игрой в бабки, в которой *собака* — это палка, которой гоняют шар в игре. Образ фразеологизма создается метафорой, которая сравнивает внешне активное, энергичное, развлекательное занятие с бесполезным, пустым времяпрепровождением [1].

Во вьетнамском языке аналогичный смысл имеет фразеологизм: *lặt nhặt như chó đái* (букв.: *заниматься мелким делом, как собака испускает мочу*), то есть вьетнамская лингвокультура связывает бесцельное времяпрепровождение не с игрой в бабки, а с физиологическим актом, который напрямую не связан с мыслительной деятельностью [12].

Интересно, что для характеристики людей, которые живут недружно, постоянно ссорясь, или часто испытывают взаимную агрессию, и русские, и вьетнамцы употребляют устойчивое сравнение: русс. *как кошка с собакой*; вьет. *như chó với mèo* (букв.: *как кошка и собака*). Это объясняется совпадением древнейших представлений обоих народов о кошке и собаке. Оба народа привыкли к тому, что эти животные постоянно проявляют агрессию друг к другу. Сложно объяснить причину этого явления, возможно, это у них заложено на генетическом уровне, поэтому им порой так сложно ужиться вместе.

4. Физическое состояние.

В русском языке очень частотно сравнение *как собака* в значении «*совершенно, совсем, сильно*» в сочетании с некоторыми глаголами и прилагательными, например: *устал как собака, голоден как собака, надоел как собака, замерз как собака*. Для всех компаративных фразеологизмов характерна отрицательная оценка: собака — сторож, охранник — ассоциируется со злостью (*злой как собака*); собаку держат в конуре и на цепи —

жизнь ее трудна (*живет как собака, замерз как собака*), охотничья собака гоняется за зверем — она сильно устает (*устал как собака*) [4]. Такой ассоциации не встречается в языковой картине мира вьетнамского народа.

Очень быстро заживающие раны и вьетнамцы, и русские ассоциируют с собакой: русс. «заживает как на собаке» [6]; вьет. *chó liền da* (букв.: *у собаки рана быстро заживает*) [12]. Так говорят, потому что слюна у собаки обладает бактерицидным свойством. Когда собака вылизывает свои раны, вредные микроорганизмы не размножаются, а раны заживают быстрее.

5. Мера, количество.

Для обозначения меры и количества в русской фразеосистеме существует компаративный фразеологизм со словом *собака*: как собак *нерезанных*, что означает «очень много, слишком много». В основе этого фразеологизма лежит специфическая черта диких собак сбиваться в стаи по 5–7 животных [2].

6. Отношение к людям.

Для подчеркнутого пренебрежения, унижения человеческого достоинства используется фразеологизм *бросать как собаке*. Также интересен русский фразеологизм: *нужен как собаке пятая нога*, что обозначает «нисколько, ничуть, совершенно не нужен». В этом фразеологизме зооним *собака* не связан с ее поведением, ее характером. Актуализируется представление о необычном внешнем облике собаки, делается вывод о неестественном виде такого животного: *с пятой ногой* [5].

Далее проведем анализ достаточно интересного для вьетнамцев фразеологизма: *собаку съел*. Данный фразеологизм русские употребляют для обозначения человека, который имеет большой опыт и хорошие навыки в своем деле.оборот *собаку съел* появился в крестьянской среде, а его рождение связано с тяжелой работой на поле: устанешь так, что с голоду и собаку бы съел. Выражение, скорее всего, родилось в результате сокращения поговорки, зафиксированной В. И. Далем: *собаку съел, а хвостом подавился*. Исходную мотивирующую базу фразеологизма *собаку съел* можно представить в следующем виде: «получить, приобрести умение, навыки ловкого, искусного в каком-либо деле человека, то есть стать в определенной сфере деятельности таким, как собака — выученным, ловким, искусным» [2. С. 651]. Во вьетнамской языковой картине мира не встречается такая ассоциация, тем

более во вьетнамской традиции есть обычай употреблять собак в пищу. Вьетнамцы считают, что собачье мясо отмывает все беды и приносит им счастье в торговле.

Таким образом, из вышеизложенного приходим к выводу, что во фразеологизмах с компонентом-зоонимом *собака* универсальное, общечеловеческое является признаком общности, существующей в языковом сознании русского и вьетнамского народов, и это находит отражение в наличии сходных выражений. Наряду с этим, анализируя фразеологизмы, имеющие в своем составе зооним *собака*, нам удалось выявить наличие фразеологизмов в одном языке, которые

не имеют аналогов в другом сопоставляемом языке. Они носят оттенки национально-культурной специфики и связаны с этнически маркированными элементами языкового сознания. Несовпадение зоонима может быть обусловлено географическими условиями и фантазией народов, ценностями культур и особенностями бытовой жизни. Изучение этих фразеологизмов очень важно для понимания различных языков, так как именно во фразеологии проявляется специфика быта, культуры и истории народов, без чего невозможно полноценное общение между людьми разных национальностей.

Список литературы

1. Бирих, А. К. Словарь русской фразеологии: историко-этимологический справочник / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. — СПб., 1998. — 704 с.
2. Большой фразеологический словарь русского языка / отв. ред. В. Н. Телия. — М., 2010. — 784 с.
3. Брилева, И. С. Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь / И. С. Брилева, Н. П. Вольская, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко, В. В. Красных. — М., 2004. — Вып. I. — 318 с.
4. Войнова, Л. А. Фразеологический словарь русского языка / Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Федоров. — М., 1968. — 544 с.
5. Кудряцева, Е. В. Фразеологизмы с компонентом-зоонимом собака: лингвокультурологический комментарий / Е. В. Кудряцева // Вестн. Костром. гос. ун-та им. Н. А. Некрасов. — 2015. — Т. 21, № 2. — С. 131–134.
6. Лебедева, Л. А. Устойчивые сравнения русского языка / Л. А. Лебедева. — М., 2013. — 314 с.
7. Маругина, Н. И. Концепт «собака» как элемент русской языковой картины мира / Н. И. Маругина // Язык и культура. — Томск, 2009. — № 2 (6). — С. 11–30.
8. Ройзензон, Л. И. Теоретические проблемы компаративной фразеологии и лексикографии / Л. И. Ройзензон, З. И. Шугурова // Вопросы фразеологии и составления фразеологических словарей. — Баку, 1968. — С. 12–21.
9. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. — М., 1983. — Т. 3. — 752 с.
10. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. — М., 1996. — 288 с.
11. Шанский, Н. М. Фразеология современного русского языка / Н. М. Шанский. — СПб., 1996. — 192 с.
12. Nguyễn Lân. Từ điển thành ngữ và tục ngữ Việt Nam / Nguyễn Lân. — Hà Nội, 2000. — 353 с.

Сведения об авторе

Ням Тхи Ван Ань — аспирант кафедры русского языка, Томский государственный университет. Томск, Россия. nhamvananh@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2017. No. 3 (399). *Philology Sciences. Iss. 105. Pp. 76—81*

NATIONAL-CULTURAL SPECIFICITY OF PHRASEOLOGY WITH COMPONENT-ZOONYM “DOG” IN RUSSIAN AND VIETNAMESE

Nham Thi Van Anh

Tomsk State University, Tomsk, Russia. nhamvananh@mail.ru

In many countries, metaphor for human characteristics is given by names of pets, one of which is “the dog”. The unit of Vietnamese and Russian idioms whose component has “the dog” will be the object in this research. 13 Russian and 12 Vietnamese phrases analysis would clarify why characteristics of dog and the other animals are used to describe the human’s internal and external world. For Vietnamese and Russian, the dog is a symbol of loyalty and faithfulness by standing side by side and sharing difficulties with its owner. However, the noun “dog” in Vietnamese and Russian culture have other meanings, in both positive and negative ways. From the research, there is a metaphor status in the transferal meanings of this animal, including loyalty, faithfulness, dirty character, humble, dissolute life, obedience, greediness, gluttony, and savagery. Similarly, the image of dogs in Vietnamese sayings constitutes different perspectives such as constancy, stupidity, incompetent, dirty lifestyle, and impertinency. Besides, the conditions of geography, culture, fancy and lifestyle can explain why the idioms with the noun “dog” are hardly comparable in different languages. In summary, studying different ways of expression is essential because the noun included in phrases represents life, culture and history of each nation.

Keywords: *idioms, dog, cultural identity, linguistic-cultural analysis, zoonyms, linguistic-cultural comment.*

References

1. Birikh A.K., Mokiyeiko V.M., Stepanova L.I. *Slovar russkoy frazeologii: istoriko-etimologicheskii spravochnik* [Dictionary Russian phraseology: Historical and etymological reference]. Saint Petersburg, 1998. 704 p. (In Russ.).
2. Teliya V.N. (ed.). *Bolshoy frazeologicheskii slovar russkogo yazyka* [Large phrasebook Russian language]. Moscow, 2010. 784 p. (In Russ.).
3. Brileva J.S. *Russkoye kulturnoye prostranstvo, lingvokulturnoy slovar* [Russian cultural space, linguistic-cultural dictionary]. Moscow, 2004. 318 p. (In Russ.).
4. Voynova L.A., Zhukov V.P., Molotkov A.I., Fedorov A.I. *Frazeologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Phraseological dictionary of Russian]. Moscow, 1968. 544 p. (In Russ.).
5. Kudryatseva Ye.V. *Frazeologizmy s komponentom-zoonimom sobaka: lingvokul'turologicheskii kommentariy* [Phrases with the component names of animals Dog lingvokulturologicheskij comment]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova* [A herald of the Kostroma State University named after N.A. Nekrasov], 2015, vol. 21, no. 2, pp. 131–134. (In Russ.).
6. Lebedeva L.A. *Ustoychivye sravneniya russkogo yazyka* [Stability comparison of the Russian language]. Moscow, 2013. 314 p. (In Russ.).
7. Marugina N.I. *Konsept 'sobaka' kak element yazykovoi kartiny mira* [The concept of “dog” as an element of Russian language picture of the world]. *Yazyk i kul'tura* [Language and culture], no. 2 (6). Tomsk, 2009. Pp. 11–30. (In Russ.).
8. Royzenzon L.I., Shugurova Z.I. *Teoreticheskiye problemy komparativnoy frazeologii i leksikografii* [Theoretical issues of comparative phraseology and lexicography]. *Voprosy frazeologii i sostavleniya frazeologicheskikh slovarey* [Questions phraseology and compiling phraseological dictionaries]. Baku, 1968. Pp. 12–21. (In Russ.).
9. Yevgenyevoy A.P. (ed.). *Slovar russkogo yazyka* [Dictionary of Russian language], vol. 3. Moscow, 1983. 752 p. (In Russ.).
10. Telya V.N. *Russkaya phraseology semantika, pragmatika and lingvokulturologicheskii aspekts* [Russian phraseology, semantics, pragmatics, linguistic-cultural aspect]. Moscow, 1996. 288 p. (In Russ.).
11. Shanski N.M. *Phraseologiya russkogoyazyka* [Phraseology of the Russian language]. Saint Petersburg, 1996. 192 p. (In Russ.).
12. Nguyen Lan. *Tu dien thanh ngu va tuc ngu viet nam* [Dictionary of Vietnamese phraseology and proverbs]. Hanoi, 1996. 353 p. (In Vietnamese).

УДК 070.1 +316.77 + 659.123 + 659.4
ББК 76.0

КРОСС-КОММУНИКАТИВНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЖУРНАЛИСТИКИ, РЕКЛАМЫ И PR В РЕКЛАМНО-ИНФОРМАЦИОННЫХ СМИ (на материале специальных проектов журнала «Первый»)

Т. А. Пармонова

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, Самара, Россия

Современная модель коммуникации предполагает особое соотношение журналистики, рекламы и PR в структуре издания, что находит отражение в характере и типологических особенностях СМИ. Показательным в этом отношении примером становятся рекламно-информационные издания, которые наряду с журналистскими текстами и традиционными формами рекламы используют скрытую рекламу в формате «редакционных» текстов и PR-материалы. Рассматриваются варианты явного и скрытого PR, структура специальных проектов издания. Изучается специальный проект как форма B2B и B2G-коммуникации.

Ключевые слова: *кросс-коммуникативность, рекламный текст, журналистские материалы, PR-тексты, специальный проект, печатные СМИ, рекламно-информационные СМИ, B2B, B2G-коммуникация.*

Взаимодействие журналистики, рекламы и PR обуславливает своеобразие средств массовой информации, в которых эти виды коммуникации существуют в тесной взаимосвязи. В результате действия кросс-коммуникативной тенденции появляются гибридные формы и коммуникативные феномены, которые становились предметом научного осмысления А. П. Короченского, А. Ю. Горчевой, Л. К. Лободенко, Г. Г. Щепиловой, Н. П. Кравченко и других исследователей.

Для современных СМИ характерно, например, проникновения PR-функций и технологий в журналистику. А. П. Короченский указывает на «коммерческие стратегии гибридизации журналистики и PR» [4. С. 36] и на появление особого феномена, который исследователь предлагает называть пиарналистикой [3]. В системе масс-медиа отмечены также примеры интегрирования журналистской и рекламной коммуникаций (А. Ю. Горчева) [2]. Как отмечает Г. Г. Щепилова, реклама и журналистика «стали влиять друг на друга» и «составили взаимосвязанную систему» [18. С. 3]. Об этом свидетельствует и появление рекламных материалов, мимикрирующих под журналистский формат.

При изучении взаимодействия журналистики, рекламы и PR исследователи применяют функциональный, системно-функциональный и системно-деятельностный подходы. Осмысление проблемы кросс-коммуникативного взаимодействия журналистики, рекламы и PR находим в работах

Л. К. Лободенко [9; 10]. Подробно рассматривая особенности функционального подхода и определяя общие и специфические функции форм коммуникации [10], Л. К. Лободенко предлагает опираться на системно-деятельностный подход, который, по мнению исследователя, «является наиболее общим и одновременно обеспечивает необходимую и достаточную глубину осознания сущности и специфики вышеназванных сфер информационной деятельности и позволяет выделить базовые атрибуты», включая предмет, цель, субъект, продукт [9. С. 149].

При системно-функциональном подходе «СМИ рассматриваются как целостная система, в которой есть, по крайней мере, несколько элементов, каждый из которых играет свою специфическую функциональную роль» [18. С. 3]. В аспекте системно-трансформационного анализа исследуется, например, реклама в СМИ в аспекте внутренних и внешних связей [18].

Взаимодействие коммуникативных практик может происходить как в структуре средства массовой информации — совокупности текстов, так и внутри одного текста. В связи с этим для изучения и анализа феномена кросс-коммуникативного взаимодействия журналистики, рекламы и PR может быть продуктивным функционально-типологический подход. Целесообразность такого подхода подтверждается, по нашему мнению, и тем, что в структуре издания определенного типа или формата, которое становится контекстом для от-

дельных материалов, у текста могут актуализироваться дополнительные функции, что приводит к необходимости осмысления специфики форм кросс-коммуникативного взаимодействия в СМИ, выявлению механизмов создания таких коммуникативных феноменов, когда соположенные в структуре нового целого тексты меняют функциональную принадлежность. Так, например, Н. П. Кравченко называет «новую функцию государственных СМИ — имиджевую, которая призвана способствовать становлению российских приоритетов, прогрессу и процветанию российского общества» [6. С. 71].

Проблема кросс-коммуникативного взаимодействия обусловлена диффузией коммуникативных практик, которые имеют общие и специфические характеристики.

Журналистика, реклама и PR «оперируют социальной информацией, в основе которой лежит факт» [7. С. 63–64], и функционируют в рамках единой медиасистемы. Журналистский текст, обращенный к общественности, представляет факты как реальность и имеет печать авторского видения проблемы или редакционной политики. Рекламный текст ориентирует целевую аудиторию на приобретение товаров или услуг компании. PR-текст создает благоприятный имидж и работает с репутацией и брендом за счет выражения корпоративных ценностей и миссии путем особого отбора фактов [8].

Журналистика, реклама и PR, как отмечает М. А. Шишкина, имеют «специфическое внутреннее содержание, собственные технологии, целевые и функциональные установки» [17. С. 358].

Журналистика, опираясь на факты, создает максимально объективную картину мира. Ориентированная на широкую аудиторию, она информирует общественность, стараясь оперативно и достоверно передать сообщение аудитории. «Паблик рилейшнз» как коммуникативная практика избирательна по отношению к фактам. Преследуя цель создания положительного имиджа компании, PR-коммуникация создает события и тексты, которые направлены на формирование привлекательного образа. PR и реклама зачастую выступают вместе из-за сходства целей: создание положительного имиджа и управление им, разработка и продвижение коммерческого бренда, стимулирование продаж. Объединяет эти формы коммуникации и отсутствие негативной информации об объекте [7; 8; 10].

При изучении форм кросс-коммуникативного взаимодействия журналистики, рекламы и PR в СМИ полагаем продуктивным обращение к таким категориям, как «формат» и тип издания, которые во многом определяют формы взаимодействия журналистики, рекламы и PR.

А. А. Тертычный рассматривает тип издания как «результат отбора наиболее общих существенных признаков тех или иных изданий (СМИ), позволяющих объединить данные издания в одну типологическую группу» [12]. «Формат издания», по мысли А. А. Тертычного, представляет собой «совокупность характеристик какого-то конкретного СМИ», в рамках которого функционирует материал [12].

Показательны в аспекте кросс-коммуникативного взаимодействия журналистики, рекламы и «паблик рилейшнз» рекламно-информационные издания, направленные на коммерческую эффективность медиа. Обратимся к региональному журналу «Первый» («Первый в бизнесе и власти») с целью рассмотреть особенности взаимодействия коммуникативных практик в структуре специальных проектов издания, проанализировать особенности формата рекламно-информационного издания и его типологических характеристик как контекста реализации проекта. Рассмотрим влияние формата и редакционной политики издания на формы кросс-коммуникативного взаимодействия в специальных проектах.

Журналистика, реклама и «паблик рилейшнз» как формы коммуникации становятся основой существования рекламно-информационного издания. Обращаясь к классификационным характеристикам рекламы, Г. Г. Щепилова отмечает, что «важно не только передать информацию о товарах и услугах, как это было ранее, но и гармонично вписаться в медиапродукт, чтобы полноценно быть воспринятой аудиторией. В этом случае стираются грани между различными элементами контента», что в большей степени характерно для рекламно-информационных СМИ [18. С. 41].

Связанная с особенностями формата издания редакционная политика влияет на объем и формы представления рекламной информации в СМИ, во многом определяет особенности ее подачи. В рекламно-информационном издании находим разнообразные формы рекламы, включая специфические варианты ее представления в аспекте взаимодействия рекламы, PR и журналистики (кейс-стори, имиджевая статья, «случай из жизни», история успеха, рекламное поздравление и проч.).

Полагаем, что специальный проект представляет собой конструкцию «текст в тексте» (в терминологии Ю. М. Лотмана [11]) или особую форму метатекста — текстового единства, обладающего концептуальной и функциональной целостностью. Спецпроект рекламно-информационного издания представляет собой интересный объект для изучения взаимодействия рекламных (коммерческих), журналистских (редакционных) и PR-материалов, имеет особую структуру и содержательно-композиционную модель. В связи с тем, что издание оказывается контекстом реализации специального проекта как «текста в тексте», рассмотрим особенности формата журнала «Первый», его аудиторию и редакционную политику.

Журнал «Первый» («Первый в бизнесе и власти») — рекламно-информационное издание Самарской области, адресованное первым лицам губернии, представителям малого и среднего бизнеса, культурной и деловой элите. Журнал позиционируется как информационная площадка для диалога бизнеса и власти. Особенности издания рекламно-информационного типа определяют тематику и структуру публикуемых в журнале материалов, а также специфику подачи. Журнал «Первый» появился в 2009 г. в результате ребрендинга регионального журнала для первых лиц «Босс», основанного в 1997 г., который к тому времени существовал на региональном медиарынке более 10 лет. Журнал «Босс» (учредитель ООО «Издательский дом «Босс Пресс») до ребрендинга был ориентирован в большей степени на представителей бизнеса, причем содержал материалы не только о достижениях бизнес-элиты, но и рассказывал о частной жизни (отдых, увлечения, хобби, семья). Пилотный номер журнала «Первый» вышел в декабре 2008 г. и состоял из двух томов. На обложке первой части был изображен губернатор Самарской области, которым на тот момент был Владимир Артяков. Первый том представлял собой общественно-политическое информационное издание, в которое были включены материалы о ключевых для региона событиях. Второй том «Первый LifeStyle», от которого в дальнейшем издатели отказались, был ориентирован на B2C-аудиторию. С 2009 г. после ребрендинга журнал выходил в структуре регионального медиахолдинга с периодичностью раз в квартал и постепенно перешел на ежемесячный выход. В 2014 г. «Первый» вышел из холдинга и стал позиционироваться как «Первый в бизне-

се и власти». Рекламно-информационный по своей природе журнал занимается продвижением коммерческих брендов и идей, а также позиционируется как издание Самарской губернии, которое создает благоприятный имидж региона, региональных компаний и организаций. «Первый» не только предоставляет бизнесу и власти возможность заявить о себе, но и занимается отчасти территориальным PR-продвижением региона, что находит отражение в содержательной модели издания.

Журнал состоит из редакционного (собственно журналистского) блока и коммерческих материалов. Структура издания включает разделы «События», «Власть», «Герои», «Бизнес» («Новости бизнеса») и «Спецпроекты».

Особенности СМИ заключаются в том, что они предлагают рекламодателям доступ к аудитории. Информация является товаром и одновременно услугой. Система распространения журнала «Первый» («Первый в бизнесе и власти») — именная доставка первым лицам Самарской губернии, руководителям административных структур и предприятий, топ-менеджерам региональных и столичных компаний, представителям большого, среднего и малого бизнеса, культурной элите города. Как указано на специальной полосе журнала «Распространение», в списке адресной доставки издания Государственная Дума Федерального собрания РФ, Совет Федерации Федерального собрания РФ (самарские представители), Правительство Самарской области, Самарская губернская дума, администрации городских округов и муниципальных районов Самарской области, Торгово-промышленная палата, Общественная палата Самарской области [15]. Издание доставляется адресно руководителям крупных предприятий и организаций, от деятельности которых зависит экономическое развитие региона, в том числе представителям нефтегазовой и газовой отрасли, космической и авиационной промышленности, энергетического комплекса, банковской сферы, телекоммуникации, дорожного и жилищного строительства, автомобильного, туристического кластера, сферы образования и здравоохранения. Ежемесячный журнал распространяется также на профильных выставках и мероприятиях. Маркетологи и экономисты, рассматривая специфику целевой аудитории, которой адресовано сообщение, выделяют три формы коммуникации: B2B («бизнес для бизнеса»), B2C («бизнес

для клиента») и B2G («бизнес для правительства/власти») [1; 5]. Система распространения журнала позволяет говорить о формах B2B и B2G-коммуникации издания, что находит отражение в особенностях формата журнала и его типологических характеристиках.

Рассмотрим редакционную политику журнала «Первый», являясь рекламно-информационным журналом, направлен на формирование имиджа Самарской области как региона с высоким уровнем экономического развития и инвестиционной привлекательности, что связано с информационной политикой издания как «журнала Самарской области». Журналистский или редакционный блок номера отражает концепцию издания, ориентированного на представителей бизнеса и власти. В журнале довольно сложно найти журналистские в традиционном понимании тексты, которые не выполняют PR-функции. Блок редакционных материалов в основном номере связан с информационной картиной в регионе и имеет положительный ассоциативный фон. В большей степени это нашло отражение в итоговом новогоднем номере журнала (2015–2016 гг.), который включает обзорный материал «15 важнейших событий 2015 года». В тексте были отмечены события, имеющие стратегическое значение для региона, в том числе открытие нового аэровокзального комплекса «Курумоч», начало реконструкции исторической части города в связи с подготовкой к Чемпионату мира по футболу — 2018, победа самарского учителя истории и общественника Сергея Кочережко во всероссийском конкурсе «Учитель года». «Главным критерием выбора, — как отмечает автор материала, — стали общественный резонанс и позитивное влияние события на будущее региона» [15. С. 27].

Журнал «Первый» создает благоприятный имидж региона, освещая деятельность представителей власти, а также лидеров общественного мнения, бизнесменов и предпринимателей, что направлено в том числе и на формирование определенной коммуникативной среды. Это достигается во многом через форму специальных проектов.

В издании находим приемы актуализации имиджевой функции в текстах разных коммуникативных практик. Причем для издания характерно не только ставшее классическим взаимодействие журналистики и «паблик рилейшнз», но и рекламной и PR-коммуникации в структуре одного текста.

Механизмы кросс-коммуникативного взаимодействия в рекламно-информационном журнале «Первый» («Первый в бизнесе и власти») обусловлены типом издания и его форматом. Для рекламно-информационного журнала характерны разнообразные формы представления рекламы. Это может быть модульная имиджевая реклама на спецместах и внутри номера, текстовая реклама, поздравления руководителям компаний и организаций, юбилеям (форма PR-текста в структуре рекламно-информационного проекта), рекламные материалы в спецпроектах, в том числе на стыке коммуникативных практик, а также в форме журналистских текстов.

На уровне концепции и целеполагания специальный проект представляет собой особое тематическое или смысловое единство, которое может преследовать в силу особенностей формата издания коммерческие цели.

Проекты журнала «Первый» ориентированы на определенную целевую аудиторию, что подчеркивается включением в проект тематических материалов, в том числе с лидерами и представителями отрасли, и поздравлений. По отношению к ряду проектов «Первого» следует говорить о формах ориентированной журналистики. Проекты могут быть связаны с профессиональными праздниками («Нефть и газ», № 30, сентябрь 2012; «Строительство. Жилье», № 5 (60), июнь 2015; «Медицина. День медицинского работника», № 5 (60), июнь 2015), тематическим направлением или сферой деятельности («Здравоохранение», № 9 (64), октябрь 2015; «Образование», № 10 (65), ноябрь 2015), календарным циклом, специализированными выставками и мероприятиями («Агропром», № 10, ноябрь 2015). В издании находим также юбилейные — юбилей академика РАН Виктора Соифера (№ 5 (60), июнь 2015), социальные («Россияне») и имиджевые проекты. Специальный проект как форма подачи рекламных материалов и интеграции их в издание актуализируют имиджевую функцию у входящих в проект материалов.

Среди таких проектов отметим прежде всего совместные проекты журнала с профильными изданиями, которые в большей степени становятся имиджевыми. Проект «Строительство. Жилье» — первый совместный проект журнала «Первый в бизнесе и власти» и «Строительство. Недвижимость, Rent&Sale» [14]. Проект «Медицина. День медицинского работника» подготовлен под эгидой регионального министерства

здравоохранения Самарской области при участии журнала «Личный доктор» (информация размещена на обложке проекта). Указание на региональное министерство повышает статус спецпроекта. Рассмотрим специальный проект такого типа.

Медицинский проект включает материалы, посвященные представителям сферы здравоохранения, а также медицинским и образовательным учреждениям, имеющим стратегическое значение для региона, информацию о достижениях и инновационных технологиях. Открывает проект поздравление губернатора Самарской области Николая Меркушкина с профессиональным праздником работников здравоохранения и «визитки» участников проекта: представителей власти, руководителей и лидеров отрасли, в том числе министра здравоохранения Самарской области Геннадия Гридасова; ректора СамГМУ, академика РАН Геннадия Котельникова, президента Самарской областной фармацевтической Ассоциации Елены Гладковой (всего 20 представителей) [14]. Кроме того, у спецпроекта есть обложка, которая маркирует его границы.

В рекламно-информационном издании, каким является журнал «Первый», редакционные материалы в силу концептуальных особенностей формата СМИ испытывают влияние PR-коммуникаций и техник, что характерно в большей степени для текстов специальных проектов. Традиционно структура проекта включает коммерческие и некоммерческие материалы. Журналистские или редакционные материалы проекта становятся контекстом реализации рекламных и PR-текстов. Преобладающим элементом в системе рекламно-информационных СМИ становится рекламный или PR-компонент, на реализацию которого работают все составляющие проекта.

На сайте журнала в разделе «Спецпроекты» размещены некоторые проекты издания: «Недвижимость», «Агропром», «День медицинского работника», «70 лет Победы», «Экология», «Фестиваль», «Коттеджи», «Авто», «Культура», «Образование», «Юбилей», «Хронограф». В списке перечислены как собственно коммерческие проекты, так и тематические рекламные и редакционные рубрики, которые периодически появляются в издании («Книжки», «Коттеджи» и отчасти «Культура») [16].

Для журнала «Первый» характерно обращение к проектной технологии как способу генери-

рования содержания и структурирования номера. Полагаем, что, опираясь на признак функционирования материалов проекта и их место в структуре номера, специальные проекты издания можно разделить на следующие типы: проект-спецвыпуск, спецпроект в структуре номера, спецпроект-рубрика. Рассмотрим примеры указанных типов проектов.

Проект-спецвыпуск представляет собой отдельный номер, посвященный специальной теме или событию. Традиционно такие проекты являются имиджевыми или презентационными. Это сложный для реализации вид специального проекта с точки зрения его подготовки. Специальный выпуск может быть затратным для рекламно-информационного издания, если проект не соберет аудиторию рекламодателей или не найдет спонсора. В качестве примера приведем специальные выпуски журнала, направленные на брендинг и PR Самарской области. «Первый. Туризм» (2010) позиционирует Самарскую область как привлекательный регион для внутреннего туризма. Выпуск «Первый. Победа» (2010), приуроченный к 65-летию Победы в Великой Отечественной войне рассказывает о том, какой вклад внесла Самарская область в Великую Победу, о героях войны и знаковых для города и области культурных объектах и организациях. В этом типе проектов преобладают журналистские материалы, которые тесно взаимодействуют с PR-технологиями. Рекламные сообщения подаются в форме PR-текстов или мимикрируют под журналистский формат.

Специальный *проект-рубрика* является классическим вариантом проекта, который реализуется в нескольких номерах издания и представляет одиночный материал или реже несколько материалов номера в рамках специальной рубрики. Причем рубрика может быть рекламной (коммерческой), журналистской (редакционной) или направленной на «продвижение» человека, мнения, идеи или организации. Материалы рубрики рекламно-информационного издания могут отражать взаимодействие разных коммуникативных практик.

Проект «Хронограф» представлен в виде имиджевой рекламной рубрики, которая выходит в каждом номере журнала, начиная с мая 2015 г. Цель материалов проекта — продвижение известных мировых брендов часов на российском рынке, информирование целевой аудитории об истории и стратегии бренда. Первый материал

проекта под заглавием «Кубок адмирала» посвящен швейцарской марке *Согит* и «самой успешной линии часов» [16]. Тексты проекта апеллируют к эмоциям потенциальных потребителей, к демонстрации определенного стиля жизни, связанного с брендом, и используют метафорический стиль и приемы визуализации повествования (запоминающиеся образы, успешных людей). В этом проекте рекламный текст взаимодействует с PR-коммуникацией.

Социальный проект-рубрика «Россияне» рассказывает о народах и диаспорах (татарская, мордовская, армянская и другие) многонациональной Самарской области и направлен на знакомство с культурой и национальными традициями. По форме проект представляет серию журналистских публикаций (2012 г.). Сентябрьский номер журнала «Первый» 2012 г. посвящен армянской диаспоре. Это очерк с элементами фоторепортажа о традициях диаспоры, особенностях кухни, отношениях. Материалы рубрики имеют обязательные компоненты: интервью с руководителем или представителем диаспоры, рассказ о национальном празднике и национальном костюме, кухне, включая приготовление национального блюда, которое пробует корреспондент журнала. В материале «Аменайин барикнер, или Всего доброго» находим упоминание о взаимодействии с представителями власти: «Я должен сказать спасибо правительству Самарской области, — говорит Зограб Мирзоян, — региональному министерству культуры. Зная, как мы стараемся провести это мероприятие [праздник Вардавар. — Т. II], власти губернии идут навстречу, в помощи никогда не отказывают, всегда выделяют площадку для проведения праздника» [13. С. 101]. Проект «Россияне» может быть рассмотрен как имиджевый социальный проект, который формирует представление о Самарской области как о многонациональной поликультурной губернии и направлен на создание благоприятного информационного фона в сфере межнациональной политики.

Специальный проект в структуре номера — самый распространенный тип проектов журнала «Первый», который включает целенаправленно подготовленные редакционные и коммерческие материалы. Вариантами такого спецпроекта становятся *тематический* (посвященный какой-либо теме или направлению), *отраслевой* и *событийный проекты* (в том числе юбилейный). Этой группе проектов свойственны разнообразные формы кросс-коммуникативного взаимодей-

ствия журналистики, рекламы и PR в связи с необходимостью интегрировать разные по форме коммуникации тексты в структуре метатекстуального единства, каким становится спецпроект. Тематические проекты могут реализовываться в нескольких номерах, актуализируя разные аспекты темы или направления («Медицина», «Агропром», «Образование»).

«Агропром» представляет собой пример тематического отраслевого проекта в структуре номера. Этот проект периодически выходит в издании и раскрывает разные темы, интересные для представителей отрасли и его участников. «Агропром» появился в сентябрьском номере журнала «Первый» в 2012 г. как реакция на Послание губернатора Самарской области Николая Меркушкина, в котором было обозначено приоритетное значение сельского хозяйства для экономики региона. Проект открывает редакционный блок с лидерами общественного мнения и представителями власти: интервью министра сельского хозяйства Виктора Альтерготта о «стратегии переходного периода в агропромышленном комплексе» [13. С. 106] и программный материал, содержащий взгляд руководства региона относительно развития сектора — выдержки из Послания губернатора: «Николай Меркушкин: “АПК региона нуждается в обновлении”». В структуре проекта представлен и редакционный (журналистский) текст с элементами PR-технологий «Миллиард долларов в свинину и сою» (о партнерских отношениях с крупнейшим инвестором в сфере АПК), а также рекламные и PR-материалы, инициаторами создания которых стали представители отрасли: «Миссия — быть хлебопеком» (в селе Георгиевка возрождают исконные традиции производства), «Наша “Радна”», «Чистые пруды “Алекяна”», «Интеллектуальная техника», «Бизнес-проект высшей пробы», «Эффективный менеджмент», «Курс на модернизацию (СПК «Правда» — неизменный лидер регионального и российского агробизнеса)», «“Красава” удалась на славу». В связи с интересом к отрасли представителей власти и стратегическим значением для региона «Агропром» становится имиджевым проектом и раскрывает потенциал региональных представителей в сфере сельского хозяйства. Проект информирует о достижениях лидеров отрасли и направлен на привлечение партнеров и инвесторов, представителей бизнес-сообщества. Специальный проект становится формой B2B и B2G-коммуникации, ориентируя бизнес

на потенциальных инвесторов, а также на диалог с органами власти.

Распространенной формой материала в проекте становится имиджевая статья или интервью, «история успеха», характерные в большей мере для PR-коммуникации.

Жанр коммерческого поздравления на страницах журнала — свидетельствует о появлении пограничной гибридной формы на стыке PR и рекламы. Эта тенденция является в меньшей мере традиционной по сравнению с коммуникативными феноменами на стыке PR и журналистики. Поздравления появляются как в структуре проектов («Нефть и газ», «День медицинского работника», «Образование» и др.), так и в основном номере. Блок поздравлений может становиться особой формой проекта в структуре номера и включать наряду с разными по объему поздравительными текстами рекламные, PR и редакционные (журналистские) материалы. Это может быть поздравление с профессиональным праздником, юбилеем или каким-либо знаменательным событием в жизни адресата. В издании находим примеры поздравлений на стыке журналистики и PR. Причем поздравления в этом случае подверстываются к редакционному тематическому материалу.

Материалы в специальном проекте рекламно-информационного издания приобретают функции PR-текстов. Они ориентированы на целевую аудиторию, представляют вид оптимизированной информации, создают определенную коммуникационную среду для субъекта [7].

Концепция и стратегия позиционирования журнала «Первый» как лояльного к деятельности власти и инструмент формирования имиджа губернии как региона с сильным экономическим потенциалом раскрывается в редакционной рубрике «От редакции», которая представляет обращение руководителя проекта Олега Долгова-Лукьянова к читателям издания. Показательна в этом отношении статья, опубликованная в номере журнала (№ 11 (66)) «Я один

из тех, кто решительно поверил в перемены, происходящие в Самарской области» [15. С. 10]. Редакционный по форме текст по содержанию и функциям во многом сближается с байлайнером (от англ. by-liner) — именной или авторской статьей, представляющей официальное обращение к аудитории. «Выбор редактора» (как называется рубрика на сайте) традиционно связан с обсуждением определенной темы или события, имеющих стратегическое значения для региона, и испытывает влияние PR-технологий.

В рекламно-информационном журнале «Первый», который позиционируется как имиджевое региональное издание, находит отражение кросс-коммуникативное взаимодействие журналистики, рекламы и PR. Издание построено на принципе использования приемов разных коммуникативных практик, как в структуре специального проекта в виде совокупности текстов, так и в пределах одного текста. Проектный подход становится приоритетным для построения рекламно-информационного СМИ, что свидетельствует о попытках вписать рекламные материалы в формат имиджевого рекламно-информационного журнала и найти новые формы подачи рекламной, журналистской и PR-информации. В издании наблюдаем взаимодействие разнообразных форм PR с коммуникативными практиками рекламы и журналистики. Тенденция, на наш взгляд, свидетельствует о коммерческих механизмах явления кросс-коммуникативного взаимодействия журналистики, рекламы и PR в рекламно-информационном издании, о поисках новых форм взаимодействия с целевой аудиторией и рекламодателями.

В результате исследования были выявлены отдельные направления классификации проектов рекламно-информационного издания и особенности взаимодействия в них коммуникативных практик. Дальнейшее изучение заявленной в исследовании проблемы может идти, полагаем, по линии расширения примеров и доказательной базы.

Список литературы

1. Авраменко, С. А. Рынок B2G: сущность и статистический анализ / С. А. Авраменко, В. Д. Секе-рин // Изв. Моск. гос. машиностроител. ун-та «МАМИ». — 2013. — Т. 1, № 4 (18). — С. 134–141.
2. Горчева, А. Ю. Политический менеджмент постсоветской России / А. Ю. Горчева. — М., 2003. — 192 с.
3. Короченский, А. П. Гибридизация журналистики и пиара (пиарналистика): признаки и когнитивные эффекты / А. П. Короченский // Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, соци-

- альной практики и образования : сб. науч. работ I междунар. науч.-практ. конф. — Белгород, 2014. — С. 63–67. — URL: http://dspace.bsu.edu.ru/bitstream/123456789/8657/1/Korochenskiy_Gibridizatsiya_14.pdf.
4. Короченский, А. П. Редукция когнитивной функции журналистики под влиянием коммерческих коммуникационных медиастратегий / А. П. Короченский // Медийные стратегии современного мира. — Краснодар, 2008. — С. 34–37.
5. Котлер, Ф. Бренд-менеджмент в B2B-сфере / Ф. Котлер, В. Пфферч. — М., 2007. — 432 с.
6. Кравченко, Н. П. Реализация новых функций журналистики в государственных СМИ / Н. П. Кравченко // Вестн. Адыгейс. ун-та. Сер. 2: Филология и искусствоведение. — 2010. — № 3. — С. 70–75.
7. Кривоносов, А. Д. PR-текст в системе публичных коммуникаций / А. Д. Кривоносов. — СПб., 2001. — 254 с.
8. Кривоносов, А. Д. Жанры PR-текста / А. Д. Кривоносов. — СПб., 2001. — 135 с.
9. Лободенко, Л. К. Концептуальная модель регионального интернет-СМИ: кросс-коммуникативные аспекты : дис. ... д-ра филол. наук / Л. К. Лободенко. — М., 2015. — 457 с.
10. Лободенко, Л. К. Функциональный подход к взаимодействию журналистики, рекламы и PR / Л. К. Лободенко // Гуманитар. вектор. Сер. Филология, востоковедение. — 2013. — № 4 (36). — С. 170–175.
11. Лотман, Ю. М. Об искусстве: Структура художественного текста. Семиотика, кино и киноэстетика / Ю. М. Лотман. — СПб., 1998. — 702 с.
12. Межкафедральный семинар «Динамика жанров и форматов» // Медиаскоп. Электронный научный журнал факультета журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова. — URL: <http://www.mediascope.ru/taxonomy/term/221>.
13. Первый: журнал Самарской губернии. — 2012. — № 30. — 140 с.
14. Первый в бизнесе и власти: журнал Самарской области. — 2015. — № 5 (60). — 148 с.
15. Первый в бизнесе и власти: журнал Самарской области. — 2015–2016. — № 11 (66). — 164 с.
16. Сайт журнала «Первый в бизнесе и власти»: журнал Самарской области. — URL: www.firstsamara.ru.
17. Шишкина, М. А. Паблик рилейшнз в системе социального управления / М. А. Шишкина. — СПб., 2002. — 444 с.
18. Щепилова, Г. Г. Системно-функциональная трансформация рекламы в средствах массовой информации : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Г. Г. Щепилова. — М., 2011. — 52 с.

Сведения об авторе

Парамонова Татьяна Александровна — кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики, Поволжская государственная социально-гуманитарная академия. Самара, Россия. mediatext63@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2017. No. 3 (399). *Philology Sciences. Iss. 105. Pp. 82–90.*

CROSS-COMMUNICATIVE INTERACTION OF JOURNALISM, ADVERTISING AND PR IN PROMOTIONAL MEDIA (BASED ON THE MATERIAL OF THE SPECIAL PROJECTS OF “PERVIY” (“FIRST”) MAGAZINE)

T. A. Paramonova

Povolzhskaya State Academy of Social Sciences and Humanities, Samara, Russia. mediatext63@yandex.ru

A modern communication model assumes a specific correlation of journalism, advertising and PR in the structure of a publication, which is reflected in nature and typological features of mass media. The prime example in this respect can be the promotional editions, which, along with journalistic texts and traditional advertisement forms, utilize embedded advertising in editorial texts format and PR-materials. Types of communicative practices interaction in publisher's special projects are analyzed in this article. The special project is treated as a “text within the text” or “metatext” — a conceptual text and communication integrity, where cross-communicative tendencies are made actual. Special project-heading, special project issue and topic projects of “Perviy” (“First”) magazine (“Perviy v biznese i vlasti”) (“First in business and power”) are analyzed in the aspects of the targeted problem. In the mentioned publication, the special project turns to B2B and B2G-communication form, updating image-building function, where we observe versions of

cross-communicative text phenomena: interaction of journalism, advertising and PR either in a set of texts and in a particular material.

Keywords: *cross-communicativeness, advertising text, media content, PR-texts, special project, print media, promotional media, B2B, B2G-communication.*

References

1. Avramenko S.A, Sekerin V.D. Rynok B2G: sushchnost' i statisticheskij analiz [B2G market: reality and statistical analysis]. *Izvestiya moskovskogo gosudarstvennogo mashinostroitel'nogo universiteta «MAMI»* [News of Moscow State Machine-Building University "MAMI"], 2013, no. 4(18), vol. 1, pp. 134–141. (In Russ.).
2. Gorcheva A.Y. *Politicheskij menedzhment postsovetskoy Rossii* [Political management of post-Soviet Russia]. Moscow, 2003. 192 p. (In Russ.).
3. Korochenskiy A. P. Gibridizatsiya zhurnalistiki i piara (piarnalistika): priznaki i kognitivnye efekty [Hybridization of journalism and PR (PRnalism): signs and cognitive effects]. *Diskurs sovremennyh mass-media v perspektive teorii, sotsial'noj praktiki i obrazovaniya* [Discourse of modern mass media in sight of theory, social practice and education]. Belgorod, 2014. Pp. 63–67. Available at: http://dspace.bsu.edu.ru/bitstream/123456789/8657/1/Korochenskiy_GibriidiGibriidi_14.pdf, accessed 22.12.2015. (In Russ.).
4. Korochenskiy A.P. Reduktsiya kognitivnoj funktsii zhurnalistiki pod vliyaniem kommercheskikh kommunikatsionnykh mediastratelij [Reduction of cognitive function of journalism under the influence of commercial communication media strategies]. *Medijnye strategii sovremennogo mira* [Media strategies of the modern world]. Krasnodar, 2008. Pp. 34–37. (In Russ.).
5. Kotler F., Pferch V. *Brend-menedzhment v B2B-sfere* [Brand Management in B2B sphere]. Moscow, 2007. 432 p. (In Russ.).
6. Kravchenko N.P. Realizatsiya novykh funktsij zhurnalistiki v gosudarstvennykh SMI [Realization of new functions of journalism in the state mass media]. *Vestnik Adygejskogo universiteta. Seriya 2, Filologija i iskusstvovedenie* [Bulletin of the Adyghe University. Series 2, Philology and Art History], 2010, no. 3, pp. 70–75. (In Russ.).
7. Krivonosov A.D. *PR-tekst v sisteme publichnykh kommunikacij* [PR-text in public communications]. Saint Petersburg, 2001. 254 p. (In Russ.).
8. Krivonosov A.D. *Zhanry PR-teksta* [Genres of PR-texts]. Saint Petersburg, 2001. 135 p. (In Russ.).
9. Lobodenko L.K. *Kontseptual'naya model' regional'nogo internet-SMI: kross-kommunikativnye aspekty* [Conceptual model of the regional Internet mass media: cross-communicative aspects]. Moscow, 2015. 457 p. (In Russ.).
10. Lobodenko L.K. Funktsional'nyj podhod k vzaimodejstviyu zhurnalistiki, reklamy i PR [Functional approach to interaction of journalism, advertising and PR]. *Gumanitarnyj vektor. Seriya "Filologija, vostokovedenie"* [Humanitarian vector. Series "Philology, Oriental Studies"], 2013, no. 4 (36), pp. 170–175. (In Russ.).
11. Lotman Y.M. *Ob iskusstve: Struktura khudozhestvennogo teksta. Semiotika, kino i kinoestetika* [About Art. Structure of literary text. Semiotics, cinema and cinemaaesthetics]. Saint Petersburg, 1998. 702 p. (In Russ.).
12. Mezhekafedral'nyj seminar «Dinamika zhanrov i formatov» [Interdepartmental Seminar "Evolution of genres and formats"]. *Mediaskop. Elektronnyj nauchnyj zhurnal fakul'teta zhurnalistiki MGU im. M. V. Lomonosova* [Mediaskop. Electronic Scientific Journal of the Department of Journalism of Lomonosov MSU]. Available at: <http://www.mediascope.ru/taxonomy/term/221>, accessed 28.12.2015. (In Russ.).
13. *Pervyj: zhurnal Samarskoj gubernii* [First: magazine of Samara Guberniya], 2012, no. 30. 140 p. (In Russ.).
14. *Pervyj v biznese i vlasti: zhurnal Samarskoj oblasti* [First in business and power: magazine of Samara Guberniy], 2015, no. 5 (60). 148 p. (In Russ.).
15. *Pervyj v biznese i vlasti: zhurnal Samarskoj oblasti* [First in business and power: magazine of Samara Guberniy], 2015–2016, no. 11 (66). 164 p. (In Russ.).
16. *Sajt zhurnala "Pervyj v biznese i vlasti": zhurnal Samarskoj oblasti* [Web-site of magazine "First in business and power": magazine of Samara Guberniy]. Available at: www.firstsamara.ru, accessed 28.12.2015. (In Russ.).
17. Shishkina M.A. *Pablik rilejshnz v sisteme sotsial'nogo upravleniya* [Public relations in the social management system]. Saint Petersburg, 2002. 444 p. (In Russ.).
18. Shchepilova G.G. *Sistemno-funktsional'naya transformatsiya reklamy v sredstvakh massovoj informatsii* [System and functional transformation of advertising in mass media]. Moscow, 2011. 52 p. (In Russ.).

УДК 81'1(091)
ББК Ш105.552

ЛЕКСИКА ГОРНОЗАВОДСКОГО ПРОИЗВОДСТВА КАК РЕПРЕЗЕНТАНТ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

А. В. Петрухина

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия.

Статья посвящена проблеме изучения языковой личности уральского заводчика Н. А. Демидова (1725–1786) в лексическом аспекте. Представлено описание тематических групп, относящихся к сфере металлургии и металлообработки. Дана характеристика языковой личности заводовладельца через призму употребления лексики горнозаводского производства. Установлено, что лексика горного дела сочетается с оценочной лексикой и словами, выражающими модальность необходимости, желательности.

Ключевые слова: *историческая языковая личность, эпистолярный текст, горнозаводская терминология, тематическая группа.*

Антропоцентрический подход к изучению языка является актуальным направлением современной лингвистики. В последнее время историки языка большое внимание уделяют исследованию языковой личности персонажей ушедших исторических эпох: заводчика А. Н. Демидова [6; 7], царя Алексея Михайловича [11], историка, филолога и археографа К. Ф. Калайдовича [8], купца И. С. Щеголихина [9], енисейского губернатора А. П. Степанова [1]. Интерес к исторической языковой личности вызван стремлением современных исследователей не только глубже понять отдельные исторические факты, события, участниками которых были конкретные лица, но и воссоздать целостный образ человека определенной эпохи, проследить динамику развития языка.

В настоящее время реконструкция языковой личности прошлого базируется на описании лексических и грамматических особенностей текстов, анализе речевых компетенций адресанта, изучении лингвокогнитивного и прагматического уровней. Материалом для изучения исторической языковой личности являются как художественные, так и эпистолярные тексты делового и личного характера. В них отражена специфика языка эпохи, в которой жил и творил тот или иной исторический деятель политики, науки, искусства. Под исторической языковой личностью мы понимаем выдающуюся в какой-либо отрасли знания личность, реконструкция которой возможна на основе анализа текстов, созданных ею.

Объектом данного исследования является языковая личность уральского заводовладельца Никиты Акинфиевича Демидова — пред-

ставителя третьего поколения знаменитого рода Демидовых. Он был младшим сыном в семье Акинфия Никитича, с детства находился при отце и старался познать горнозаводское дело. Из него получился предприимчивый завододелец. Получив нижнетагильскую часть наследства, состоящую из шести заводов, он построил еще три: Нижнесалдинский, Висимоуткинский, Верхнесалдинский [5].

Источником для исследования послужили неопубликованные частно-деловые письма (1774–1777 гг.) Н. А. Демидова, предоставленные в наше распоряжение директором Демидовского института (г. Екатеринбург), доктором исторических наук А. С. Черкасовой. Адресат писем обобщенный — Нижнетагильская заводская контора. Лингвистическая ценность эпистолярных текстов Н. А. Демидова состоит в отражении языковой ситуации XVIII в. — эпохи формирования норм русского литературного языка, в возможности реконструировать речевой портрет говорящего/пишущего, определить языковые предпочтения автора.

Полуофициальные письма посвящены, во-первых, горнозаводскому производству и организации процессов, связанных с транспортировкой заводской продукции и ее продажей; во-вторых, решению социальных, бытовых и организационных вопросов (определение жалования работным людям, постройка домов для крестьян, выборы приказчиков и служителей). В 204 анализируемых нами письмах представлены специальные номинации, охватывающие разные сферы деятельности: металлургия и металлообработка,

строительство церквей, заводов, художественное мастерство. Предметом нашего анализа являются лексические единицы, относящиеся к сфере металлургии и металлообработки (зафиксированы в 94 письмах). В процентном отношении они составляют 10 % от общего количества слов в лексиконе Н. А. Демидова.

Горнозаводская терминология Уральских и Олонецких заводов представлена в кандидатских диссертациях Е. И. Головановой [3] и Т. М. Юдиной [13]. Описание специальной лексики на материале деловых писем заводчиков Демидовых (Акинфия Никитича — отца Н. А. Демидова, Никиты Никитича) находим в работах Н. В. Глухих [2] и Е. Н. Ивановой [6].

В письмах Н. А. Демидова представлены следующие тематические группы горнозаводской терминологии: 1) характеристика железа по сорту и качеству; 2) названия процессов и действий горнозаводского производства; 3) средства производства; 4) продукты производства; 5) наименования лиц, участвующих в процессе горнозаводского производства; 6) вспомогательные процессы производства; 7) средства транспортировки продукции; 8) названия единиц измерения, мер емкости; 9) документы, фиксирующие количество сделанного и проданного железа. При анализе тематических групп важно учитывать: 1) частотность употребления лексических единиц, так как это позволит определить языковые предпочтения пишущего; 2) сочетаемость с другими словами.

Ядро горнозаводской терминологии представляют 1–5 тематические группы (далее ТГ), непосредственно относящиеся к металлургическому производству. Первую ТГ составляют названия основного продукта производства — железа, характеризующегося по сорту, качеству (доброте, чистоте), форме и размеру (34 единицы). Родовое понятие *железо* зафиксировано в 89 письмах 209 раз. Наименования сортов железа обозначены специальными прилагательными, обозначающими способ производства (*луженое, плющиленное, наплющельное, резное, связное, черное*), форму (*листовое, полосное обыкновенное (ординарное), сортовое, четверогранное, осмигранное, дощатое, веретенное, круглое, четвероугольное*), размер (*трехчетвертное, межеумочное, аршинное*), предназначение (*колесное, подковное, шинное, колотушечное, лапное, обручное*) железа. Данная классификация сортов железа носит условный характер, так как большинство видовых компонентов в лингвистических и технических словарях

не зафиксировано. Качество железа передается одиночными прилагательными (*тонкое (похожее на жесть), мягкое, правленое и неправленое*), словосочетаниями с типом связи «управление» (*прохождение горячего железа, не могло наводить плену, угар и доброта железа*), предложениями (*чтоб оно было ровно и чисто, исправное в доброте и мягкости*).

Номинации данной группы представлены двухкомпонентными (родовой + видовой компонент: *луженое железо, плющиленное железо*) и трехкомпонентными словосочетаниями (родовой + 2 видовых компонента: *полосное ординарное железо, черное листовое железо*). В письмах встречаются также наименования без родового компонента: *«отъпуститъ к`ним в`будущемъ моемъ караване а`имянно служителъ Филипъ Рябовъ полоснаго обыкновеннаго до двенатцати тысячъ веретеннаго до ста пятидесяти топоровыхъ ручекъ сто пятьдесятъ же резнаго или подковнаго до дву сотъ листоваго чернаго аршиннаго трехчетвертнаго и`межеумочнаго всехъ трехъ сортовъ до`ста»* (14 декабря 1776 г.).

Вторая ТГ «Название процессов и действий горнозаводского производства» является многочисленной, так как в ней представлены основные технологические процессы, связанные с выпуском металлов, обработкой руды, чугуна, стали (54 единицы): *каление — каленый — калиться — перекалка — перекалить, лужение — вылужено — налужено — лудить, плющение (валами) — плющиленные (валы) — проплющение — наплющить, растапливание (стали), лить — литье — литые (припасы) — долить (снаряды) — вылитие — выливаемый — выливать / вылить (чугунные фонтанные трубы) — отлить / отлит — отливка (снарядов, труб) — отливание, калибрование, (железо) гнулось, пропуск — пропускать (железо) — пропускание (железа) — пропускаемое (железо), разрезка (железа) — разрезное (железо), (валы) обварить укладом, обточивание (валиков) — обточка (колес), точение (валов) — выточение (ступиц), раздвижка (валов), (на валах) прорезы привести, трение, обрезать (железо за сединами), закаливание — закалка, проварность (железа), свинчивание (четверсторонних головок и винтов), (гайки) навертывать, фурмоваться — фурмованье, выдута (домна), сожжение (угля, чугуна), выплавка — выплавлен (чугун), переплавить (руду), завинтовать (концы спиц), пробить (обоюдную полосу), сваривать (обод с натяжною скобою)*. Как видим, данная груп-

па состоит в основном из глаголов, глагольных форм и отглагольных существительных, образующих словообразовательные цепочки: *пропуск* — *пропускать* — *пропускание* / *пропускаемое*, *плющение* — *проплющение*, *лить* — *литые* — *литье*, *лить* — *вылить* — *вылитие*, *лить* — *вылить* — *выливать* — *выливаемый*, *лить* — *отлить* — *отливать* — *отливание*.

Следует отметить, что номинации действий и процессов могут быть представлены дублетными формами: *закаливание* — *закалка* (стали), *отливание* — *отливка* (снарядов), *обточивание* (валиков) — *обточка*. В тексте писем они взаимозаменяемы: «а`особливо в`закаливании [в закалке. — А. П.] и`растопливании стали зделать апробацію не`будет`ли в`самом` деле оная **закалка** [закаливание. — А. П.] полезна, и`что окажетца ко`мне отрепортовать» (25 июня 1774 г.); «А`какъ к`отливке [отливаню. — А. П.] техъ труб фурмоватца будетъ деревянными фурмами которые от`глины или песку могутъ отсыреть а`от`того и`в`отливке [отливании. — А. П.] неравные трубы выходить стануть, что непременно предъостеречь, а`особливо признаю к`тому фурмованью способнымъ Тимофея Сизова, которому то **отливание** [отливку. — А. П.] и`поручить придавъ ему способныхъ людей надобное число» (24 ноября 1776 г.). В «Словаре русского языка XVIII века» зафиксировано слово *закал*, *закалка* — «придание прочности металлу путем закаливания» [12]. Словарные статьи отглагольных существительных *отливание*, *отливка* в этом же словаре отсутствуют. Слово «отливка» встречается в словарной статье глагола совершенного вида *отлить* во втором значении: «Изготавливать литьем, отливкой в форму» [12]. Таким образом, данные пары существительных являются синонимичными.

К ТГ «Средства производства» мы отнесли наименования орудий труда, сырья и материала, необходимого для выплавки металлов (43 единицы): *доменный горн*, *наковальня*, *меха с железными соплами*, *катальные и чугунные молоты*, *машина (для изготовления железа)* — *резная машина*, *пазник*, *долото*, *молоток*, *печка*, *станок*, *валы (валики) плющеные*, *задние и передние валы*, *фальц*, *шестерня*, *зубцы*, *деревянные фурмы*, *пазник*, *деревянная (каменная) свинка*; *(куренные) дрова*, *железо*, *олово*, *сталь*, *горючая сера*, *подрудок*, *уголь*; *железная*, *медная руда (для выплавки чугуна)*; *десятичная и трехчастная*, *стрельчастная медь*; *конопать*, *разрезные прутья*, *глина*, *песок*, *рудные штуфы*, *горновой камень*,

дикий камень, *малакит*, *галмей*, *хрустальные друзы*, *листовой свинец*, *магнит*, *машинная жидкая мазь*, *смола сосновая самоочищая*, *деготь*, *уголь*, *чугун*. В работе Б. А. Рыбакова «Ремесло Древней Руси» представлены в качестве кузнечных инструментов *наковальня*, *молот*, *молоток*. Принадлежностью кузницы является *горн*, «в нем производилось накаливание железа перед ковкой <...> *меха* служили для усиления горения угля в горне» [10]. Перечисленные наименования средств производства являются общеспециальными, то есть употребляются как в металлургии, так и в других сферах производства, в частности, в кузнечном деле.

В письме от 27 января 1776 г. Н. А. Демидов делает примечания относительно изготовления новой модели резной машины, придуманной мастером Жепинским: «<...> с`получением сего постаратца оной канторе по`той моделѢ и`настоящую машину в`пристойномъ месте зделать, толко кажетца **надобно чтобъ задние валы были передних несколько потолще**, для того что **пропускаемое железо** в`проходе чрезъ передние валы до`заднихъ от`плющения в`длину прибываетъ когда`ж валы будутъ равны то прибылой препорцыи, и`некуда деватца, какъ надобно чтобъ **пропускаемое железо гнулось** следственно передние валы и`должны к`заднимъ подавать железо силою, а`не`равное иметь течение, сколко`жъ та разность должна быть велика, то лутче можно видеть на`практике, толко`бъ сие примечание не`было упущено, **валы`же те прочности ради обварить вокруг укладомъ, и`точениемъ в`окуратность привести**, а`притом примечать не`упущено`жъ было для разныхъ сортовъ по`раздвижке валовъ у`шестерень в`запасъ зубцы`бъ были подлиннѢ, а`оные шестерн[и] болѢ следуютъ, какъ и`по`моделе значить нехудо, дабы одной шестерне, быть железной, а`другой с`небольшою запрудою цельной медной, что чаятельно и`в`ходовыхъ плавныхъ переворотахъ способнѢ будетъ, да`и`не`такъ упруго одно другога от`трения съедать можетъ...».

В данном фрагменте письма представлена лексика двух ТГ «Название процессов и действий горнозаводского производства» (*плющение*, *железо гнулось*, *обварить укладом*, *точением в аккуратность привести*), «Средства производства» (*валы*, *шестерни*, *зубцы*). Лексика перечисленных ТГ сопровождается оценкой, выраженной сравнительной степенью прилагательного или наречия:

лучше можно видеть на практике, ушестерень в запасе зубцы б были **подлиннѣ**, шестерн[и] болѣе следуютъ, какъ и по модели значитъ **нехудо**, **способнѣ** будетъ. Неуверенность говорящего передается вводными словами *кажется*, *чаятельно*, она обусловлена дистанцированным характером общения: заводчик, основываясь на своих знаниях, только предполагает, что может принести пользу его делу. Модальность необходимости и долженствования, являющаяся составной частью делового эпистолярия, выражена в данном отрывке словами *надобно* (2 употребления) и *должен* (*передние валы и должны к заднимъ подавать железо силою, а не равное иметь течение, сколько жъ та разность должна быть велика*). Модальность желательности «смягчает» категоричность волеизъявления, представлена формами сослагательного наклонения (*только б сие примечание не было упущено, у шестерен в запасе зубцы б были подлиннее*), союзом *чтоб* (*надобно чтобъ задние валы были передних несколько потолще; надобно чтобъ пропускаемое железо гнулось*). Таким образом, Н. А. Демидов проявил себя как человек, который хорошо знает горнозаводское производство и ценит в своих работниках прежде всего знание, профессионализм, мастерство.

Значительна ТГ «Продукты производства» (38 единиц). К ним относятся названия:

– оружия и припасов к нему (*пушки, фузеи = ружья, пистолеты, военные снаряды, заряды, лафет (для пушек), сабли, винтовочный цволик с ложкою, мелкопульная винтовочка*);

– слесарных и плотничных поделок (*струга, якоря, топорища, рог медной, итыки, железные каретные и одноколошные колеса, оси (к колесам), ступица, спица, обод с натяжною скобою, медная и оловянная посуда, котел железный (пивоварный), мельничные веретена, углевозный короб, наконечники (к фонтанным трубам), наливательные воронки (в фонтанные трубы), чугунные гири двупудовые*);

– чугунных и железных инструментов (*каленные косы, гвозди, железные винты, слесарные тиски, гайки, ключи, молот, ладони («часть механизма, инструмента»), железные лопатки, топоры плотничные, трубы*). Лексика данной группы представлена одиночными существительными или существительными, сочетающимися с прилагательными, например, родовой компонент *труба* имеет при себе следующие видовые конкретизаторы: *чугунные фонтанные трубы, прями-*

мые трубы, косые фонтанные трубы, четверть цыркульные трубы, трубы с отводками.

Слова данной ТГ имеют оценку качества сделанной продукции: *«Наделанныя в бытность ШталмБера ево каленныя косы когда оказывающа негодны и мяжки, и коштъ употребленои на то потерянь; такъ что и в продажу бѣс перекалки ни почему не идутъ. По получении сего Жепинскому приказать ихъ перекалить...»* (13 января 1774 г.); *«да для здешняго московскаго и в подмосковных деревнях моих домовъ ко исправлению землянных работъ, самых хорошихъ железных лопатокъ у коихъ бы трубки были гараздо не уски и не коротки...»* (25 ноября 1777 г.).

Следующая группа «Наименования лиц, участвующих в процессе горнозаводского производства» (32 единицы) встречается не только в письмах, посвященных производственной тематике, но и в письмах, отражающих бытовые (например, о выплате штрафов в случае частого посещения кабаков) и организационные вопросы (например, о назначении жалования служащим), поэтому данные лексические единицы характеризуются частотностью употребления. В нашей картотеке представлены следующие профессиональные номинации: *оборбергмейстер, гитенфорвалтер, расходчик, приказчик, экспедитор, караванный приказчик, караванный служитель, нарочной служитель, водолив, дегтярный поставщик, дровосек, рудотолк, рудотаскальщик, доменные угленосы и засыпки, молотовый мастер, якорный мастер, старший мастер, слесарь, слесарный ученик, слесарный подмастерье, возчик, извозчик, надзиратель, молотовый смотритель, наемщик, поставщик, кузнец, горный офицер, наемный работник, плотинный, плотник*. Анализ наименований, включающих родовые обозначения *мастер, подмастерье, ученик, работник, надзиратель, служитель*, представлен в монографии Е. И. Головановой «Категория профессионального деятеля» [4].

Перечисленные терминологические единицы в основном являются исконно русскими по происхождению. Однословные наименования построены по продуктивным словообразовательным моделям «сущ. + суффикс -ник» (*расходчик, приказчик, работник, плотник*), «глагол (сущ.) + суффикс -щик» (*возчик, извозчик, наемщик*). Способом сложения образованы следующие номинации: *водолив, дровосек, рудотолк, рудотаскальщик, доменные угленосы*. Общее наиме-

нование людей, проживающих и работающих на заводах, представлено такими сочетаниями, как *заводские жители, заводские служители, мастеровые и работные люди, домовые люди*. В письмах встречаются усеченные формы данных единиц: *работные люди* — *работные, караванные приказчики* — *караванные, нарочный служитель* — *нарочный*. Анализ списка наименований лиц по профессии показывает, что доля иноязычных терминов в письмах Н. А. Демидова невелика (всего 4 единицы): *оборбергмейстер* (нем.), *гитенфорвалтер* (нем.), *экспедитор* (голл.), *горный офицер* (нем.).

Периферию горнозаводской терминологии представляют ТГ 6–9. К ТГ «Вспомогательные процессы производства» относятся заготовка древесного угля и других материалов, необходимых для выплавки металлов (*рубка (вырубка) куренных дров, вырубается лесу, добыча (руды), добывается горновой камень*), строительство заводов, судов (*строение судов, конопачены струга, колочены гвозди*), транспортировка продукции (*сплавливать струговые припасы, выкладка в стругу груза, складка железа, перевеска железа, поставка — отставка снарядов способным путем*), изготовление, починка предметов, машин (*плетение углевозных коробов, вычинить и привести в состояние оружие*).

Немногочисленными являются группы «Средства транспортировки продукции» (*снастное судно, наемная подводка, лодка, струг, коломенка*); «Название единиц измерения, мер емкости» (*пуд, фунт, аршин, сажень, вершки, короб*); «Документы, фиксирующие количество сделанного и проданного железа» (*накладная; перевесочные, отвесные, приемные тетради; отдаточные, шнуровые, накладные книги; экстракт,*

рапорт, третные ведомости, седмичные репортисии, контракт).

В результате анализа горнозаводской лексики удалось определить круг слов (названия сортов железа), которые не зафиксированы в этимологических, исторических словарях и требуют дальнейшего исследования. Концентрация, плотность употребления лексики горнозаводского производства в эпистолярных текстах заводчика значительна (в 94 письмах 239 единиц), что характеризует Никиту Акинфиевича как человека, который хорошо знает основные и вспомогательные процессы производства. Количественные показатели специальных номинаций в дискурсе Н. А. Демидова свидетельствуют о том, что для языковой личности Н. А. Демидова релевантно то, что связано с производством железа, выплавкой металлов и обработкой руды (доминирует ТГ–2). По структуре горнозаводская терминология представлена, как правило, однословными (*ладонь, железо, долото, олово, приказчик*) и двусловными единицами (*четвероугольная скважина, фонтанные трубы, якорная фабрика, молотовый смотритель*). Сочетаемость специальной лексики со словами, обозначающими оценку и модальность необходимости/желательности (в зависимости от степени категоричности волеизъявления), показывает, что заводчик тщательно контролировал процесс производства железа, следил за качеством продукции. Будучи удален во времени и пространстве от непосредственного управления заводами, Н. А. Демидов опосредованно (через письменный текст) принимал участие в производственном процессе: давал советы, рекомендации по улучшению работы заводов.

Список литературы

1. Бурмакина, Н. А. Языковая личность первого губернатора Енисейской губернии. Лингвокогнитивные и прагматические проблемы лингвоперсонологии / Н. А. Бурмакина. — Красноярск, 2013. — 390 с.
2. Глухих, Н. В. Переписка заводчиков Демидовых с приказчиками конца XVIII — начала XIX в.: историко-лингвистический аспект / Н. В. Глухих. — Челябинск, 2006. — 160 с.
3. Голованова, Е. И. Становление уральской горнозаводской терминологии в XVIII — начале XIX в.: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. И. Голованова. — Челябинск, 1995. — 20 с.
4. Голованова, Е. И. Категория профессионального деятеля: Формирование. Развитие. Статус в языке / Е. И. Голованова. — М., 2008. — 304 с.
5. Журнал путешествия Никиты Акинфиевича Демидова. — Екатеринбург, 2005. — 256 с.
6. Иванова, Е. Н. Языковая личность в условиях формирования норм русского литературного языка (первая половина XVIII века). На материале писем и распоряжений А. Н. Демидова : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. Н. Иванова. — Екатеринбург, 2008. — 18 с.

7. Иванова, Е. Н. К проблеме реконструкции лексикона исторической языковой личности / Е. Н. Иванова // Урал. филолог. вестн. Психолингвистика в образовании. — 2012. — № 5. — С. 35–41.
8. Калиновская, В. Н. Лексические особенности писем К. Ф. Калайдовича как отражение языковой ситуации эпохи (к характеристике языковой личности первой трети XIX века) / В. Н. Калиновская // Слово и текст в культурном сознании эпохи. — Вологда, 2011. — С. 44–50.
9. Логунова, Н. В. Портрет исторической языковой личности купца И. С. Щеголихина (на материале эпистолярных текстов начала XX века) / Н. В. Логунова, Л. Л. Мазитова // Слово и текст в свете современных исследований филологических наук. — Н. Новгород, 2016. — С. 94–101.
10. Рыбаков, Б. А. Ремесло Древней Руси / Б. А. Рыбаков. — М., 1948. — 792 с.
11. Рыбников, Е. Е. Языковая репрезентация личности в эпистолярной традиции переходного времени (на материале официальных писем царя Алексея Михайловича) / Е. Е. Рыбников, А. В. Шунков // Мир науки, культуры, образования. — 2014. — № 5. — С. 136–141.
12. Словарь русского языка XVIII века. — СПб., 1984–2011. — Вып. 1–19.
13. Юдина, Т. М. Горнозаводская терминология Северо-Западной Руси (на материале деловой письменности Олонецких заводов конца XVII — начала XVIII вв.) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т. М. Юдина. — Вологда, 1996. — 18 с.

Сведения об авторе

Петрухина Анастасия Владимировна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка, Тюменский государственный университет. Тюмень, Россия. kosivets@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2017. No. 3 (399). *Philology Sciences. Iss. 105. Pp. 91–97.*

THE LEXICON OF MINING INDUSTRY AS REPRESENTANT OF THE HISTORIC LANGUAGE PERSONALITY

A. V. Petrukhina

Tyumen State University, Tyumen, Russia. kosivets@mai.ru

The article is devoted to a problem of studying of the language personality of the Ural industrialist Nikita Akinfevich Demidov (1725–1786) in lexical aspect. The study is based on material of epistolary texts of the factory-owner. The structural and semantic features of thematic groups, relating to the sphere of metallurgy and metal working, are described in this research, the dominating thematic groups in N. A. Demidov's discourse are revealed.

It is established that lexicon of mining industry is combined with the estimative lexicon and words expressing a modality of need, desirability. The characteristic of the language personality the owner of plants through a prism of the use the lexicon of mining industry is given. The results of the research allowed to fill up, first, dictionary fund of the Ural mining terminology, secondly, to define, how well N. A. Demidov knew process of mining industry and how participated in him.

Keywords: *historic language personality, epistolary text, mining terminology, thematic group.*

References

1. Burmakina N.A. *Yazykovaya lichnost pervogo gubernatora Eniseyskoy gubernii. Lingvokognitivnyye i pragmaticheskiye problemy lingvopersonologii* [The language personality of the first governor of the Yenisei province. Lingvokognitivnye and pragmatic problems lingvopersonologii]. Krasnoyarsk, 2013. 390 p. (In Russ.).
2. Glukhikh N.V. *Perepiska zavodchikov Demidovykh s prikazchikami kontsa XVIII — nachala XIX v.: istoriko-lingvisticheskiy aspekt* [Correspondence of factory owners of Demidovs with salesmen of the end XVIII — the beginnings XIX centuries: Historical and linguistic aspect]. Chelyabinsk, 2006. 160 p. (In Russ.).
3. Golovanova E.I. *Stanovleniye uralskoy gornozavodskoy terminologii v XVIII — nachale XIX v.* [The formation of the Ural metallurgical terminology in the XVIII — the beginning of XIX centuries]. Chelyabinsk, 1995. 20 p. (In Russ.).

4. Golovanova E.I. *Kategoriya professionalnogo deyatelya: Formirovaniye. Razvitiye. Status v yazyke* [Category of the professional personality: Formation. Development. The status in language]. Moscow, 2008. 304 p. (In Russ.).
5. *Zhurnal puteshestviya Nikity Akinfiyevicha Demidova* [Magazine of a travel of Nikita Akinfiyevich Demidov]. Yekaterinburg, 2005. 256 p. (In Russ.).
6. Ivanova E.N. *Yazykovaya lichnost v usloviyah formirovaniya norm russkogo literaturnogo yazyka (perвая polovina XVIII veka). Na materiale pisem i rasporyazheniy A.N. Demidova* [The language personality in the conditions of formation of standards of the Russian literary language (the first half of the 18th century). On material of letters and A.N. Demidov's orders]. Yekaterinburg, 2008. 18 p. (In Russ.).
7. Ivanova E.N. K probleme rekonstrukcii leksikona istoricheskoy yazykovoy lichnosti [To a problem of reconstruction of a lexicon of the historical language personality]. *Uralskiy filologicheskiy vestnik. Psiholingvistika v obrazovanii* [Ural philological bulletin. Psycholinguistics in education], 2012, no. 5, pp. 35–41. (In Russ.).
8. Kalinovskaya V.N. *Leksicheskie osobennosti pisem K.F. Kalaydovicha kak otrazhenie yazykovoy situacii epohi (k harakteristike yazykovoy lichnosti pervoy treti XIX veka)* [Lexical features of letters of K.F. Kalaydovich as reflection of a language situation of an era (to the characteristic of the language identity of the first third of the 19th century)]. *Slovo i tekst v kulturnom soznanii epohi* [The word and the text in cultural consciousness of an era]. Vologda, 2011. Pp. 44–50. (In Russ.).
9. Logunova N.V., Mazitova L.L. *Portret istoricheskoy yazykovoy lichnosti kupca I.S. Schegolihina (na materiale epistolyarnyh tekstov nachala XX veka)* [Portrait of the historical language identity of the merchant I.S. Shchegolikhin (on material of epistolary texts of the beginning of the 20th century)]. *Slovo i tekst v svete sovremennykh issledovaniy filologicheskikh nauk* [The word and the text in the light of modern researches of philological sciences]. Nizhny Novgorod, 2016. Pp. 94–101. (In Russ.).
10. Rybakov B.A. *Remeslo Drevney Rusi* [Craft of Ancient Russia]. Moscow, 1948. 792 p. (In Russ.).
11. Rybnikov E.E., Shunkov A.V. *Yazykovaya reprezentaciya lichnosti v epistolyarnoy tradicii perehnogo vremeni (na materiale oficialnyh pisem carya Alekseya Mihaylovicha)* [Language representation of the personality in epistolary tradition of transitional time (on material of missives of the tsar Alexey Mikhaylovich)]. *Mir nauki, kultury, obrazovaniya* [World of science, culture, education], 2014, no. 5, pp. 136–141. (In Russ.).
12. *Slovar russkogo yazyka XVIII veka* [Dictionary of Russian of the 18th century], iss. 1–19. Saint Petersburg, 1984–2011. (In Russ.).
13. Yudina T.M. *Gornozavodskaya terminologiya Severo-Zapadnoy Rusi (na materiale delovoy pismennosti Oloneckih zavodov konca XVII — nachala XVIII vv.)* [Mining terminology of Northwest Russia (on material of business writing of the Olonets plants of the end XVII — the beginnings of the 18th centuries)]. Vologda, 1996. 18 p. (In Russ.).

УДК 81-11
ББК Ш11

СТРУКТУРА ОЦЕНОЧНОЙ СИТУАЦИИ И ЕЕ КОМПОНЕНТЫ

С. Д. Погорелова, А. С. Яковлева

Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия.

Статья посвящена изучению категории оценки в философии и лингвистике. Рассматриваются существующие точки зрения на категорию оценки, природу и структуру оценочной ситуации. Приводится анализ обязательных и факультативных компонентов оценки. Особое внимание уделяется описанию оценочной шкалы, с помощью которой говорящий выстраивает языковую картину мира, отражая окружающее и определяя в нем свое место.

Ключевые слова: *оценка, оценочная ситуация, компоненты оценки, оценочная шкала.*

На современном этапе развития лингвистической науки особый интерес представляет исследование оценочного значения на уровне речевого контекста, которое позволяет раскрыть и понять позицию автора в отношении некоторой проблемы, что в свою очередь выводит на экстралингвистические параметры текста.

Логические и лингвистические проблемы категории оценки являются предметом исследования ученых с древнейших времен (работы Аристотеля, Б. Спинозы, Дж. Локка, Дж. Мура, Н. Д. Арутюновой, Т. И. Вендиной, Е. М. Вольф, А. А. Ивина, В. Н. Телии и др.). Оценка характеризуется множественностью критериев, лежащих в ее основании, что объясняет сложность в описании ее компонентного состава.

Исследование категории оценки в прагматическом плане представляется особенно актуальным, поскольку оценочное значение связано с эмоциональной сферой говорящего, с коммуникативной целью высказывания, с аспектом языковой личности и является живым образцом новаторства в языке и речевой деятельности.

Оценивание предметов и явлений внешнего мира представляет сложную познавательную процедуру, так как это оперирование двумя типами знаний: о внешнем предмете и о потребностях субъекта. Оценочный подход к предмету или явлению внешнего мира предполагает, прежде всего, восприятие его органами чувств (на этом этапе формируются первичные эмоции, которые являются базой оценочных суждений). Следующий этап — это оценочно-умственный акт, в котором аффективное отношение человека к внешнему миру предстает в преобразованном виде, в результате чего формируются производные эмоции и рациональное суждение о ценно-

сти предмета. На этом этапе оценочное познание, являясь постижением сущности ценности объекта, находит свое завершение в выражении отношения субъекта к оцениваемому предмету, которое проявляется в оценке «важно», «значимо», приписываемой оцениваемому объекту [3].

При определении оценки будем исходить из того, что оценка — это умственный акт, в результате которого устанавливается отношение субъекта к оцениваемому объекту с целью определения его значения для жизни и деятельности субъекта.

В процессе коммуникации человек выражает свое отношение к другим людям и предметам действительности. Возникает определенная оценочная ситуация, которая может интерпретироваться как «субъект оценки считает, что объект оценки хороший/плохой» [10. С. 18].

А. А. Ивин в своей работе, посвященной проблеме оценки, отмечает, что ситуация оценки возникает тогда, «когда имеет место высказывание о ценностях» [10. С. 25].

В логике оценок под «ценностью» понимают предмет любого интереса, желания, стремления [10].

Возникающая в коммуникации оценочная ситуация включает ряд обязательных и факультативных элементов, в отношении которых у лингвистов на сегодняшний день нет единого мнения, поскольку не всегда легко определить, кто является субъектом, объектом оценки, и выявить на каком основании дана такая оценка.

В совокупности выделяют девять компонентов ситуации оценки:

1) субъект оценки; 2) объект оценки; 3) основания оценки; 4) содержание оценки; 5) предмет оценки; 6) инструмент оценки; 7) шкала оценок; 8) оценочный стереотип; 9) слушающий. Это можно представить в виде следующей таблицы.

Оценочная ситуация и ее компоненты

Обязательные компоненты	Факультативные компоненты
1. Субъект оценки	1. Предмет (квалификация) оценки
2. Объект оценки	2. Инструмент оценки
3. Содержание (характер) оценки	3. Шкала оценки
4. Основание оценки	4. Оценочный стереотип
	5. Слушающий

Если первые четыре компонента ситуации оценки не вызывают принципиальных разногласий и принимаются многими лингвистами, включая Н. Д. Арутюнову, А. А. Ивина, Е. М. Вольф, В. Н. Телию, А. О. Чернейко, Т. В. Маркелову и др., то последующие, отражая сложные положительные категории оценки в интенциональном мире, продолжают пополняться новыми элементами.

Под субъектом оценки понимается «лицо, социальный коллектив, часть социума, либо социум в целом» [12. С. 30], приписывающие ценность некоторому предмету путем выражения оценки. Субъект оценки — это источник ментального действия, организующее начало в структуре оценочных ситуаций. От него зависит сама возможность осуществления процесса оценивания и появление оценочного высказывания.

Субъект оценки может быть индивидуальным, то есть равным субъекту оценочного высказывания (Я-высказывание), или представлять общественное мнение (Он-высказывание). Для выражения того и другого в языке существуют специальные способы (например, прямое указание на лицо: «по-моему»; «я»; «с его точки зрения»; «он»; неопределенно личные конструкции).

Субъект оценки — лицо (или социум), определяющее ценность того или иного предмета путем выражения оценки. «George thought the music might *do him good* — said music often soothed the nerves and took away a headache» [18]. «Джордж полагал, что музыка, напротив, будет *полезна*, поскольку она вообще успокаивает нервы и излечивает головную боль» [5. С. 106]. В данном примере субъектом утилитарной оценки является Джордж (George), так как именно это лицо определяет ценность.

Субъект оценки может быть выражен эксплицитно или имплицитно. В том случае, если субъект оценки не выражен открыто, он в любом случае присутствует в оценочной ситуации, по-

скольку «оценка всегда является чьей-то оценкой» [10. С. 21].

Под объектом оценки понимаются предметы, явления, сущности и так далее, которым приписываются ценности (или антиценности) или предметы, явления, сущности, ценности которых сопоставляются. «It was an intense but *useless struggle*» [17]. «Это была отчаянная, но *бесполезная борьба*» [7. С. 329]. В данном примере объектом утилитарной оценки является *борьба (struggle)*, так как именно этому явлению приписывается ценность.

Относительно границ выделения объекта оценки мнения лингвистов расходятся. Сторонники узкой концепции ограничивают оцениваемую действительность теми компонентами, параметрами, которые охватывает идеализированная картина мира, «оценивается то, что нужно (физически и духовно) человеку и Человечеству», а «все, что лежит вне этого круга, не подлежит оценке» [1. С. 183].

Последователи широкой концепции полагают, что «любой объект, попадая в сферу оценочной деятельности субъекта, может, так или иначе, оказаться небезразличным для оценки» [4. С. 18], что «все многообразие предметов человеческой деятельности, общественных отношений и включенных в их круг природных явлений может выступать в качестве предметных ценностей, как объектов ценностного отношения, то есть оцениваться в плане добра и зла, красоты и безобразия, допустимого или запретного, справедливого или несправедливого и так далее» [4. С. 65].

Провести четкую границу между положительными и отрицательными ценностями едва ли возможно, хотя в процессе познания мира говорящий членит объективный мир с точки зрения его ценностного характера: добра и зла, пользы и вреда, радости и печали, любви и ненависти. Это членение особым образом отражается в языке.

Субъект и объект оценки составляют два основных элемента оценочной ситуации. «Всякое оценочное суждение предполагает субъект суждения, от которого исходит оценка и его объект, то есть тот предмет или явление, к которому оценка относится» [4. С. 22].

Характер оценки — это признание ценности (положительной, отрицательной или нулевой) объекта оценки. «*It's hurting our Southern trade*» [16]. «*А нашей торговле с Югом это очень вредно*» [8. С. 37].

В структуре оценочной ситуации особое место занимает такой необходимый ее элемент, как основание оценки («точка отсчета» по А. А. Ивину; «критерий оценки» — М. В. Ляпон, Е. М. Вольф), то есть то, с точки зрения чего производится оценивание. Основание оценки определяется представлением субъекта оценки о предмете или о действии, или об «усредненном» положении вещей, принятом в данном сообществе людей [4].

Основание оценки — это ее мотивация или оценочный признак, то есть то, с точки зрения чего производится оценивание. «*Any new folly on her part would not only be base ingratitude to her father, but would tend to injure the prospects of her little one*» [15]. «*Если она сделает какой-нибудь безрассудный шаг, это будет не только низкой благодарностью по отношению к отцу, но и повредит в будущем ее дочке*» [6. С. 128]. В данном примере основанием оценки является: «*Если она сделает какой-нибудь безрассудный шаг*» («*Any new folly on her part*»), так как именно с точки зрения данного условия производится оценивание.

Диапазон понятия «критерий, основание» субъект оценки вправе варьировать в соответствии со спецификой поставленных задач. «В зависимости от того, каким ограничениям мы подвергаем понятие «критерий», определяется семантический объем понятия оценка» [11. С. 26]. Лингвистическое содержание параметра «основание, критерий» оценки должно обладать достаточной смысловой емкостью, чтобы отразить реально представленные в языке средства, с помощью которых осуществляется квалификация в разных аспектах, под разным углом зрения, на разных основаниях.

Усредненная ситуация имплицитно создает психологическую основу оценочной ситуации, то есть оценку можно давать только при наличии какого-то стандарта, нормы, закрепленной в сознании данного социума или существующей в сознании отдельного человека. В. Н. Телия называет

стандарты «фильтром, сквозь который, как через цветное стекло, воспринимается мир» [13. С. 39].

Основание оценки существует в двух возможных вариантах. Оно может быть обобщенным фундаментом для оценки. Например, в паре лексем благоприятный\неблагоприятный таким фундаментом является утилитарное основание, в паре прекрасный\безобразный — эстетическое основание. И наоборот, основание оценки может иметь вид специфики. В этом случае основание понимается как «та позиция или те доводы, которые склоняют субъектов к одобрению, порицанию или выражению безразличия в связи с разными вещами» [10. С. 23].

Е. М. Вольф (аналогично А. А. Ивину) использует для описания основания оценки термин «точка отсчета», включающий шкалу оценок и оценочные стереотипы. При любой оценке в «картине мира» участников коммуникации существует шкала оценок и существует оценочный стереотип. Даже когда говорящий подвергает оценке не чужое, а собственное действие, «он судит о действии с точки зрения общего мнения, критериев, принятых в данном коллективе» [9. С. 86].

Шкала оценок представляет собой сложную структуру, составляющей которой является ряд признаков, развертывающихся в двух направлениях: в сторону увеличения и в сторону уменьшения признака. Схематично это можно представить следующим образом:

Зона положительных оценок				
↓	ОЧЕНЬ ХОРОШО	ШКАЛА ОЦЕНОК	ДОВОЛЬНО ХОРОШО	↑
У	ХОРОШО			У
Х				Л
У				У
Д	СРЕДНЕ		СРЕДНЕ	Ч
Ш				Ш
Е				Е
Н			Н	
И	ПЛОХО	ДОВОЛЬНО ПЛОХО	И	
Е	ОЧЕНЬ ПЛОХО		Е	
Зона отрицательных оценок				

Как видно из схемы, подобная шкала отражает самую общую градацию оценочных смыслов. Между зоной положительного и отрицательного (хорошо\плохо) на оценочной шкале расположена зона нейтрального или нормы. «Норма не есть отсутствие признака, она скорее соотнесена с той частью шкалы оценок, на которой помещается стереотипное представление» [4. С. 47].

Таким образом, когда говорят о норме, подразумевают признаки стереотипа и их положение

на оценочной шкале. «Стереотип в его отношении к оценочной шкале является основным элементом, на который опирается система абсолютных оценок» [4. С. 56].

Зная устройство шкалы, можно понять соотношение между признаками (высокий и низкий; хороший и плохой), но нельзя определить отношение этих признаков к действительности. Для этого необходима дополнительная информация, а именно знание стандартных признаков для соответствующих объектов. Объекты, входящие в классификационные структуры и обладающие стандартными наборами признаков, составляют оценочные стереотипы. «Очевидно, что на шкале оценок стандартные признаки стереотипов соотношены с зоной нормы. Необходимо подчеркнуть, что чисто «эмотивные» (субъективные) оценки не включают стереотипов, так как они не соотносятся с признаками объектов и не подразумевают классификации» [4. С. 61].

Таким образом, основанием для оценочной шкалы является иерархия существующих ценностей. Однако ценностные представления различных субъектов могут иметь индивидуальные отличия, каждый человек пользуется собственной оценочной шкалой, с помощью которой он выстраивает языковую картину мира, отражая окружающее и определяя в нем свое место.

В. Н. Телия вводит такие компоненты ситуации оценки, как «содержание оценки/квалификации» (характер оценки) и «предмет квалификации». Содержание квалификации, то есть то, из чего складывается оценка положительного или отрицательного отношения субъекта оценки к объекту оценки [12]. При этом следует отметить, что содержание/характер оценки будет определяться двумя переменными величинами — субъектом и основанием оценки. При этом «иной» субъект оценки — это не только другой говорящий, но и то же лицо, не изменившееся физически, но дополнившее или утратившее знания об объекте, поменявшее свои взгляды — то есть то же лицо, но взятое в другое время, при других обстоятельствах. Меняясь, субъект порождает другую оценку или по степени отклонения от нейтрального центра оценочной шкалы, или по аксиологической интерпретации [14].

Под предметом квалификации автор понимает «некоторые свойства денотативной структуры объекта квалификации, служащие стимулом для эмотивной реакции субъекта квалификации» [12. С. 203–204].

Е. М. Абросимова считает возможным выделить еще один компонент «инструмента оценки», то есть указание на то, с помощью каких средств (не словесно) выражается порицание или одобрение. Прежде всего, сюда относятся паралингвистические средства, невербальные средства, одобрение/порицание, определяемое взглядом, кивком головы.

Проблемам компонентного анализа ситуации оценки посвящается работа В. И. Банару (1987) и работа М. Д. Унапкошвили (1991). Авторы наряду с первыми четырьмя компонентами (субъект, объект, основания и характер оценки) предусматривают рассмотрение еще одного компонента, то есть слушающего (адресата оценки), понятия первостепенной важности в области прагматики. При введении слушающего в качестве компонента оценки упор ставится на «воздействие на слушающего и приводит к переклассификации типов языковой информации: интеллектуальное содержание противопоставляется содержанию эмоционально-оценочному» [2. С. 10]. В данном случае речь идет не об эмоциональной реакции со стороны говорящего, вызванной содержанием обсуждаемой ситуации, а скорее об эмоционально-волевом импульсе, агитационных интенциях, направляемых на собеседника с определенной целью. Поэтому в качестве объекта выступает прежде всего лицо, которому адресовано сообщаемое. Непосредственным объектом «обработки» является, собственно говоря, психологическая сфера слушающего, его интеллект, воля и эмоции.

Немецкие лингвисты В. Фляйшер и Г. Михель в своей работе «Стилистика современного немецкого языка» («*Stilistik der deutschen Gegenwartssprache*») также подчеркивают важную роль слушателя в ситуации оценки и отмечают, что оценка, являясь компонентом коммуникативной деятельности, исходит от обоих участников коммуникации (говорящего и слушателя), «перерабатывается» в сознании как говорящего, так и слушающего» [19. С. 351–352].

Ситуация оценки возникает тогда, когда высказывается отношение к ценностям. Вопрос, касающийся компонентов ситуации оценки, остается спорным. Особый интерес для нашего исследования представляет выдвигание следующих компонентов ситуации оценки: субъект оценки, объект оценки, содержание оценки, основание оценки и слушающий.

Итак, в нашей работе мы провели исследование категории оценки в философии и лингвистике,

которые в совокупности дают наиболее полное представление об оценке. Оценка определяется нами как умственный акт, в результате которого устанавливается отношение субъекта к оцениваемому объекту с целью определения его значения для жизни и деятельности. В процессе коммуникации человек выражает свое отношение к некоторым реалиям, возникает определенная оценочная ситуация, включающая ряд

обязательных и факультативных компонентов. На наш взгляд, существует возможность рассмотрения оценочной ситуации с позиции пяти составляющих акта оценки: субъект оценки, объект оценки, содержание оценки, основание оценки и слушатель — компонент, наиболее важный с точки зрения прагматики. Однако вопрос, касающийся компонентов ситуации оценки, остается спорным.

Список литературы

1. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений (оценка, событие, факты) / Н. Д. Арутюнова. — М., 1988. — 338 с.
2. Банару, В. И. Оценка, модальность, прагматика / В. И. Банару // Языковое общение (единицы и регулятивы). — Киев, 1987. — С. 3–12.
3. Вендина, Т. И. Семантика оценки и ее манифестация средствами словообразования / Т. И. Вендина // Славяноведение. — 1997. — № 4. — С. 41–48.
4. Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. — М., 1985. — 228 с.
5. Джером, К. Д. Трое в лодке, не считая собаки; Рассказы / К. Д. Джером. — М., 1984. — 269 с.
6. Драйзер, Т. Дженни Герхардт / Т. Драйзер // Собрание сочинений. — М., 1986. — Т. 2. — 344 с.
7. Драйзер, Т. Титан / Т. Драйзер // Собрание сочинений. — М., 1986. — Т. 4. — 608 с.
8. Драйзер, Т. Финансист / Т. Драйзер // Собрание сочинений. — М., 1986. — Т. 3. — 608 с.
9. Золотова, Г. А. О категории оценки в русском языке / Г. А. Золотова // Рус. яз. в школе. — 1980. — № 2. — С. 94–102.
10. Ивин, А. А. Основание логики оценок / А. А. Ивин. — М., 1970. — 230 с.
11. Ляпон, М. В. Оценочная ситуация и словесное само моделирование / М. В. Ляпон // Язык и языковая личность. — М., 1989. — С. 24–33.
12. Телия, В. Н. Типы языковых значений / В. Н. Телия. — М., 1981. — 269 с.
13. Телия, В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В. Н. Телия. — М., 1986. — 144 с.
14. Чернявская, Е. А. Оценка и оценочность в языке и художественной речи (на материале поэтического, прозаического и эпистолярного наследия А. С. Пушкина) : дис. ... канд. филол. наук / Е. А. Чернявская. — М., 2000. — С. 49–50.
15. Dreiser, T. Jennie Gerhardt / T. Dreiser. — Moscow, 1972. — 358 p.
16. Dreiser, T. The Financier / T. Dreiser. — Moscow, 1964. — 522 p.
17. Dreiser, T. The Titan / T. Dreiser. — Moscow, 1986. — 608 p.
18. Jerome, K. J. Three man in a Boat / K. J. Jerome. — Moscow, 1959. — 227 p.
19. Fleischer, W. Stilistik der deutschen Gegenwartssprache / W. Fleischer, G. Michel. — Leipzig, 1975.

Сведения об авторах

Погорелова Светлана Давидовна — кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой межкультурной коммуникации, Тюменский индустриальный университет. Тюмень, Россия. svetlanap97@mail.ru

Яковлева Анна Сергеевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры межкультурной коммуникации, Тюменский индустриальный университет. Тюмень, Россия. jakovlewa@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2017. No. 3 (399). *Philology Sciences. Iss. 105. Pp. 98—103.*

THE STRUCTURE OF EVALUATION SITUATION AND ITS COMPONENTS

S. D. Pogorelova

Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russia. svetlanap97@mail.ru

A. S. Yakovleva

Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russia. jakovlewa@mail.ru

The paper presents the study of the evaluation category in philosophy and linguistics. Cultural and linguistic aspects of communication are important for successful cross-cultural communication. Evaluation category performs a number of functions in the speech context, it serves to the purpose of expressing the speaker's relationship to the real world. The study analyses different approaches to the definition of evaluation category and its structure. The analysis of core and optional components of evaluation situation is given. The core components of evaluation situation are analyzed. The study points out that it is an evaluation scale that helps the speaker to describe the situation and give the attitude to it. The evaluation statements are contamination of expressive lexical and syntactic language means.

Keywords: *the evaluation category, evaluation situation, evaluation scale, core and optional components.*

References

1. Arutunova N.D. *Tipy yazikovykh znacheniy* [Types of lexical meanings: evaluation, event, facts]. Moscow, 1988. 338 p. (In Russ.).
2. Banaru V.I. *Ocenka, modalnost, pragmatic* [Evaluation, modality, pragmatics]. *Yazykovoye obschenie (Edinizy i regulativy)* [Linguistic communication (Units and regulators)]. Kiev, 1987. Pp. 3–12. (In Russ.).
3. Vendina T.I. *Semantica ocenki i eyo manifestacia sredstvami slovoobrazovania* [Evaluation semantics and its demonstration by means of word-building]. *Slavyanovedenie* [Slavic Studies], 1997, no. 4, pp. 41–48. (In Russ.).
4. Vol'f E.M. *Funkcyonalnaya semantica otsenki* [Functional semantics of evaluation]. Moscow, 1985. 228 p. (In Russ.).
5. Dzherom K.D. *Troe v lodke, ne schitaya sobaki. Rasskazy* [Three man in a Boat. Stories]. Moscow, 1984. 269 p. (In Russ.).
6. Draizer T. *Dzhenny Gerhardt* [Jennie Gerhardt]. Moscow, 1986. 344 p. (In Russ.).
7. Draizer T. *Titan* [The Titan]. Moscow, 1986. 608 p. (In Russ.).
8. Draizer T. *Finansist* [The Financier]. Moscow, 1986. 608 p. (In Russ.).
9. Zolotova G.A. *O kategorii otsenki v russkom yazyke* [Class of evaluation in Russian]. *Russkij yazyk v shkole* [Russian in the school], 1980, no. 2, pp. 94–102. (In Russ.).
10. Ivin A.A. *Osnovanie logiki ocenok* [Foundation of logic of evaluation]. Moscow, 1970. 230 p. (In Russ.).
11. Lyapon M.V. *Otsenochnaya situatsiya i slovesnoe samodelirovanie* [Evaluative situation and vernal self-modeling]. *Yazyk i yazykovaya lichnost'* [Language and linguistic persona]. Moscow, 1989. Pp. 24–33. (In Russ.).
12. Teliya V.N. *Tipy yazykovykh znachenij* [Types of linguistic meanings]. Moscow, 1981. 269 p. (In Russ.).
13. Teliya V.N. *Konnotativnyj aspekt semantiki nominativnykh edinic* [Conative aspect of semantics of nominative units]. Moscow, 1986. 144 p. (In Russ.).
14. Chernyavskaya E.A. *Ocenka i otsenochnost' v yazyke i hudozhestvennoj rechi (na material pojeticheskogo, prozaicheskogo i jepistoljarnogo naslediya A.S. Pushkina)* [Evaluation and evaluativity in language and artistic speech (based on poetic, prosaic and epistolary inheritance of A.S. Pushkin)]. Moscow, 2000. Pp. 49–50. (In Russ.).
15. Dreiser T. *Jennie Gerhardt*. Moscow, 1972. 358 p.
16. Dreiser T. *The Financier*. Moscow, 1964. 522 p.
17. Dreiser T. *The Titan*. Moscow, 1986. 608 p.
18. Jerome K.J. *Three man in a Boat*. Moscow, 1959. 227 p.
19. Fleischer W., Michel G. *Stilistik der deutschen Gegenwartssprache*. Leipzig, 1975.

УДК 82.03
ББК 83.3 (5)

ПРОБЛЕМЫ ПОВТОРНОГО ПЕРЕВОДА СТИХОТВОРЕНИЙ МАХТУМКУЛИ (на примере переводов на узбекский язык стихотворений Махтумкули)

Ф. Д. Сапаева

Нукусский государственный педагогический институт им. Ажинияза, Нукус, Узбекистан

В литературоведении особое значение придается повторному переводу и его уровню. Статья посвящена изучению повторного перевода Махтумкули на узбекский язык. Исследование ведется через сравнение переводов 1960–2014 гг. Мастерство переводчиков выявляется на основе сопоставительно-типологического анализа. Автор приходит к выводу о необходимости создания совершенных по своей форме и содержанию художественных переводов.

Ключевые слова: *повторный перевод, переводчик, оригинал, художественные качества, стихотворения, творчество Махтумкули.*

С каждым днем пополняются ряды переводчиков творчества великого туркменского поэта Махтумкули. На сегодняшний день известны имена тех, кто взялся за перевод произведений искусного мастера слова: это Максуд Шайхзода, Жуманияз Шарипов, Жуманияз Жаббаров, Мухаммад Али, Музаффар Ахмад, Мирза Кенжабек, Ахунжан Сафаров, Насир Мухаммад, Олим Тураев, Абдумумин Жумаев, Жуманазар Зулпиев, Эргаш Ачилов, Абдунаби Хамро, Мухаммад Пирриев, Мухаммад Азим. И если часть из них перевела на родной язык всего лишь по одному стихотворению Махтумкули (М. Шайхзода, М. Али), другие — несколько стихотворений (Ж. Жаббаров, А. Сафаров, Н. Мухаммад, М. Пирриев, А. Хамро), то целая группа переводчиков нашла возможность издать отдельные сборники стихотворений (Ж. Шарипов, М. Ахмад, О. Тураев, М. Кенжабек, А. Жумаев, Ж. Зулпиев, Э. Ачилов, М. Азим). Несмотря на то, что в новых переводах акцент ставился на стихотворения религиозно-суфийского содержания, переводчики проверяли свои силы на ранее обработанных предшественниками поэтических текстах, в результате чего появились несколько вариантов стихотворений, а в некоторых случаях — даже шесть, семь переводных образцов, что само собой ставит на повестку дня проблему повторного перевода.

В переводческой практике наличие нескольких вариантов жемчужин мировых мастеров слова считается положительным явлением. Подобные переводы могут осуществляться не только в различные периоды, но и одновременно. К примеру,

«Алхимик» известного бразильского писателя Пауло Коэльо перевели сразу три специалиста: Азат Шарафиддинов, Ахмад Атабаев, Азиз Саид. Такое внимание к тексту можно объяснить рядом причин: с одной стороны, повышением внимания читателей к произведению, произведшему фурор в мировой литературе, с другой — как «прикосновение к перу» писателя, проверка своего таланта и творческого потенциала. То же самое можно сказать о переводе стихотворений Махтумкули. Если в советское время произведения Махтумкули были изданы и переизданы только лишь в переводе Ж. Шарипова, с обретением независимости Республики Узбекистан к творчеству Фраги обращается ряд переводчиков, в результате чего в одно и то же время возникают несколько вариантов стихотворений великого поэта.

В сущности «со времен появления перевода была необходимость в повторном переводе» [18. С. 7]. Известные произведения по истечении определенного времени переиздавались снова и снова. Например, «Гулистан» Саади Шерази по сей день переведен на тюрки пять раз: в конце XIV в. Сайфи Сараи — под названием «Гулистан бит-тюрки», в XIX в. — Агахи, в начале XX в. — Мулла Мурадхужа и Ахмад Жалил, затем это произведение вышло в свет на узбекском языке в переводе Гафура Гуляма, Рустама Камилова и Шоислама Шамухамедова.

«В переводческом деле есть такое правило: если определенное произведение переводят сто переводчиков, то оно каждый раз звучит по-разному! Каждый перевод открывает новую сторону

произведения, осуществляет его иную трактовку. Недаром великий Гёте собственноручно написанному “Фаусту” предпочитал его французский перевод. Наличие нескольких вариантов перевода одного произведения является не только цепью на пути открытия данного произведения, но также создает ряд возможностей для читателя: читатель среди этих переводов выборочно прочитает то, что ему понравится. И не только это. На основе взаимосравнения получит возможность определить хорошие и плохие переводы. В литературе народов развитых государств имеется несколько переводных вариантов жемчужин мастеров слова, и это воспринимается как должное. И в узбекской литературе данному явлению можно привести ряд примеров: появление нескольких вариантов перевода трагедий Шекспира, перевод принадлежащего перу Пушкина романа в стихах “Евгений Онегин” сначала Айбеком, затем Мирзой Кенжабеком, одновременный перевод “Дон Жуана” Байрона на узбекский Абдуллою Шером и Сулайманом Рахманом и другие» [14. С. 20–21].

Несмотря на то, что ряд произведений был переведен несколько раз, проблема повторного перевода не была объектом специального исследования в узбекском переводоведении. В некоторых работах были лишь походя отмечены размышления об этой проблеме. В частности, в статье, написанной по случаю возникшего спора о переводе стихотворений Р. Гамзатова, Н. Владимировой излагает свои мысли по поводу случаев появления нескольких вариантов перевода стихотворений известного аварского поэта [1]. В своем исследовании, посвященном узбекским переводам стихотворений Лермонтова, С. Олимов и А. Матъякубов указывают на некоторые аспекты проблемы повторного перевода [12], в учебном пособии «Практикум перевода» в отдельной статье «Анализ различных переводов оригинала» Б. Ильясов сообщает, что кроме известных трех переводов стихотворения А. С. Пушкина «Памятник», сделанных М. Шайхзаде, Миртемиром, Р. Бабажаном, имеется еще три варианта перевода С. Рахмана, Э. Самандара, М. Мирзаева, и тут же предлагает вниманию студентов тексты трех русскоязычных вариантов стихотворения А. Арипова «Золотая рыбка» в переводе А. Наумова, С. Северцева и А. Файнберга [2].

Кроме этого, данная проблема в некоторой степени изучена Э. Очиловым на примерах перево-

да рубаи. По его мнению, «причиной повторного перевода являются следующие факторы:

1. С течением времени любой перевод с языковой точки зрения устаревает, и читатель нового времени затрудняется читать его, усложняется понимание.

2. Каждый переводчик желает “прикоснуться к перу” великих деятелей слова, хочет испытать свои возможности, силу своего таланта и берется за повторный перевод.

3. Ныне расширяется перевод с оригинала, который раньше проводился через язык-посредник.

4. Низкий уровень ранних переводов, их несоответствие требованиям [времени. — Ф. С.] ставит необходимость повторного перевода» [13. С. 93–94].

В «Проблемах повторного перевода» Э. Очилов всесторонне размышляет над вопросами о причинах, значении повторного перевода и требованиях к нему [16]. А в «Толковом словаре переводческих терминов» автор приводит следующее рассуждение: «Конечно же, повторный перевод не всегда осуществляется по необходимости и по желанию переводчика. Имеются свои условия и требования повторного перевода. Как и в случае, когда исполнитель потерпел неудачу, не сумев исполнить лучше или как прежде песню, занявшую место в сердцах слушателей, так же не нужен читателям и перевод, не имеющий превосходства над прежним по какому-либо признаку. Между тем, просматривая случаи повторных переводов, наряду с примерами, отвечающими требованиям, можно встретить образцы, сделанные без всякой надобности, несообразно уровню. Беспощадный закон повторного перевода таков, что переводчик, не сумевший сделать перевод, превосходящий прежний, терпит неудачу. Русский критик В. Г. Белинский отметил огромную важность для словотворчества повторных переводов шедевров мировой литературы, таких как “Гамлет” Шекспира. Но новые переводы не должны быть копированием прежних или же их вариантами» [17. С. 181–182].

При переводе с близкородственных языков ситуация совсем иная: мисра, байт (полустишие) и банты (строфы), иногда все стихотворение целиком могут переноситься на другой язык. При этом мастерство переводчика проявляется в том, как он мастерски переводит архаичные и иностранные слова и выражения, присущие только языку оригинала. С этой стороны, трудно и даже невозможно обвинить переводчиков в плагиате. Среди переводчиков произведений Махтумкули немало тех, кто как-то обновил, дополнил, совершенствовал,

открыл новые смысловые грани слов и выражений, устранив тем самым ошибки, допущенные в прежних переводах, и в то же время находят-ся и такие, кто не смог превзойти своих предше-ственников и даже не достиг их уровня.

Первые стихотворения Махтумкули в пере-воде Ж. Шарипова с языковой точки зрения еще не успели устареть, так как перевод был осущест-влен не через язык-посредник, а с оригинала, то есть с туркменского языка. Стало быть, этим переводам можно применить второй и четвер-тый пункты классификации: творческое состяза-ние, желание испытать силу своего пера и низкий уровень образцов перевода с допущенными в них ошибками.

Несмотря на то, что достижения и недостатки в работах Ж. Шарипова были обсуждены в пе-риодических изданиях и ряде статей различных сборников, данные переводы до настоящего вре-мени не были объектом специального исследо-вания. Было лишь обращено внимание на такие проблемы перевода с близкородственных языков, как попадание переводчика в «сети» фальшивых эквивалентов, неумение различить межязыковые паронимы [3; 4; 5].

Конечно, общие традиции, развитие на осно-ве единой стихотворной системы создают удоб-ство при переводе узбекской и туркменской поэ-зии: один размер — аруз (метрическая система стихосложения, основанная на определенном чередовании долгих и кратких слогов, широко применявшаяся в классической поэзии) или бар-мак (силлабический размер стиха, основанный на одинаковом количестве слогов в каждой стро-ке), схожесть строения бейтов, двустиший (стих, состоящий из двух полустиший) и бантов (сти-хотворная строфа), множество рифм, редифов (слово или группа слов, повторяющиеся вслед за рифмой в каждом стихе) и опыт художествен-ного мастерства присутствуют в поэзии обо-их народов. И если есть возможность перенести с одного языка на другой размеры, байты, бан-ты, а иногда даже целые стихотворения, почему бы ей не воспользоваться? К тому же не всегда слова, строки, рифмы и редифы переходят на дру-гой язык — иногда требуется изменение чисто туркменских, арабо-персидских слов, строений рифм, строк и бантов. Мастерство настоящего пе-реводчика заключается именно в том, что он на-ходит соответствующие оригиналу слова и риф-мы. А Ж. Шарипов, как верно отмечает Э. Очил-ов, с тем чтобы избежать поиска новых рифм, изме-

нения строения бантов, и вопреки тому, что ар-хаичные и туркменские слова могут быть зна-комы читателю, специально оставил их и пошел по пути толкования в подтекстовых ссылках [15]:

*Бир төрт атлы гелди, бары себзебаз,
Асалары яшыл, аты теблебаз,
«Межлис халкасыны гурмаң бейле аз,
Адам көндүр, улуг гургул!» дийдилер* [7. С. 7].

Перевод: «Приехали четыре конника. Все оде-ты в зеленое. И посохи зеленые. Кони под ними резвятся. Сказали: “Людей много, поэтому круг для собрания постройте не таким узким, а ши-роким”».

Так как завершающие рифму слова «себзебаз» и «теблебаз» не знакомы читателю-узбеку, здесь требуется еще изменение рифмы, стало быть, и строения банта. Но Ж. Шарипов не желает брать на себя трудность поиска новых рифм:

*Тўрт отли келдилар, бари сабзабоз,
Ҳассалари яшил, оти таблабоз,
«Мажлис даврасини қурманг бунча оз,
Одам кўндир, катта қурғил», дедилар* [6. С. 33].

Независимо от того, с какой целью перевод-чик берется за новый перевод произведения, он должен обеспечить превосходство этого перево-да над прежним хоть в чем-то. Если в повторном переводе нельзя обеспечить новую трактовку, исправить какой-либо недостаток или ошибку, и если перевод не будет превосходить прежний с художественной точки зрения, то нет даже на-добности браться за работу. Все это — основное условие повторного перевода. Но переводчики Махтумкули в большинстве случаев не смо-гли с художественной точки зрения превзойти Ж. Шарипова, исправить допущенные им ошиб-ки. В результате во втором, в третьем и даже в четвертом случаях перевода повторялись одни и те же ошибки, вследствие чего на повестку дня ставились всё новые и новые переводы произве-дений поэта. В частности, взявшиеся за перевод данного стихотворения М. Кенжабек, А. Жумаев и Ж. Зулпиев даже через полвека не смогли опе-редить своих предшественников ни на шаг, в чем-нибудь превзойти их. Доказательство своих рас-суждений мы можем увидеть в нижеизложенных примерах переводов банта:

Перевод М. Кенжабека:
*Тўртта отлиқ келди, бари сабсабоз,
Асолари яшил, оти таблабоз.
«Мажлис ҳалқасини қурманг бунда оз,
Одам кўндир, катта қурғил!» — дедилар* [8. С. 24].

Так как слова «сабсабоз» и «таблабоз» были непонятны, им дали толкование «в зеленой одежде» и «резвые». Но здесь и слово «оз» требует толкования, которое Ж. Шарипов объясняет «здесь употреблено в значении узкий», тогда как М. Кенжабек, А. Жумаев и Ж. Зулпиев даже не соизволили объяснить его:

*Тўрт суворий келди, бари сабсабоз,
Асолари яшил, оти таблабоз.
Мажлис ҳалқасини қурманг бўйла оз,
Одам кўндир, улуг қургил!» дедилар [9. С. 189].*

В переводах А. Жумаева и Ж. Зулпиева чувствуется намеренное использование архаичных слов: вместо «отлик» (конник) — «суворий», вместо «бундай» (так) — «бўйла», в связи с чем нужно отметить важный факт: Ж. Шарипов в своих произведениях по возможности использовал современные, понятные для всех слова. Поэтому его переводы даже по прошествии полувека не устарели с языковой точки зрения, тогда как М. Кенжабек, А. Жумаев и Ж. Зулпиев, возможно, с тем чтобы придать исторический тон повествованию, намеренно используют древнетюркские, арабские и персидские архаичные слова, в результате чего язык их переводов стал еще более тяжелым, сложным для восприятия читателем. Этим и объясняется превосходство переводов с языковой стороны Ж. Шарипова над последующими переводами.

В переводе М. Азим теперь даже «суворий», «отлик» (конник) превратился во «чавандоза» — искусного наездника:

*Тўрт чавандоз келди, бари сабзабоз,
Асолари яшил, оти таблабоз,
«Мажлис ҳалқасини қурманг бундай оз,
Одам кўндир, кенгроқ қургил!» — дедилар [10. С. 9].*

Э. Очилов творчески подошел к тексту и сумел подать его в несколько узбекском стиле:

*Тўрт суворий келди — кўк тўн устида,
Қўлда ҳасса, оти ўйнар остида,
«Даврани кенг олинг, кўриш қасдида,
Одам кўндир, катта қургил!» — дедилар [11. С. 296].*

Перевод:

«Приехали четыре конника, на них зеленые халаты,

В руках посох, под ними резвятся кони.

Сказали: “Расширьте круг для постройки, Людей много, стройте большим!”».

Как мы видим, уровень повторного перевода произведений Махтумкули различен: в некоторых случаях были исправлены недостатки прежних переводов, дополнены сокращенные по каким-то причинам места, в других — к ранее допущенным ошибкам прибавляются новые, а уровень качества переводов падает все ниже, вследствие чего большинство из них лишается художественной привлекательности; одним словом, переводчики не смогли превзойти своего предшественника Ж. Шарипова. Самое худшее — большинство из этих переводов не отвечает требованиям повторного перевода, так как не превосходит предыдущие переводы ни по каким критериям.

Исходя из вышесказанного, мы приходим к выводу о том, что переводы поэтических произведений способствуют проявлению творческого потенциала переводчика и необходимо создавать только совершенные по форме и содержанию художественные переводы.

Список литературы

1. Владимирова, Н. Откуда начинаются пороки? / Н. Владимирова // Искусство перевода. — Ташкент, 1985. — Кн. 6. — 178 с.
2. Ильясов, Б. А. Практика перевода / Б. А. Ильясов. — Термез, 1992. — 56 с.
3. Курамбаев, К. Поэзия Махтумкули в Узбекистане / К. Курамбаев. — Термез, 1992. — 130 с.
4. Курамбаев, К. Воссоздание национального в поэтическом переводе и мастерство переводчика / К. Курамбаев // Перевод и ответственность переводчика. — Ташкент, 2007. — 110 с.
5. Тайлакова, М. Некоторые заметки к узбекским переводам произведений Махтумкули / М. Тайлакова, М. Сапаров. — Ташкент, 2013. — 146 с.
6. Махтумкули. Избранные произведения (перевод Ж. Шарипова) / Махтумкули. — Ташкент, 1960. — 85 с.
7. Махтумкули. Произведения / Махтумкули. — Ашгабат, 1992. — Т. 1. — 97 с.
8. Махтумкули. Избранное (перевод М. Кенжабека) / Махтумкули. — Ташкент, 2004. — 86 с.
9. Махтумкули — Фраги. Избранное (перевод А. Жумаева и Ж. Зулпиева) / Махтумкули — Фраги. — Ташкент, 2008. — 120 с.

10. Махтумкули. Дуновенье ветра (перевод М. Азима) / Махтумкули. — Бухара, 2013. — 200 с.
11. Махтумкули. Песнь соловья (перевод Э. Очилова) / Махтумкули. — Ташкент, 2014. — 320 с.
12. Олимов, С. Узбекские переводчики Лермонтова / С. Олимов, А. Матёкубов. — Ташкент, 1989. — 84 с.
13. Очилов, Э. З. Единство формы и содержания в переводе рубаи : дис. ... канд. филол. наук / Э. З. Очилов. — Ташкент, 1994. — 152 с.
14. Очилов, Э. Волшебство рубаи (Предисловие) / Э. Очилов // Музыка любви (Рубаи). — Ташкент, 2005. — 98 с.
15. Очилов, Э. Узбекские переводы произведений Махтумкули / Э. Очилов // Узбекский язык и литература. — Ташкент, 2008. — № 5. — С. 56–61.
16. Очилов, Э. Проблемы художественного перевода / Э. Очилов. — Ташкент, 2014. — 225 с.
17. Очилов, Э. Толковый словарь переводоведения / Э. Очилов. — Ташкент, 2014. — 260 с.
18. Саломов, Г. Перевод — груз двух миров... (Предисловие) / Г. Саломов, З. Исамиддинов // Проблемы перевода. — Ташкент; Самарканд, 1991. — Кн. 2. — 138 с.

Сведения об авторе

Сапаева Феруза Давлатовна — преподаватель кафедры узбекского языка, Нукусский государственный педагогический институт им. Ажинияза. Нукус, Узбекистан. feruza.sapaeva2016@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2017. No. 3 (399). Philology Sciences. Iss. 105. Pp. 117–122.

PROBLEMS OF THE REPEATED TRANSLATION OF POEMS OF MAKHTUMKULI (on the translations Makhtumkuli's poems into Uzbek)

F. D. Sapaeva

Nukus state pedagogical institute named after Ajiniyaz, Nukus, Uzbekistan. feruza.sapaeva2016@mail.ru

In literary studies, a special importance is attached to the repeat translation and its level. This article studies the problem of repeated translation of the poems of Magtymguly in the Uzbek language. The study of the problem is conducted through the comparison of the Uzbek translations of works by Magtymguly in the period from 1960 to 2014. The skill of the translators examined on the basis of comparative-typological analysis of the original and identify the artistic qualities of each of the translations. Offered the conclusion about the necessity of creation of only those literary translations of his poems that really are perfect in their form and content.

Keywords: *repeated translation, translator, original, artistic quality, the poems, Makhtumkuli's creativity.*

References

1. Vladimirova N. Otkuda nachinayutsya poroki? [Where vices begin from?]. *Iskusstvo perevoda* [The art of translation], book 6. Tashkent, 1985. 178 p. (In Russ.).
2. Ilyasov B.A. *Praktika perevoda* [Practice of translation]. Termez, 1992. 56 p. (In Uzb.).
3. Kurambaev K. *Poyeziya Makhtumkuli v Uzbekistane* [Poetry Makhtumkuli in Uzbekistan]. Urgench, 1993. 130 p. (In Uzb.).
4. Kurambaev K. Vossozdaniye natsional'nogo v poyeticheskom perevode i masterstvo perevodchika [The reconstruction of the national in the poetic translation and the translator's skill]. *Perevod i otvetstvennost' perevodchika* [Translation and the translator's responsibility]. Tashkent, 2007. 110 p. (In Uzb.).
5. Taylakova M., Saparov M. *Nekotoryye zametki k uzbekskim perevodam proizvedeniy Makhtumkuli* [Some notes from Uzbek translations of the works of Makhtumkuli]. Tashkent, 2013. 146 p. (In Uzb.).
6. Makhtumkuli. *Izbrannyye proizvedeniya* (Perevod J. Sharipova) [Selected works (translate by J. Sharipov)]. Tashkent, 1960. 85 p. (In Uzb.).
7. Makhtumkuli. *Proizvedeniya* [Works]. Ashgabat, 1992. 97 p. (In Turkmen.).

8. Makhtumkuli. *Izbrannoye* (Perevod M. Kenjabeka) [Favorites (translate by M. Kenjabek)]. Tashkent, 2004. 86 p. (In Uzb.).
9. Makhtumkuli — Fragi. *Izbrannoye* (Perevod A. Jumaeva i J. Zulpiyeva) [Favorites (translate by A. Jumaev and J. Zulpiyev)]. Tashkent, 2008. 120 p. (In Uzb.).
10. Makhtumkuli. *Dunovenye vetra* (Perevod M. Azima) [Instants of the wind (translate by M. Azim)]. Bukhara, 2013. 200 p. (In Uzb.).
11. Makhtumkuli. *Pesn' solovya* (Perevod E. Ochilova) [The song of the Nightingale (translate by E. Ochilov)]. Tashkent, 2014. 320 p. (In Uzb.).
12. Olimov S., Matyakubov A. *Uzbekskiyeye perevodchiki Lermontova* [Lermontov's Uzbek translators]. Tashkent, 1989. 84 p. (In Uzb.).
13. Ochilov E.Z. *Edinstvo formy i sodержaniya v perevode rubai* [The unity of form and content in translation of Rubai]. Tashkent, 1994. 152 p. (In Uzb.).
14. Ochilov E. Volshebstvo rubai (predisloviye) [Magic of Rubai (Preface)]. *Muzika lubvi (Rubai)* [Music of love (Rubai)]. Tashkent, 2005. 98 p. (In Uzb.).
15. Ochilov E. Uzbekskiyeye perevody proizvedeniy Makhtumkuli [Uzbek translations of works of Makhtumkuli]. *Uzbekskiy yazyk i literatura* [Uzbek language and literature.]. Tashkent, 2008, no. 5, pp. 56–61. (In Uzb.).
16. Ochilov E. *Problemy khudojestvennogo perevoda* [Problems of literary translation]. Tashkent, 2014. 225 p. (In Uzb.).
17. Ochilov E. *Tolkovyy slovar' perevodovedeniya* [Dictionary of translation studies]. Tashkent, 2014. 260 p. (In Uzb.).
18. Salomov G., Isamuddinov Z. *Perevod – gruz dvukh mirov ...* (Predisloviye) [Translate — loads of the two worlds... (Preface)]. *Problemy perevoda* [The problems of translation], book 2. Tashkent; Samarkand, 1991. 138 p. (In Uzb.).

УДК 802/809.1-52+811.112.2
ББК 81.2+81.2 Нем.

МАНИПУЛЯЦИЯ С ПОМОЩЬЮ НЕВЕРБАЛЬНЫХ СРЕДСТВ ОБЩЕНИЯ: ВОЗМОЖНО ЛИ ЭТО?

А. В. Сафина

Бакирский государственный университет, Уфа, Россия

Дано описание такого явления, как «манипуляция». Автором предложено определение данного феномена, рассмотрены различные средства выражения манипуляции: в частности, невербальные средства и их основные виды. На материале немецкого кинематографа XXI в. проанализированы диалоги, в которых использованы манипулятивные уловки, где, благодаря невербальным средствам общения, манипулятор достигает своих скрытых целей.

Ключевые слова: *манипуляция, манипулятор, невербальные средства общения, эмоция, мимика, жесты.*

*«Часто немые глаза красноречивее уст»
(Публий Овидий Назон)*

Целью данной статьи является описание признаков и невербальных средств выражения манипуляции как вида психологического воздействия при коммуникативном общении немцев. Материалом для анализа послужили диалоги из немецкого кинематографа начала XXI в.

В последнее время ученые, занимающиеся вопросами лингвистики и психолингвистики, стали обращаться к такому явлению, как манипуляция. В этом нет ничего удивительного: современное общество, нацеленное на получение выгоды, использует все средства для достижения своих целей. Манипуляция в лингвистике изучена поверхностно и обрывочно и имеет не одну дефиницию, данную психологами, философами и лингвистами. Обратимся к некоторым из них. Известный психолог Е. Л. Доценко определяет манипуляцию как «вид психологического воздействия, искусное исполнение которого ведет к скрытому возбуждению у другого человека намерений, не совпадающих с его актуально существующими» [2. С. 58]. Политолог и ученый С. Г. Кара-Мурза в своих многочисленных работах относится к манипуляции весьма критично. Он считает данное явление аморальным и описывает его на примерах поведения российской власти во времена перестройки. Однако стоит отметить, что не все ученые так категоричны по отношению к манипуляции. Например, Е. Л. Доценко, Г. А. Копнина, В. С. Комаровский в своих работах приводят примеры, когда манипуляция была совершена во благо манипулируемого.

Так сложилось, что в значении русского понятия «манипуляция» присутствует отрицательная эмоциональная коннотация. В толковом словаре С. И. Ожегова мы находим следующее определение: «Манипуляция, -и, ж. 1) Сложный прием, действие под чем-н. при работе руками, ручным способом (книжн.); 2) перен. Прodelка, махинация (неодобр.)». Мы бы хотели обратиться к понятию манипуляции и представить один из видов ее выражения: невербальные средства. Основываясь на знаниях, полученных нами из работ других ученых, а также из собственного опыта, постараемся дать понятию «манипуляция» собственное определение.

Манипуляция — это вид коммуникативного воздействия, при котором адресант с помощью вербальных и невербальных средств общения старается внушить адресату определенное мнение, побуждающее его (адресата) к действиям, которые в конечном итоге приведут манипулятора к его скрытым целям.

Рассматривая невербальные средства общения как один из видов выражения манипуляции, нам стоит уточнить, что данный вид невозможно исследовать отдельно, а лишь в совокупности с вербальными средствами.

В своей работе Т. М. Николаева подтверждает данную мысль: «Невербальные средства коммуникации сочетаются с вербальными и создают одно смешанное (так называемое «креолизованное») высказывание» [6. С. 51]. Исследуя феномен манипуляции с помощью невербальных средств общения, нам удастся отделить вербальный код

общения от невербального, но в речи мы всегда используем их совместно.

Постараемся выделить определенные невербальные средства, применяемые адресантами для успешного проведения своих манипуляций. Для начала дадим определение такому феномену, как «невербальное общение». Как известно, данная проблема имеет давнюю историю. В XX в. благодаря работам шведского ученого Р. Бердвистелла была выделена особая область исследования — кинесика, занимающаяся внешним проявлением человеческих чувств и эмоций, а именно мимикой, жестикой и пантомимикой.

В нашей стране невербальные средства общения стали объектом изучения в 1960-е гг. Особенно известными в данной сфере можно считать работы Г. М. Андреевой, О. С. Ахматовой, А. П. Бугаевой, А. А. Бодалева, Г. Е. Крейдлина, В. А. Лабунской и др.

По мнению В. А. Лабунской, для невербального общения «характерно использование невербального поведения и невербальных коммуникаций в качестве главного средства передачи информации, организации взаимодействия, формирования образа и понятия о другом партнере, осуществление влияния на другого человека» [3. С. 87]. Действительно, наше поведение, в частности, наш голос, внешний вид, манера речи, осанка — все это может тем или иным образом повлиять на партнера. Многие ученые едины во мнении, что с помощью вербальных средств общения передается информация, а невербальные средства служат для того, чтобы передать эмоции (улыбка — радость, нахмуренные брови — гнев, досада), построить межличностные отношения (сжатие кисти в знак сочувствия), а в некоторых случаях даже для передачи сообщения (кивок головой — в знак согласия, взмах рукой вместо словесного «Привет!»). Как пишет в своей работе Г. А. Михеева: «Невербальное общение наполняет коммуникацию живым человеческим содержанием и важно при передаче эмоциональных состояний, выступая своеобразной формой общения» [4. С. 429].

Невербальные средства коммуникации делятся по их функциональности на четыре вида: оптический, акустический, тактильный и ольфакторный. Оптический вид самый обширный, он включает в себя внешний вид и выразительные движения человека: жесты, мимику, позы, походку, контакт глазами. Акустический вид

представляет из себя все, с чем связано звуковое оформление информации: громкость голоса, тембр, его высота, темп речи, смех, покашливание, хныканье, паузы, фразовые и логические ударения. Тактильный вид связан с прикосновениями, а ольфакторный — со вкусом и обонянием. В нашей работе ольфакторный вид придется опустить, манипуляция с помощью запахов является скорее частным случаем, нежели закономерностью.

Как было упомянуто выше, мы будем рассматривать невербальные средства общения в совокупности с вербальными. Многие ученые едины во мнении, что изучение процесса коммуникации будет плодотворным именно в том случае, если вербальное поведение человека исследуется во взаимодействии с невербальными средствами, так как «в передаче той или иной информации непосредственно участвуют, помимо словесного кода, и невербальный канал общения» [1. С. 326].

Манипуляция как один из видов воздействия особенно успешна в тех случаях, когда манипулятор затрагивает чувства адресата, вызывает у него соответствующие эмоции. Можно даже сказать, что она возможна лишь в таких случаях. В своей книге «Психология эмоций: я знаю, что ты чувствуешь» известный американский психолог Пол Экман рассуждает о значимости эмоций в жизни человека. «Эмоции определяют качество нашей жизни. Эмоции могут спасти нам жизнь, но они могут и причинить нам серьезный вред» [8. С. 10]. Эмоции сопровождают нас на протяжении всей жизни, и даже их отсутствие уже является свидетельством определенного душевного состояния человека. Манипулируя кем-либо, мы стараемся вызвать у человека определенную эмоцию, и чем искуснее манипулятор, тем более подходящие приемы он выберет для того, чтобы вызвать у манипулируемого определенную эмоцию, которая и подтолкнет его к желаемым действиям.

В фильме Аники Декер «Идеальные женщины» демонстрируются отношения одной из главных героинь со своим коллегой по работе. Молодой человек использует девушку в собственных целях, манипулируя ею на протяжении всего фильма. Однажды она приходит к нему в гости в новом платье. Он, стараясь быть остроумным, небрежно заявляет ей: «*In diesem Kleid siehst du wie ein Tannenbaum aus*». Однако девушку сильно расстраивают эти слова, и, увидев ее реакцию, он понимает всю глупость сказанного и меняет свою тактику. Пол Экман пишет о проявлении печали

у других людей следующее: «Заметным и надежным симптомом печали являются изогнутые углом вверх внутренние уголки бровей. Сильная печаль отражается и в нижней части лица: губы вытянуты по горизонтали, верхняя губа приподнята кверху, а нижняя губа слегка дрожит» [8. С. 131–132]. Действительно, на лице нашей героини можно разглядеть те же самые признаки.

В деловом мире в арсенал невербальных средств общения входят: обстановка, в которой проходит встреча, фасад офисного здания, его архитектура, элементы украшения и освещения. Определенный посыл несут также имеющиеся в оформлении цвета. При этом если в деловом мире мы можем говорить о характере самой компании, то в повседневной жизни обстановка в комнате говорит зачастую о характере ее обладателя. Обстановка в квартире влияет на наше впечатление о человеке, и, наоборот, если мы чувствуем себя с человеком комфортно, то и у него в гостях нам будет уютно и свободно. Такие вещи влияют на наше подсознание, и с этим тяжело бороться, поэтому маркетологи используют это в своих целях. В фильме режиссера Марко Петри «Игра в доктора» девушка, в которую был влюблен главный герой, обладает несносным характером: она самовлюбленная и избалованная личность, использующая людей в собственных целях. При этом она не особенно умна. В интерьере ее комнаты преобладает розовый цвет, а на кровати множество мягких игрушек и ярких вещей, обклеенных стразами. Главный герой, впервые попав к ней в гости, окинул ее комнату весьма разочарованным взглядом. Эти мелочи, порой не сразу бросающиеся в глаза, указывают на некоторые особенности в характере девушки.

В своей книге «Громче слов. Как понять невербальные сигналы» Дж. Наварро и Т. Скьярра Пойнтер подчеркивают всю значимость невербальных средств коммуникации: «Они (невербальные средства) поразительно усиливают действие наших слов и поступков, но вместе с тем едва поддаются определению и объяснению. Этот язык универсален для всего человечества, однако в большинстве случаев его роль остается незамеченной» [5. С. 10].

В комедии Флориана Давида Фица «Самый крутой день» сталкиваются два противоположных друг другу характера: занудный и осторожный музыкант Анди и веселый непринужденный Бенно. Их объединяет лишь одно: они оба смер-

тельно больны. Бенно приходит в голову взять кредит на Анди, чтобы якобы устроить для них самый крутой день в жизни. Далее из сюжета мы узнаем, что деньги нужны Бенно для других целей. Он не знает, как переубедить Анди, но прекрасно осведомлен по поводу одной слабости Анди: молодой человек хочет оставить после своей жизни след в истории. Именно этот факт манипулятор и использует как уловку:

Benno: Willst du noch was erleben?

Andi: Ja, schon...

Benno: Verstehst du mich? Wir können machen, was wir wollen. Du nimmst einen Kredit auf, wir machen halbe-halbe, wir müssen niemals zurückzahlen!

Andi: Wieso nicht?

Benno: Weil wir danach tot sind.

Бенно придает своему голосу таинственности и переходит на шепот, произнося данное предложение.

Andi: Aber dann zahlt das Geld niemand anders. Das ist nicht fair.

Benno: Ach, fair, fair, ist es fair, dass wir sterben müssen? Ist es fair, dass du solche bescheuerte Haare hast?

Он снова продолжает уговаривать Анди, срывая с его шеи медальон, который играет важную роль в жизни молодого человека.

Benno: Ich hab es! Du willst was hinterlassen? Du willst, dass die Leute wissen, wer du bist? Ich habe eine Idee, wir machen einen Blog. Diesmal richtig, nicht so ein Scheiß wie du. Zwei Jungs, die sterben, zwei Jungs, die das System reinlegen, wir holen uns Geld und machen das, von dem die Penner da draußen nur träumen können. Und das alles posten wir. Und dann (nayza) wenn wir beide sagen, das war der geilste Tag in meinem Leben, dann machen wir Schluss. Und nach dem letzten Post, Andi, glaub mir, da weiß jeder, wer du bist! Deal? [10].

Живая мимика Бенно, его жест со срыванием медальона, переход с нормальной громкости на шепот — все эти невербальные средства оптического, тактильного и акустического вида в сочетании со словами производят на Анди неизгладимое впечатление, и он соглашается.

В фильме «Путешествие Анны» Анна (главная героиня) хочет получить от своей матери, работающей в бюро с волонтерскими программами, справку о том, что она якобы проходила практику в Израиле. Данная справка нужна Анне для устройства на успешную работу. Мама же не хочет давать ей эту справку, потому что обижена на дочь и не собирается заниматься

фальсификацией. Между ними происходит следующий диалог:

Tochter: Was ist denn?

Mutter: 6 Monate meldest du dich nicht. Dann tauchst du plötzlich wieder auf. Sagst, dass es dir ein Zeugnis fehlt.

Tochter: Es ist nur ein Brief.

После того, как мама не идет на уговоры, дочь выходит из себя и собирается уходить.

Tochter: Einmal in deinem Leben hättest du mir eine richtige Mutter sein können, einem wird immer geholfen, nur deiner eigenen Tochter nicht, und da klatschen auch deine guten Menschenfreunde Beifall für dich [11].

В вышеприведенном примере при слове *einmal*, звучащим рефреном, который в свою очередь выполняет усиливающую функцию, Анна поднимает вверх указательный палец и трясет им, визуализируя этот «один раз».

Говоря о жестах, нужно упомянуть немецкого психолога Веру Биркенбил, которая подразделяет все жесты на широкие и мелкие. Психолог подчеркивает, что чем сильнее выражаемое чувство, тем больше проявляется жестикуляция. М. А. Поваляева и О. А. Рутер также указывают на различия между жестами: «Широкие жесты характерны для экспансивной натуры, склонной к открытому проявлению чувств. Поскольку широкое движение притягивает к себе внимание, его используют те, кто хотел бы быть замеченным и подчеркнуть свою значимость, — люди властолюбивые, тщеславные и хвастливые» [7. С. 69]. Главная героиня данного фильма также вела себя поначалу тщеславно и властолюбиво, надеясь, что сможет манипулировать матерью, давя на ее слабые стороны.

В следующем диалоге мы видим манипуляцию иного рода: манипулятор встает на сторону манипулируемого, оказывая ему мнимую поддержку.

В комедии Миры Тиль «Вольные пташки» у главной героини произошел разрыв в отношениях, и она очень тяжело переживает это расставание. Девушка живет в коммуналке вместе с двумя парнями. Когда одному из них надоедает, что она очень громко рыдает, он решает занять ее делом и заодно навести порядок в квартире.

Sie: Alles in Ordnung.

Er: Ich hab' leider Gefühl, dir geht's nicht so gut.

Sie: Wie kommst du darauf?

Er: Nur so ein Gefühl. Also wenn es mir mal schlecht ging, dann putzte ich.

Sie: Was?

Er: Ja.

Sie: So ein Schwachsinn!

Er: Mhm (качает головой и издает звук, свидетельствующий об отрицании). *Als ich damals Studiengenosse war, habe ich zwei Wochen durchgefollert.*

Sie: Wirklich? Du hast studiert?

Er: Willst du, dass die Verletzung getreten ist, putze zuerst.

Sie: Mein Herz ist gebrochen. Mein ganzes Leben ist eine Trümmer. Ich hab noch nie mal ein Zuhause. Und du sagst mir jetzt muss ich mal putzen, damit es mir besser geht?

Er: Ich wollte nur helfen [12].

С последней репликой он ставит перед ней ведро со шваброй и остальными средствами для уборки и выходит из комнаты.

В данной ситуации молодой человек ведет себя как лидер и хозяин положения: он жует перец во время разговора, сидит выше девушки и чуть нагибается к ней. Такое поведение указывает на признаки поведения лидера. В своем пособии М. А. Поваляева и О. А. Рутер выделяют следующие признаки лидера: «Лидеры в группе обычно те, кто сидит откинувшись на спинку стула, сложив руки за головой и т. п. Чтобы подчеркнуть весомость своих слов, они слегка наклоняются вперед» [7. С. 89].

Приведем еще один пример манипуляции, где в силу вступает также и наше тело. В молодежной комедии Марка Ротемунда «Фанатки на завтрак не остаются» главная героиня залезает в закрытый дендрарий, чтобы украсть оттуда кактус. Она случайно сталкивается там с молодым рок-исполнителем, у которого проходит в этом месте фотосессия. Между ними возникает небольшой спор:

Er: Ja, ok, nur ein Foto, ich hab' es eilig.

Sie: Ich bin hier nicht deswegen...

Er: Was machst du denn hier?

Sie: Was machst eigentlich du hier? [13].

Во время последней фразы девушка подпирает ладонями бока. Данная поза, «поза возмущения», свидетельствует о том, что она пытается надавить на парня и тем самым перевести внимание с себя на него.

Проанализированные примеры помогают нам сделать вывод о том, что манипуляция в межличностном общении возможна при помощи невербальных средств. Такая манипуляция встречается повсеместно.

Невербальные средства общения сами по себе не могут создать ситуацию, в которой один человек будет манипулировать другим. Однако они могут стать хорошим импульсом для того, чтобы она состоялась и была успешной. Прикосновения, жесты, улыбки или гримасы, громкость и тональность голоса: например, срывание кулона с шеи, расстроенное лицо, переход на таинственный ше-

пот, «поза лидера» — вызывают у адресата определенную эмоцию, которая, в свою очередь, дает манипулятору возможность успешно достичь своих целей. Таким образом, данное исследование помогло установить наиболее распространенные средства невербальной коммуникации, участвующие в целях манипуляции в немецкой культуре, такие как поза, жесты, мимика и голос.

Список литературы

1. Газизов, Р. А. Коммуникативная категория вежливости в немецкой лингвокультуре (ситуативно-стратегический анализ) : дис. ... д-ра филол. наук / Р. А. Газизов. — Уфа, 2011. — 395 с.
2. Доценко, Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита / Е. Л. Доценко. — М., 1997. — 344 с.
3. Лабунская, В. А. Проблема обучения кодированию-интерпретации невербального поведения / В. А. Лабунская // Психолог. журн. — 1997. — Т. 18, № 5. — С. 87–89.
4. Михеева, Г. А. Невербальные средства общения субъектов образовательного процесса вуза / Г. А. Михеева // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. — 2008. — Вып. 65. — С. 427–435.
5. Наварро, Дж. Громче слов. Как понять невербальные сигналы / Дж. Наварро, Т. С. Пойнтер. — Минск, 2011. — 288 с.
6. Николаева, Т. М. К вопросу о назывании и самоназывании в русском речевом общении / Т. М. Николаева // Страноведение и преподавание русского языка иностранцам. — М., 1972. — С. 134–150.
7. Поваляева, М. А. Невербальные средства общения / М. А. Поваляева, О. А. Рутер. — Ростов н/Д, 2004. — 352 с.
8. Экман, П. Психология эмоций. Я знаю, что ты чувствуешь / П. Экман. — СПб., 2010. — 334 с.
9. Traumfrauen. Reg. Anika Decker. — Deutschland, 2015.
10. Der geilste Tag. Reg. Florian David Fitz. — Deutschland, 2016.
11. Hannas Reise. Reg. Julia von Heinz. — Deutschland, 2013.
12. Gut zu vögeln. Reg. Mira Thiel. — Deutschland, 2016.
13. Groupies bleiben nicht zum Frühstück. Reg. Marc Rothemund. — Deutschland, 2010.

Сведения об авторе

Сафина Арина Валерьевна — аспирант кафедры французской и немецкой филологии, факультет романо-германской филологии, Башкирский государственный университет. Уфа, Россия. arinadeutsch@gmail.com

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2017. No. 3 (399). *Philology Sciences. Iss. 105. Pp. 110–115.*

MANIPULATION WITH THE USE OF NON-VERBAL MEANS OF COMMUNICATION: IS IT EVEN POSSIBLE?

A. V. Safina

Bashkir State University, Ufa, Russia. arinadeutsch@gmail.com

The article defines the concept of such a phenomenon as manipulation. The author suggests her own definition of this type of social influence. The research is based on the analysis of dialogues containing manipulative acts and taken from the German cinematography of the 21st century. The means of manipulation realization are viewed in the process of speakers' interpersonal impact, the focus of the study being on non-verbal means which are divided into four types: visual, acoustic, tactile and olfactory. The most often used means of the visual type include smiles and grimaces, positions, gestures. Timbre, allocation of voice, whisper instead of normal voice volume and some others belong to the acoustic type. As for the tactile type, we can mention

touching as the most frequently occurring means of manipulation. A part of the article is devoted to emotions and their meaning in our life because manipulation can be successful only when an addressee has strong emotions. Manipulative acts cannot be conducted only due to non-verbal means, but the addressant has more chances to change the addressee's communication style in favor of them if they use non-verbal means while giving the necessary information, acting in a different way and so on.

Keywords: *manipulation, manipulator, non-verbal means of communication, emotion, mimic, gestures.*

References

1. Gazizov R.A. *Kommunikativnaya kategoriya veshlivosti v nemeckoy lingvokulture (situativno-strategicheskiy analiz)* [Communicative category of the politeness in the German linguoculture (situational-strategic insight)]. Ufa, 2011. 395 p. (In Russ.).
2. Docenko E.L. *Psihologiya manipulyatsii: fenomeny, mekhanizmy i zashhita* [Psychology of manipulation: phenomena, mechanism and protection]. Moscow, 1997. 344 p. (In Russ.).
3. Labunskaya V.A. Problema obucheniya kodirovaniyu-interpretatsii neverbalnogo povedeniya [The problem of educational interpretation of non-verbal communication]. *Psihologicheskiy zhurnal* [The psychological magazine], 1997, vol. 18, no. 5, pp. 87–89. (In Russ.).
4. Miheeva V.A. Neverbalnye sredstva obscheniya subjektov obrazovatel'nogo processa vuza [Non-verbal means of communication of University's educational process subjects]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena* [News of Herzen University Journal of Humanities & Sciences], 2008, iss. 65, pp. 427–435. (In Russ.).
5. Navarro Dj, Poynter T.S. *Gromche slova. Kak ponyat' neverbalnye signaly* [Louder than words: take your career average to exceptional with the hidden power of nonverbal intelligence]. Minsk, 2011. 288 p. (In Russ.).
6. Nikolaeva T.M. K voprosu o nazyvanii i samonazyvanii v russkom rechevom obschenii [To the question of denomination and self-denomination in Russian verbal communication]. Vereschagina E.M., Kostomarova V.G. (eds.). *Stranovedenie i prepodavanie russkogo yazyka inostrancam* [Country study and study of Russian to foreigners]. Moscow, 1974. Pp. 134–150. (In Russ.).
7. Povalyaeva M.A., Ruter O.A. *Neverbal'nye sredstva obscheniya* [Non-verbal means of communication]. Rostov-on-Don, 2004. 352 p. (In Russ.).
8. Ekman P. *Psihologiya emotsiy. Ya znayu, chto ty chuvstvuesh'* [Lies and Emotions]. Saint Petersburg, 2010. 334 p. (In Russ.).
9. *Traumfrauen. Reg. Anika Decker.* Deutschland, 2015. (In Germ.).
10. *Der geilste Tag. Reg. Florian David Fitz.* Deutschland, 2016. (In Germ.).
11. *Hannas Reise. Reg. Julia von Heinz.* Deutschland, 2013. (In Germ.).
12. *Gut zu vögeln. Reg. Mira Thiel.* Deutschland, 2016. (In Germ.).
13. *Groupies bleiben nicht zum Frühstück. Reg. Marc Rothmund.* Deutschland, 2010. (In Germ.).

УДК 821.161.1.09"1992/
ББК 83.3 (2РОС=Рус)6

О ПРЕКРАСНОМ И БЕЗОБРАЗНОМ: МИФОПОЭТИКА «КНИГИ» В. ЗАБАЛУЕВА И А. ЗЕНЗИНОВА «КРАСАВИЦЫ. VERBATIM»

Е. А. Селютина

Челябинский государственный институт культуры, Челябинск, Россия

В современной драматургии наблюдается процесс жанровых трансформаций под влиянием индивидуальных авторских поисков. Материалом исследования является пьеса «Красавицы. Verbatim» (работа велась по рукописи из архива авторов), которая рассматривается как продолжение эстетического спора о «прекрасном» и «безобразном». «Книга» о «красавицах» анализируется в контексте мифопоэтики как отражение культурных гендерных мифов.

Ключевые слова: мифопоэтика, современная драматургия, В. Забалуев, А. Зензинов, «Красавицы. Verbatim», вербатим.

В статье, опубликованной по итогам постановки пьесы «Красавицы. Verbatim», В. Забалуев и А. Зензинов пишут: «Сегодня единственно возможная политическая позиция — это позиция эстетическая. Нам кажется, что все гораздо серьезнее и заново формирующаяся сегодня эстетика заменяет и покрывает собой все — политику, религию, идеологию, мораль, философию...» [7]. Тем самым авторы определяют проблемное поле исследования, прогнозируя возможные пути анализа произведения. В этом смысле мы можем говорить, что путь презентации нового художественного явления в данном случае определен автокомментированием, актуальным для современного этапа существования литературы, что было отмечено еще В. Курицыным при обосновании теории русского постмодернизма [11]. Одновременно с этим есть основание полагать, что выбор эстетической категории — «красоты» — осознавался авторами как некая амбициозная задача, предполагающая вывод спора о предмете прекрасного на новый виток: «Нам всегда казалось, что вербатим — высшая форма искусства ради искусства, из озорства прикинувшаяся остросоциальной драмой. А если так, то о чем же писать пьесу-вербатим, как не о главной категории искусства — красоте?» [7].

Но само исследование «красоты» как эстетической категории существует в неразрывной связи с ее категориальной противоположностью — «безобразным». Не случайно эти категории имеют амбивалентный характер, максимально широкое наполнение. Спор о «прекрасном» и «безобразном» ведется не одно тысячелетие

в разных областях гуманитарного знания, прежде всего, в эстетике, являясь одной из субстанциональных проблем, поставленных перед человечеством. В данном случае область спора ограничена жанром вербатима, где вопросно-ответную форму авторы обнажают, пользуясь структурой нарративного интервью.

Авторы обозначают жанр своего произведения в многочисленных критических выступлениях, полагая вывод жанровой составляющей в названии (Verbatim) и подзаголовке (пьеса-вербатим для чтения вслух в двух действиях и шестнадцати сценах) недостаточным. Для Забалуева-Зензинова жанром «Красавиц. Verbatim» становится «книга». Предлагая семантическое наполнение слова «книга», есть основание рассуждать об устойчивом восприятии этой лексемы в сакральном смысле, что возводит ее к Библии (Книге Книг). То есть авторы создают «Книгу Книг» — Библию красоты. Но такое жанровое прочтение для авторов очень одномерно, так как они считают, что книга о красоте должна быть подобна синкретичным по своей природе «Книге о вкусной и здоровой пище» и условной хорошей детской книге, где есть не только текст, но и картинка (не случайно режиссер первой постановки пьесы О. Лысак активно задействовала экран в сценическом решении пьесы, сохранив рекомендации авторов). Забалуев и Зензинов выводят «Красавиц. Verbatim» в область ритуала, архаических практик, соединяющих все виды искусства в неразрывное целое. Поэтому в определении жанра речь идет, прежде всего, о формальных компонентах текста: «В литературе,

как в музыке, утверждается одно-единственное действующее лицо — ритм. И один закон — закон *смены* ритма, именуемый в других терминах *сломом темы и переменной участи* [курсив авторов. — Е. С.] [7]. «Нам показалось, что новая художественная техника и рождающаяся из нее новая эстетика выходят за рамки собственно театра и способны стать инструментом радикального обновления литературы» [7]. Многие фрагменты пьесы оформлены в виде череды стихов — стихотворных строчек, написанных верлибром; сами сцены представлены как главы-истории, между ними нет событийной связи, причинно-следственных отношений.

Пьеса «Красавицы. Verbatim» вызвала разногласные суждения (речь в основном о прессе), но не оставила равнодушными, вероятно, именно потому, что авторская установка опросить не представителей субкультур или городских маргиналов, а женщин без криминального или травматического прошлого была на тот момент выламывающейся из типичных подходов к реализации техники верbatim (см. подборку отзывов в прессе на сайте «Театр.doc» [10]). Специфика существования этой пьесы в современной литературе — отсутствие полного текста в свободном доступе (на сегодняшний день пьеса не опубликована, работа велась по рукописи из архива авторов), в 2006 г. фрагменты пьесы были представлены в качестве иллюстрации художественной стратегии авторов [6]. Вариант пьесы, который сами авторы считают «другим» (специальной версией для печати), публиковался в интернет-издании «Сетевая словесность. Современная русская литература в Интернете» [5].

Авторы взяли интервью у 18 красавиц, женщин разного возраста, социального статуса и т. п., опрашивая их в Москве и Костроме. В итоге у них сложилась энциклопедия мифов о красоте, вариативных значений термина на современном этапе, представленных через изобразительность художественного слова, где лексема «красота» выступает инвариантом. Список действующих лиц представляют: «Малышка, 16 лет, в чем она чистосердечно признается; Принцесса, производит впечатление 16-летней, но утверждает, что ей 20; Мечтательница, отказывается говорить о своем возрасте; Атаманша, говорит, что ей 30, но кто ж ей поверит — 16 и только 16; Дама сердца, была, есть и будет 16-летней, при этом говорит о 38 годах за плечами». Пять женских и пять мужских персонажей не создают равновесия: в данном слу-

чае тот, кто больше говорит, не является тем, кто принимает решения.

Предположение о мифопоэтической природе данной пьесы, на наш взгляд, более чем оправданно, так как авторы работают одновременно в двух плоскостях: они интерпретируют готовые культурные мифы о женщинах и женском начале (от античных до современных) и сами создают эти мифы, главный из которых — красота не есть преимущество женщины (о возможности такого подхода см., например, работы Р. Барта [1; 2]). Женский мир, созданный путем подробного анализа коммуникативных возможностей современной женщины, прописан как множество вариантов жизненных сюжетов, разворачивающихся в заданных обстоятельствах.

Формулируя вопросы, Забалуев и Зензинов (в пьесе их представляет нарратор «автор» и ролевые нарративные мужские маски «Бандос», «Кот Арчик», «Манекенщик, он же топ-модель», «Ребенок») ограничивают сферу рассуждений в нарративных интервью героинь в пределах некоторого количества стереотипных культурных, гендерно обусловленных суждений о красоте, чтобы выявить насколько они «работают» в каждом конкретном примере. И хотя в теории жанра верbatim должна реализоваться «смерть автора» (Р. Барт), так как он предполагает не просто максимальную устраненность авторского голоса из текста — слово *verbatim* переводится с латинского как «дословно», а материалом для каждого спектакля служат интервью с представителями той социальной группы, к которой принадлежат герои планируемой постановки (расшифровки интервью составляют канву и диалоги постановки) (см., например, о теории верbatimа [4; 7]), в данной пьесе авторы формируют не только нарративную энергию направляющего типа, но и являются важным персонажем, введенным в перечень действующих лиц («Автор»). При этом часть вопросов авторы передают другим нарраторам («Ребенок», «Бандос»), формируя поле гендерного противостояния «мужчины — женщины». Цели верbatimа и цели нарративного интервью как метода исследования персоны совпадают: «основная цель нарративного интервью — получить информацию о наиболее типичных биографических процессах, характерных для некоторой специфической группы людей, причем с позиции видения этих процессов самими рассказчиками» [12. С. 493].

В качестве готовых форм для реализации человеческой истории выступают следующие

семантические поля исходных эстетических категорий «прекрасное» — «безобразное». «Прекрасное»: красота — это этический стержень в человеке («Надо быть хорошей девочкой, и тогда у тебя все будет хорошо»); красота — это естественно («оказывается, я была самой красивой девушкой в классе»); красота — не гарантия личного счастья (глава «Мои говнюки»); «продажной любви не бывает»; «к красоте привыкнуть нельзя» («Если это предмет, то... к нему можно привыкнуть. Но вот если это там предмет живописи-и-и... Типа Ван Гога, да? — к нему привыкнуть нельзя»).

«Безобразное»: секс — это некрасиво (вопросы об имитации оргазма); в России — нездоровое отношение к красоте («Мне кажется, гораздо проще быть красивой где-нибудь там или в Калифорнии, или на Юге Франции. <...> А те женщины, которые пытаются быть красивыми в России, это наверно, действительно... какие-то большие молодцы, потому что смотрите: у нас серая погода, у нас все вопреки красоте, у нас солнца нету почти весь год, у нас лед... утро, семь утра, и ты едешь в метро, женщины покрашены, намазаны, на каблучках, прекрасно выглядят, и как это им удается, я не знаю, но... это здорово!»); красота сопровождается «бабской ревностью» (красивая женщина не воспринимается как профессионал некрасивыми женщинами, отношение предвзято: «Она нас гнобила просто. Это было чисто по-бабски, по-женски, и... Страшно было неприятно, потому что я понимала, что к моему профессиональному уровню эта гно... Гнобешка не имеет отношения, и меня водят мордой об стол за то, что я не тот заголовок поставила к статье и вообще профнепригодна...»); красота сталкивается с сексуальным насилием; старость — это некрасиво.

В пьесе авторы выбирают принцип равновесия, оба действия равно содержат по восемь сцен, причем в первой части речь идет о «прекрасном», а во второй — о «безобразном».

Мы полагаем, что таким образом авторы верифицируют, проверяют некоторое количество стереотипных позиций, связанных с восприятием женской красоты в современном социуме и культуре. Очень важно при этом отметить, что авторы отдают функцию направленного «вопрошания» именно мужским персонажам (здесь нет речи об уточняющих вопросах, микро-диалогах между героинями): создается ситуация, когда мужчины необходимо прояснять понятные любой жен-

щине вещи, говорить об интимном с «чужим», человеком, находящимся по другую сторону гендерных баррикад (*Дама сердца*: «Нельзя задавать интимные вопросы»). Показательны в этом плане побочные элементы данной пьесы. Так, например, глава «Бабская ревность» моделирует ситуацию извечной женской войны, для чего вводная ремарка организована как креолизованный текст: «На всех трех экранах — компьютерная игра, типа «Квейка» или «Лары Крофт, расхитительницы гробниц» (даны также картинки, иллюстрирующие указанные игры). Затем мужские персонажи пытаются задать вопрос: «Автор. А если вы... **Кот Арчик**. (Перебивая.) ... в обществе красивой женщины, у вас... **Манекенщик**. (Перебивая.) ... у вас возникает отношение конкуренции... **Бандос**. (Перебивая.) ... или наоборот?». А далее героини, рассказывая свои истории, имитируют игру в «войнушку» (ремарки: «Из-за черной двери слышны женские голоса. Трудно разобрать, что говорят, но отчетливо выделяется слово «стерва». Все громче и громче: «Стерва! Стерва!! Стерва!!!». <...> Принцесса «натягивает на лицо шапочку с прорезями для глаз, как у бойцов спецназа, выхватывает пистолет для игры пейнтбол, стреляет в Малышку». <...> **Малышка**. (Проделывает то же самое, что и Принцесса, только стреляет в Даму сердца). <...> **Мечтательница**. (Размахивая белым флагом.) Стрельба прекращается, все красавицы смущенно переглядываются, оправляются и приводят себя в порядок. На экранах вспыхивает надпись — «Game over»).

Но нарративное интервью как метод имеет условную предсказуемость, так как именно в выходе за пределы первоначально обсуждаемого вопроса формируется поле нового мифа. Очень точный вывод о семантической доминанте пьесы сделал театральный критик Г. Заславский, сказавший, что для красавиц «выгод в итоге — никаких» [8]. Мир красавиц определен теми же координатами, что мир женщин вообще. Они не уверены в себе, подвергаются давлению мужчин, которые внушают им, что на самом деле они не привлекательны, им изменяют: «**Манекенщик**. (Поднимаясь с кресла у барной стойки, томным, густым голосом.) Да они тебе врут. Ты что, не понимаешь? Ну, давай-ка! (Подходит к Мечтательнице, достает из кармана зеркало, подносит к ее лицу.) Ты посмотри на себя объективно. Какое ж у тебя самомнение! Какое у тебя самомнение и... Как ты вообще можешь такая вот жить? Посмотри, ка-

кие у тебя там ресницы! Посмотри, какая ты вся! И ты говоришь, что ты... **Мечтательница**. Вот, ну, я ему сказала, что вот-де мне говорят, что ты красивая, ты симпатичная. **Манекенщик**. Не думай, не думай об этом! Я хочу тебе помочь... **Мечтательница**. (*Выдох.*) О-ой!... Я стала думать, что, наверное, я... де-действительно некрасивая. И я как-то начала как-то стараться. Он писал списки того, что мне надо делать, чтоб ему угодить. А это был первый... м-мой молодой человек, и-и... я думала, конечно надо, конечно... У меня этот список сохранился, вот это... **Малышка**. А можешь что-нибудь перечислить из него? **Манекенщик**. (*Возвращаясь к стойке.*) Соблазнительные наряды... (*Наливает себе рюмку коньяка.*) **Кот Арчик**. ...обильная еда... (*Наливает себе рюмку коньяка.*) **Автор**. ...побольше фантазии... (*Наливает себе рюмку коньяка.*)

Бандос. ...чтение обучающей сексу литературы... (*Наливает себе рюмку коньяка.*) **Манекенщик**. ...полумрак и эротические танцы. (*Наливает себе рюмку коньяка.*) *Все четверо сдвигают рюмки и выпивают*». И, вообще, «мир людей ужасен»: «**Автор**. А жизнь — это красиво или безобразно? **Бандос**. Чего в ней больше? **Ребенок**. И то, и то!!! **Малышка**. Наверно, счас безобразного. Несправедливого. Неправильного... э-э-э...».

Таким образом, авторы работают в области сознательного конструирования культурного мифа о красоте и красавицах, предпринимая социологический анализ общего поля гендерных мифов, выводя субъективный опыт в область художественных обобщений методом нарративного интервью, создавая новые семантические вариации исходной темы.

Список литературы

1. Барт, Р. Миф сегодня / Р. Барт // Барт, Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. — М., 1994. — С. 72–130.
2. Барт, Р. Мифологии / Р. Барт. — М., 1996. — 312 с.
3. Боров, Ю. Б. Эстетика / Ю. Б. Боров. — М., 2012. — 511 с.
4. Десятирик, Д. Вербатим / Д. Десятирик // Словарь современной культуры. — URL: www.cdr.theatre.ru/directors/vartanov/2953/.
5. Забалуев, В. Другие / Красавицы: Пьеса-вербатим для чтения вслух в двух действиях и шестнадцати сценах / В. Забалуев, А. Зензинов. — URL: <http://www.netslova.ru/zenzab/krasavitsy.html>.
6. Забалуев, В. Красавицы. Verbatim / В. Забалуев, А. Зензинов [рукопись из личного архива авторов].
7. Забалуев, В. Verbatim. Вместо введения: британская история с русским продолжением / В. Забалуев, А. Зензинов // Октябрь. — 2006. — № 10. — URL: <http://mag.russ.ru:8080/october/2005/10/za7.html>.
8. Заславский, Г. Красиво жить не запретишь / Г. Заславский // Независимая газ. — 25.04.2005. — URL: http://krasavicy-verbatim.narod.ru/prensa_ng.htm.
9. История красоты / под ред. У. Эко. — М., 2010. — 440 с.
10. Красавицы. Verbatime. — URL: <http://www.teatrdoc.ru/events.php?id=27>.
11. Курицын, В. Постмодернизм как новая первобытная культура / В. Курицын // Новый мир. — 1992. — № 10. — С. 225–232.
12. Скурат, М. В. Нарративное интервью / М. В. Скурат // Постмодернизм: Энциклопедия. — Минск, 2001. — С. 493–494.
13. Угаров, М. Театр для всех / М. Угаров // Искусство кино. — 2007. — № 3. — URL: <http://kinoart.ru/archive/2007/03/n3-article21>.

Сведения об авторе

Селютина Елена Александровна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры литературы и русского языка, Челябинский государственный институт культуры. Челябинск, Россия. L22502@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2017. No. 3 (399). Philology Sciences. Iss. 105. Pp. 116—120.

ABOUT THE BEAUTIFUL AND THE UGLY: MYTHOPOETICS OF “BOOK” “KRASAVITSY (BEAUTY). VERBATIM” BY V. ZABALUEV AND A. ZENZINOV

E. A. Selyutina

Chelyabinsk State Institute of Culture, Chelyabinsk, Russia. L22502@yandex.ru

In this contemporary drama genre transformation process occurs under the influence of the individual author searches. The material analysis is to play “Krasavitsy. Verbatim” (currently not published piece, the work was carried out by the authors of the manuscript from the archive), which is considered in the context of a dispute about the aesthetic beauty and ugliness. “The Book” about “beauty” is analyzed as a reflection of cultural gender myths.

Keywords: *mythopoeitics, contemporary plays, B. Zabaluev, A. Zenzinov “Krasavitsy (Beauty). Verbatim”, verbatim.*

References

1. Bart R. Mif segodnja [Myth today]. Bart R. *Izbrannye raboty: Semiotika. Pojetika* [Selected works: Semiotics. Poetics]. Moscow, 1994. Pp. 72–130. (In Russ.).
2. Bart R. *Mifologii* [Mythology]. Moscow, 1996. 312 p. (In Russ.).
3. Borev Ju.B. *Jestetika* [Aesthetics]. Moscow, 2012. 511 p. (In Russ.).
4. Desjaticirik D. Verbatim [Verbatim]. *Slovar' sovremennoj kul'tury* [Dictionary of Contemporary Culture]. Available at: www.cdr.theatre.ru/directors/vartanov/2953/. (In Russ.).
5. Zabaluev V. *Drugie / Krasavicy: P'esa-verbatim dlja chtenija vsluh v dvuh dejstvijah i shestnadcati scenah* [Others / Beauties: A verbatim play for reading aloud in two acts and sixteen scenes]. Available at: <http://www.netslova.ru/zenzab/krasavitsy.html>. (In Russ.).
6. Zabaluev V. *Krasavicy. Verbatim* [Beauties. Verbatim]. (In Russ.).
7. Zabaluev V. Verbatim. Vmesto vvedenija: britanskaja istorija s russkim prodolzheniem [Verbatim. Instead of introduction: the British history with the Russian continuation]. *Oktjabr'* [October], 2006, no. 10. Available at: <http://mag.russ.ru:8080/october/2005/10/za7.html>. (In Russ.).
8. Zaslavskij G. Krasivo zhit' ne zapretish' [Beautiful life can not be forbidden]. *Nezavisimaja gazeta* [Independent newspaper], 25.04.2005. Available at: http://krasavicy-verbatim.narod.ru/prensa_ng.htm. (In Russ.).
9. Eko U. (ed.). *Istorija krasoty* [History of Beauty]. Moscow, 2010. 440 p. (In Russ.).
10. *Krasavicy. Verbatim* [Beauties. Verbatim]. Available at: <http://www.teatrdoc.ru/events.php?id=27>. (In Russ.).
11. Kuricyn V. Postmodernizm kak novaja pervobytnaja kul'tura [Postmodernism as a New Primitive Culture]. *Novyj mir* [New world], 1992, no. 10, pp. 225–232. (In Russ.).
12. Skurat M.V. Narrativnoe interv'ju [Narrative Interview]. *Postmodernizm: Jenciklopedija* [Postmodernism: Encyclopedia]. Minsk, 2001, pp. 493–494. (In Russ.).
13. Ugarov M. Teatr dlja vseh [Theater for all]. *Iskusstvo kino* [The Art of Cinema], 2007, no. 3. Available at: <http://kinoart.ru/archive/2007/03/n3-article21>. (In Russ.).

УДК 811.161.1'38
ББК 81.1

АКТУАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ОПИСАНИЯ НАУЧНОГО РЕГИСТРА РЕЧИ (на примере категории интертекстуальности)

В. Р. Тимирханов¹, Л. А. Самохина²

¹Башкирский государственный университет, Уфа, Россия

²Уфимский государственный нефтяной технический университет, Уфа, Россия

Рассматриваются характерные особенности этапов исследования научных текстов — функционально-стилистический, типологический, когнитивный, коммуникативно-прагматический. В рамках истории становления и изучения различных категорий научной речи анализируется понятие интертекстуальности, формы ее текстовой реализации и средства маркирования. В частности, рассматривается прием цитации как один из способов создания интертекстуальности научного регистра.

Ключевые слова: научный текст, автор и получатель научного произведения, типологические особенности научного текста, интертекстуальность, инструмент описания научной речи, цитирование.

Специальная лингвистическая интерпретация произведений научной литературы, возникнувшей в качестве самостоятельного жанра русского литературного языка еще на рубеже XVII–XVIII вв., широко начинается лишь с середины 60-х гг. прошлого века. Именно в это время в осмыслении научного регистра речи намечаются разновекторные тенденции, постепенно оформившиеся в типологические различия исследовательских подходов. Стремительный рост научной продукции во всех отраслях знания, серьезные изыскания в теоретическом языкознании этого периода привели к качественно новым запросам в области анализа текстов науки. Одними из первых на эти потребности откликнулись М. Н. Кожина, Н. С. Бухтиярова, О. А. Лаптева, Н. М. Разинкина, М. П. Сенкевич, А. Н. Васильева. Начальный этап исследований можно охарактеризовать как **функционально-стилистический**. Были выявлены основные стилиобразующие черты научной речи, кроме того, системному анализу подвергнуты единицы лексического и грамматического уровней и типичные способы их употребления. Повышенное внимание уделялось раскрытию экстралингвистических факторов, воздействующих на формирование релевантных признаков научного стиля, особенностей природы научного поиска человека, и специфике сферы научной коммуникации в отличие от других областей человеческого общения и опыта. В результате системного анализа получили строгое обоснование ведущие черты

научных текстов: понятность, обобщенность, точность, логичность, объективность и доказательность. Собственно лингвистические и функциональные особенности научных текстов в их единстве представлены авторами данной статьи в вузовском учебнике по стилистике русского языка [3].

Ближе к 80-м гг. XX в. в исследованиях научной речи актуализируется текстуально-коммуникативная проблематика. Типологические особенности научных произведений оказались в центре внимания М. Н. Кожиной, Ю. М. Ванникова, М. А. Гвенцадзе, И. М. Колегаевой. Так, теоретические постулаты М. Н. Кожиной о функциональной семантико-стилистической категории дали активный толчок рассмотрению понятий диалогичности, оценки, акцентности, гипотетичности в роли ключевых единиц, формирующих композиционно-смысловое пространство текстов науки. Textoобразующие единицы и категории научной речи стали предметом специальных исследований И. С. Бедриной, Н. В. Данилевской, Н. А. Красавцевой, Н. М. Лариохиной, Е. В. Петровой, В. Е. Чернявской. Специфику, межстилевые различия и жанрово-ситуативные разновидности научной речи от дискуссии до аннотации и от научно-технического перевода до реферата выясняли Л. М. Алексеева, Л. Ю. Иванов, О. К. Кудасова, В. И. Миронова, Е. Э. Науменко, В. А. Салимовский, Л. В. Славгородская, А. Стоянович, Е. С. Троянская. Целая серия лингвистических работ была посвящена особенностям устройства

научно-популярной литературы и приемам популяризации в науке (Л. А. Баташева, И. В. Богуславская, С. В. Кислицына, Н. Н. Маевский, В. В. Одинцов). Коммуникативные свойства научных текстов разрабатывались в работах М. Н. Кожиной, Е. М. Крижановской, Л. М. Лапп, Е. С. Троянской, С. Л. Нистратовой. Диалогичность научной речи была представлена в качестве категории, пронизывающей все этапы порождения научного текста от истоков формирования концепции до посткоммуникативной фазы ее реализации. Важные выводы были сделаны относительно функций, выполняемых создателем научного произведения, а также о принципиальной семантико-коммуникативной открытости данных текстов в сторону адресата. М. П. Котюрова, Л. Хоффман продолжали поиски социолингвистических оснований языка науки. Специальные исследования С. О. Глушаковой, М. Н. Кожиной и М. П. Котюровой, Л. Л. Кутиной, Н. М. Разинкиной были посвящены истории становления и изучения различных категорий научной речи. На фоне их изучения диалогизм научного текста мог интерпретироваться и весьма широко, особенно в свете ставшей популярной в гуманитарной коммуникативистике категории интертекстуальности.

Существенная характеристика научной деятельности как составляющей общего процесса человеческого познания такова, что формирование нового знания невозможно без опоры на старое, без оценки предшествующего научного багажа. Новая научная мысль рождается на основе «присвоения чужого опыта», с которым она вступает во взаимодействие, диалог, полемику. И поскольку любой научный текст непосредственно воспроизводит в своем содержании и структуре эту специфическую для данной сферы экстралингвистическую ситуацию, постольку релевантным и универсальным свойством каждого научного произведения становится интертекстуальность.

Интертекстуальность представляет собой текстовую категорию, отражающую взаимодействие текстов или их частей, а также принцип актуализации такого взаимодействия текстовых структур друг с другом. При этом интертекстуальность понимается также как форма реализации смысла одного текста (части этого текста) в пространстве другого. Интертекстуальность возникает в процессе обязательного позиционирования автора научного произведения по отношению к авторам-смежникам. «Интертекстуальность объясняет тот

факт, что всякое научное произведение лучевым образом — ретроспективно и перспективно — связано с другими исследованиями и выступает как своеобразный микротекст в общенаучном макротексте. Научная новизна отражает поступательность, эволюционность, преемственность научного познания во временном контексте», — пишет В. Е. Чернявская [4. С. 49].

Научный текст, в отличие, например, от художественного текста, в языке которого интертекстуальность может присутствовать в имплицитных, камуфлированных формах, располагает вполне отчетливыми средствами передачи сведений о принадлежности к тому или иному научному источнику. Эксплицитность таким образом становится обязательным условием интертекстуальной оформленности научного текста, с тем чтобы различия между носителями научной информации были прозрачны и очевидны для ее получателя. Кроме того, диапазон ресурсов интертекстуальности в языке науки по сравнению с беллетристической значительно уже и определеннее. Интертекстуальность в научной коммуникации имеет типичные средства маркировки, а именно: прямую, включающую различные способы цитации, и косвенную речь, примечания и комментарии, сноски и фоновые ссылки. Несмотря на видимые видовые отличия каждого из этих маркеров, проявляющиеся как в степени полноты и идентичности воспроизводства чужого текста, так и в собственно лингвистическом их оформлении, все они служат задачам композиционного структурирования межтекстового взаимодействия и интерпретации межтекстовых отношений в научном диалоге / полилоге.

В частности, характер обозначенных отношений является следствием реализации таких семантико-коммуникативных стратегий автора, как стремление обеспечить максимальную раздельность, гипостазированность своего и чужого текста при сохранении «духа и буквы» последнего или активное внедрение в структуру предшествующего текста как обсуждаемого и комментируемого. Результатом давления той или иной стратегии становятся превалирующие способы передачи текстовых заимствований.

Типология маркированных средств интертекстуальности, базируясь прежде всего на обозначенных выше стратегиях, опирается на принципы, учитывающие сразу несколько параметров: характер воспроизведения чужого текста (дословный либо трансформированный), степень

вербализованности (полноты выражения), авторская целеустановка (ведущая функция и задачи апелляции к чужому тексту), средства лингвистического и графического оформления границ межтекстового взаимодействия.

Рассмотрим интертекстуальную (диалоговую) природу одного из таких маркеров. Важнейшим средством создания интертекстуальности в языке науки является цитата, ориентированная на дословный, вербализованный, сохраняющий максимальную степень смысловой автономности и формальной отграниченности способ встраивания чужого текста в новую текстовую структуру. Обязательным текстовым спутником цитаты являются авторские ремарки, графические знаки оформленности прямой речи (в т. ч. в ряде случаев курсивные и шрифтовые), наличие точной ссылки. Ремарка призвана обеспечить позиционирование автора по отношению к научному смежнику (оппоненту), а также выступить средством композиционного включения цитаты в текст. Ремарка представляет собой синтагму различной протяженности, примыкающую к цитате справа, слева или разрывающую ее изнутри. Разнообразие приемов цитатной экспликации прямо зависит от коммуникативной задачи, преследуемой автором (прагматический аспект, прагматическая природа цитации). Это основание лежит в основе функционального разграничения видов цитаты.

Объяснительная цитата всегда встраивается в единую структуру средств авторской аргументации, являясь последовательным звеном в развитии логики научного рассуждения. Несмотря на то, что в общей теории риторики довод от авторитета не может быть признан настоящим аргументом, подобный тип цитаты в научном тексте используется именно с целью подкрепления доказательной базы. Обращение ученого к предтексту в данном случае многофункционально: оно становится актом признания и поддержки предшественника, поиском надежной опоры научных построений, средством актуализации авторского замысла, дополнительным доводом в пользу заявленной позиции. По своему содержанию данная цитата представляет собой суждение, умозаключение, аргумент, которые могут быть соотносены с авторским текстом отношениями вывода, следствия. Неслучайно скрепы на месте стыковки авторского текста и подобного предтекста поддерживают указанную семантику: *вот почему, поэтому, таким образом, из этого следует* и т. п.

Иллюстрирующая цитата служит прежде всего целям такого дословного воспроизводства чужого мнения, которое избирается в качестве принципиального пункта в системе авторских оценок и является наиболее типичным, характерным образцом позиции научного предшественника. Эта позиция может и не совпадать с концепцией автора, в таком случае использование иллюстрации становится приемом столкновения, сопоставления научных взглядов. При негативной оценке автор вынужден поместить рядом с приведенным примером его критическую интерпретацию.

Замещающая цитата применяется в случае концептуального совпадения авторских позиций. Обнаружение такого единства заставляет создателя нового текста, признав факт научного первенства чужой точки зрения, не просто сослаться на нее, но и представить в нетронутom виде саму формулировку заимствованной мысли. Аутентичность воспроизведения предтекста в такой цитате есть, кроме того, результат безусловного соблюдения важнейшего принципа научной этики. Дополнительным фактором использования названного способа цитации служит также признание достигнутой прежним автором оптимальности как точного соответствия информационной и выразительной сторон характеризуемого предмета речи. Ремарка к такой цитате нейтральна или мелиоративна, подчеркивает фактическое согласие автора с его предшественником и может содержать краткую характеристику последнего по хронологической, мировоззренческой, научно-отраслевой, национальной, культурной и иной, существенной для обсуждаемого контекста принадлежности. Ремарка здесь может содержать указание на тематическое, жанровое, временное, территориальное, биографическое и иное, существенное для обсуждаемого контекста своеобразие устного, печатного или электронного источника текста. Приведем следующие иллюстрации: 1) Для ученика Ф. Ф. Фортунатова, академика А. А. Шахматова, например, историческая морфология есть «исторический очерк грамматических форм русского языка», то есть «те видоизменения, которые получает слово в зависимости от формальной (нереальной) связи его с другими словами» (В. В. Колесов «История русского языка»); 2) В программной статье «Апеллятив — онама» А. В. Суперанская делает вывод о том, «что провести границу нарицательного и собственного имени внутри специальной лексики оказывается

значительно труднее, чем внутри лексики общей» (И. В. Крюкова «Рекламное имя: от изобретения до прецедентности»); 3) Так, для христианина Н. Бердяева цельность человека создается «духовностью» («синтезирующий творческий акт»), которая противоположна органической (языческой?) «душевности»: «Внутренний человек — духовен, а не душевен» (В. В. Колесов «Жизнь происходит от слова...»).

Разумеется, чистота охарактеризованных типов цитат в научной речи не всегда выдерживается. Целевая установка научной коммуникации, стратегия развертывания замысла нередко заставляют автора содержательно контаминировать или варьировать разную функциональную семантику в рамках одной цитатной формы. В любом случае цитация, рассматриваемая как интертекстуальное средство научного регистра речи, интерпретируется в коммуникативно-прагматическом аспекте.

Понятие интертекстуальности как инструмента описания научной речи на какое-то время ушло в тень, отчасти уступив место когнитивным категориям. Однако его объяснительный потенциал от этого нисколько не пострадал, ибо продуктивность анализа языка для специальных целей/LSP (как называют научный стиль речи в западно-европейской, и в особенности англо-американской лингвистической традиции [2; 5]) обусловлена прежде всего обращением не столько к ментальным структурам (когнитивным базам), сколько к прагматическим установкам участников научной коммуникации. Об этом свидетельствуют, скажем, актуальные исследования в новейшей отрасли языкознания — юридической лингвистике. Становление этой молодой и социально востребованной отрасли знания не может обойтись без серьезной теоретико-методологической рефлексии и саморефлексии, без попыток вдумчивого и принципиального мировоззренческого осмысления ее складывающейся научной парадигмы и — более того — самого стиля научного мышления, формирующегося в пределах этого нового направления лингвистики. Так, изучаются онтологические и нормативные аспекты экспертной технологии лингвиста в области интерпретации речевых произведений, подлежащих правовой оценке в отношении, скажем, столь остро общественного явления, как экстремизм, а также выявляются критериальные показатели такой оценки, служащие целям объективации лингвистического под-

хода к экспертной деятельности. Обоснование «должной» и надежной теоретико-методологической основы по отношению к анализу целого массива юрислингвистических текстов базируется на выявлении точного и строгого научного инструментария и метаязыка, задействованных в судебных лингвистических экспертизах. В диссертационных исследованиях последних лет, посвященных данной тематике, отчетливо просматривается необходимость разработки надежных принципов теоретико-содержательной валидности методологии юрислингвистического анализа [1]. Тем самым решается задача обеспечения инструментальной основы максимально эффективного использования потенциальных возможностей данного вида экспертизы и оптимизации набора ее опций применительно к сфере судебно-правовой оценки речевых произведений, являющихся предметом юрислингвистического анализа. Все чаще оказывается задействованным арсенал теоретических средств жанроведческого подхода к юрислингвистической методологии, что позволяет представить оцениваемый экспертом текст как коммуникативное целое (по М. М. Бахтину — диалоговая целостность) в единстве характеристик как открытых, так и скрытых модусов, сторон и участников речевого взаимодействия, а также обусловить подобный текст вариативностью ценностных картин мира (заказчик, эксперт, автор текста, потенциальный потребитель текста).

Мы видим, как на новом этапе развития лингвистического анализа научной речи актуализируются его коммуникативно-прагматические установки: выявляются лингвистически релевантные маркеры речевых актов, проводится скрупулезный содержательный разбор отдельных лексем, грамматических форм, синтаксических конструкций и значений соответствующих предикатов, выражающих различные степени экспликации категориальной семантики речевых жанров, поуровнево квалифицируется шкала высказываний в интервале от их имплицитных до открытых форм. Эволюция подходов к рассмотрению научного регистра речи ясно свидетельствует: актуальность тех или иных тенденций его лингвистической рефлексии прежде всего предопределена влиянием «господствующей» в данный момент исследовательской парадигмы, или стиля научного мышления; в то же время для современного состояния лингвистического дискурса о научном регистре речи характерна полипара-

дигмальность. Последняя и проявляется в многовекторности исследовательских оценок такого важного явления научной речи, как ее интертекстуальность.

Список литературы

1. Аблин, М. В. Теоретико-методологическое обоснование лингвистической экспертизы по делам об экстремизме : автореф. дис. ... канд. филол. наук / М. В. Аблин. — Уфа, 2016. — 24 с.
2. Комарова, А. И. Функциональная стилистика: научная речь. Язык для специальных целей (LSP) / А. И. Комарова. — М., 2004. — 192 с.
3. Самохина, Л. А. Стилистика русского языка / Л. А. Самохина, В. Р. Тимирханов. — Уфа, 2010. — 348 с.
4. Чернявская, В. Е. Интерпретация научного текста / В. Е. Чернявская. — М., 2010. — 128 с.
5. Swales, J. Episodes in ESP: a source and reference book on the development of English for science and technology / J. Swales. — N.-Y., 1985. — 217 p.

Сведения об авторах

Тимирханов Валентин Рахимович — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой современного русского языкознания, Башкирский государственный университет. Уфа, Россия. valtimir@mail.ru

Самохина Любовь Алексеевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы, Уфимский государственный нефтяной технический университет. Уфа, Россия. samohina53@bk.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2017. No. 3 (399). *Philology Sciences. Iss. 105. Pp. 121—125.*

CURRENT TRENDS DESCRIBE A SCIENTIFIC REGISTER OF SPEECH (for example intertextuality)

V. R. Timirkhanov

Bashkir state University, Ufa, Russia. valtimir@mail.ru

L. A. Samokhina

Ufa state oil technical University, Ufa, Russia. samohina53@bk.ru

The article considers the characteristic features of the stages of the study of scientific texts — functional-stylistic, typological, cognitive, communicative-pragmatic. In the framework of the history of formation and analysis of different categories of scientific language examines the concept of intertextuality, textual forms of its realization and means of marking. In particular, it examines the reception of citati as a way of creating intertextuality of scientific register.

Keywords: *scientific text, author and recipient of scientific works, typological peculiarities of scientific text, intertextuality, a tool for describing scientific speech, quoting.*

References

1. Ablin M.V. *Teoretiko-metodologicheskoe obosnovanie lingvisticheskoy ekspertizy podelam ob ekstremizme* [Theoretical and methodological basis of linguistic examination of the doings of extremism]. Ufa, 2016. 24 p. (In Russ.).
2. Komarova A.I. *Funktsionalnaya stilistika: nauchnaya rech. Yazyik dlya spetsialnyih tseley (LSP)* [Functional stylistics: a scientific information. Language for specific purposes (LSP)]. Moscow, 2004. 192 p. (In Russ.).
3. Samohina L.A., Timirhanov V.R. *Stilistika russkogo yazyika* [Stylistics of the Russian language]. Ufa, 2010. 348 p. (In Russ.).
4. Chernyavskaya V.E. *Interpretatsiya nauchnogo teksta* [Interpretation of the text]. Moscow, 2010. 128 p. (In Russ.).
5. Swales J. *Episodes in ESP: a source and reference book on the development of English for science and technology*. N.-Y., 1985. 217 p.

УДК 811.512.133.36
ББК 81.2

ГРАММАТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ В УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКЕ В ЕДИНСТВЕ ЯЗЫКОВЫХ И ПРАГМАТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ

М. С. Эрназарова

Навоийский государственный педагогический институт, Навои, Узбекистан

Освещаются вопросы единства языковых и прагматических факторов, их содействие в реализации общего грамматического значения. Обращается внимание на задачи дискурсивного анализа грамматических явлений узбекского субстанционального языковедения на основе принципа «общности-частности».

Ключевые слова: *система языка, субстанциональное языковедение, грамматическое значение, язык-речь, языковые и прагматические факторы, гомогенные единицы, гетерогенные элементы.*

Сегодня системное изучение языка достигло качественно нового этапа. Как известно, на первом этапе системного подхода в исследованиях изучались формальные языковые единицы. Были определены системы, образующие эти единицы, появились изучающие их разделы языковедения. Были раскрыты научно обоснованные нормы литературной речи — одного из основных видов существования узбекского языка. Созданы основные орфографические правила узбекского языка, на их базе были составлены словари. Разработаны орфоэпические нормы языка, легшие в основу составления орфоэпических словарей узбекского языка. Для определения лексических норм был подготовлен и издан пятитомный «Толковый словарь узбекского языка». Научно прокомментированы грамматические нормы литературного языка, результаты исследования обобщены и изданы в двухтомной «Грамматике узбекского языка». Достижения, полученные в результате создания системы норм литературной речи, внедрены в процесс преподавания языка.

Таким образом, социальный заказ, возложенный на языковедение на первом этапе, был выполнен на высоком уровне. Безусловно, достигнутые результаты в условиях современной действительности требуют разработки вопросов узбекского языковедения на качественно новой теоретико-практической платформе. А это привело к изучению субстанциональных основ узбекского языка. При субстанциональном подходе благодаря разграничению языка и речи основное внимание уделяется исследованию языка и раскрытию его онтологической сути. Изучение узбекского языка как целостной системы стимулировало языковедение к новым этапам его развития.

В языковой системе важную роль играют ее грамматические возможности. А в формировании речи особое место среди других языковых единиц имеют грамматические средства. Кроме того, в их речевой реализации ярко бросается в глаза содействие языковых и неязыковых факторов. Изучение этих грамматических форм согласно принципу единства языковых и неязыковых факторов свидетельствует о его непосредственной связи с социальным заказом, возложенным на языковедение.

Язык есть сложное целое, заключающееся в единстве языка и речи. По мнению лингвистов, изучающих дихотомию языка и речи, язык реализуется в речи на основе норм и служит для него основой, однако в отличие от него характеризуется «узостью» и «отсутствием образности». Образность речи реализуется на основе прагматических элементов, они рассматриваются как неязыковые факторы, дополняющие язык.

Речевая система, основывающаяся на горизонтальной последовательности единиц, отличается от языка, базирующегося на вертикальной системе членов парадигм; если язык состоит из системы чистых (гомогенных) единиц, то речь считается разнородной системой (гетерогенной). Это разнородное имеет языковые и прагматические основы.

Языковые единицы не просто связываются друг с другом в речи, а своеобразно «насыщаются» под воздействием прагматических факторов. Иными словами, речевая ситуация и среда, состояние говорящего и слушающего участвуют как факторы, адаптирующие языковые единицы к речи. При реализации любой языковой единицы в речи, прежде всего, конкретизируется ее общая языковая сущность с помощью

других смежных лингвистических факторов. В частности, семемы полисемантических лексем дифференцируются под влиянием морфологического и синтаксического ярусов и становятся готовыми к употреблению в речи. А речевая ситуация придает им дополнительные оттенки: когда морфологические и синтаксические (языковые) факторы бессильны, иногда берет на себя их функции — языковым факторам содействуют прагматические факторы.

Для речевой реализации грамматического значения возникает острая необходимость и других смежных ярусов. При этом ярко бросается в глаза целостность языковой системы. Например, в речевой реализации любой морфологической формы важную роль играют семантическая суть (лексический фактор) лексемы, формируемой ею, и другие словоформы (синтаксический фактор), сочетающиеся с образуемой словоформой.

Однако эти факторы никогда не реализуются без прагматического фактора — они не существуют без них. Следовательно, грамматическое значение как языковая суть переходит в речь в единстве с лексическим, синтаксическим и прагматическим факторами. Следует отметить, что эти факторы не равносильны, когда значения одних повышаются, другие значительно ослабевают. То есть в речевой реализации единицы каждого яруса существуют три фактора, их единство можно сравнить с треугольником, а каждый из этих факторов — с углами этого треугольника. Сужение одного угла треугольника приводит к расширению другого.

Как выясняется, роль грамматического значения в речи невозможно представить вне лексических, синтаксических и прагматических факторов. Уровень изученности языковых единиц и восстановленных языковых структур требует их изучения именно в таком направлении.

Несмотря на наличие определенных размышлений по поводу системности речи, здесь имеются в виду такие особенности языковых единиц, как формирование речевой единицы, то есть предложений и текстов. Зачастую, когда речь рассматривается как сложная целостность, ее делят на предложение, абзац и текст. В силу того, что речь имеет системную природу (целостность), ее составные части тоже имеют системный характер.

Появилась социальная востребованность в новом направлении лингвистики, специализированной на системном изучении взаимодей-

ствия языковых ярусов и прагматических факторов, имеющих природу системной структуры в процессе формирования и выражения мысли. Данная востребованность определяется нынешним состоянием узбекского языкознания, его достижениями. Это направление развития языкознания наряду с именами всемирно известных исследователей субстанциональной грамматики связано и с именами тюркологов и узбекских лингвистов: Х. Г. Нигматова, Н. М. Махмудова, А. Н. Нурмонова, С. Н. Иванова, А. Бердиалиева, Р. Р. Сайфуллаевой, М. Башмонова, Т. У. Мирзакулова, М. М. Курбоновой, И. С. Мадрахимова, Ш. Акрамова, С. Н. Назаровой, М. К. Абузаловой, Ш. Х. Шахобиддиновой, Л. Р. Рауповой. Работы этих ученых в основном ограничиваются изучением определенных ярусов, а проблема межярусовых взаимоотношений, содействие в речи языковых и прагматических факторов все еще ждет своих исследователей.

Следовательно, одна из очередных задач — научное обоснование проблемы содействия и соотносительности языковых и прагматических факторов в речевой реализации грамматического значения. Это достигается анализом системной природы речи, освещением философских основ изучения речи как системы, обоснованием того, что общая теория системности является методологией целостного изучения речи, определением задач языковых факторов в речевой реализации грамматических значений, раскрытием места и роли прагматических факторов, анализом их адаптации, конкретизацией содействия языковых и прагматических факторов в речевой реализации значений лексически и синтаксически формообразующих грамматических средств, обоснованием их соответствия. При этом методологической основой служат философская теория познания, диалектическая логика, суфийская философия, теория общей системности, дихотомия языка и речи, кроме того, научно-теоретические взгляды ряда языковедов-теоретиков, таких как Н. Д. Арутюнова, Д. У. Ашурова, В. В. Богданова, Е. С. Кубрякова, В. Г. Гак, Ш. С. Сафаров, Дж. Л. Остина, Г. Г. Почепцов.

В современном узбекском языкознании проблема общего грамматического значения изучалась Х. Г. Нигматовым, М. Аьламовой, Ш. Х. Шахобиддиновой, Б. Р. Менглиевым, Б. М. Бахриддиновой, О. Шукуровым.

При рассмотрении грамматического значения в составе речи заслуживает внимания то, что

речь является системой с гетерогенной структурой, в ней взаимодействуют языковые и неязыковые факторы, и этим речь отличается от языковой системы, грамматическое значение реализуется при содействии языковых и неязыковых факторов; при усилении языковых факторов ослабевают неязыковые факторы и наоборот. Следует отметить, что системные исследования как толкования речевой реализации грамматического значения реализуются на основе антропоцентризма изучения речевой реализации языка и принципов дискурсивного анализа.

Можно сказать, что история толкования грамматического значения равна истории узбекского языкознания. Поэтому этапы его изучения соответствуют этапам развития языкознания.

Узбекское языкознание как современная наука прошла этапы формального и субстанциального изучения, вступила на порог нового этапа — антропоцентризма. Именно поэтому целесообразна хронологическая периодизация толкования грамматического значения. На каждом этапе его толкование и характеристика имеют своеобразные значение и характер согласно требованиям эпохи и социальному заказу. Цели и задачи, методология их достижения, методика и методы реализуются согласно социальному заказу.

Формальный этап изучения грамматического значения начинается с исследований Фитрата, а в учении А. Гулямова достигает пика своего развития. Этот этап изучения грамматического значения связан с задачами, поставленными перед узбекским языкознанием. Говоря о задачах языкознания этой эпохи, необходимо упомянуть о ее двух важных аспектах.

Во-первых, в лингвистических исследованиях стремление к гипертрофии общих особенностей языков согласно гипотезе их унификации, необходимости формирования единого народа, единого языка, смешения всех языков, нежеле освящения их отличительных особенностей, превратилось в тенденцию. Особенно это бросается в глаза в толкованиях грамматического яруса языка. К их числу относятся классификация частей речи, разграничение грамматических форм, рассмотрение лексемы как разновидности морфемы, внедрение понятий формообразования и словоизменения, одинаковое признание в национальных языкознаниях понятий главных членов в синтаксисе, соответственно этому дается оценка структуры предложения, игнорирование межъязыковых отличий в простых и слож-

ных предложениях. Это полностью нашло свое отражение и в толкованиях грамматического значения.

Во-вторых, социальный заказ разработки норм узбекского литературного языка и его внедрение в социальное сознание выдвигает на повестку дня необходимость определения каждого грамматического явления, изучения их семантических и синтаксических задач, внедрения результатов в образовательный процесс. Для этого было необходимо распределить слова по частям речи, определить морфологические особенности и синтаксические задачи каждой части речи, выбрать среди их грамматических форм соответствующие литературной норме, дифференцировать фонетические варианты форм от их диалектальных вариантов, разработать литературные нормы их применения. «В истории узбекского языкознания они изучены по отдельности согласно рациональному методу, собран богатый фактический материал. Узбекские лингвисты с достоинством выполнили задачи этого этапа, на очередном этапе появились потребность и возможность решения на их основе проблем морфологической формы как и всех языковых единиц» [3. С. 115].

К 70-м гг. прошлого столетия завершился формальный (эмпирический) этап узбекского языкознания. Как было уже сказано выше, данный этап языкознания выполнил миссию социального заказа, возложенного на него, состоящего из разработки норм литературного языка и внедрения их в широкую общественность. Наряду с выполнением этих задач был подготовлен прочный фундамент, неизбежная основа для нового поколения языкознания. Созданы широкие возможности для научных поисков на основе законов и категорий диалектической логики, являвшейся методологией изучения богатого языкового материала, собранного эмпирическим способом. В 1984 и 1986 гг. в центральных изданиях были опубликованы материалы группы тюркологов о неотложных задачах в области толкования и исследования тюркских языков. Выдвинутые в них идеи, а также цели и задачи на их основе стали логическим продолжением задач узбекской формальной лингвистики.

Эти задачи находят свое отражение и в толковании грамматического значения. Исследователи приступили к изучению грамматического значения на основе категории диалектной общности и частности. На субстанциональном этапе уз-

бекского языкознания было сформировано новое толкование морфологических форм. Прежде всего, одной из основных задач определено отдельное изучение общих и частных сторон грамматического значения. Эта проблема поставлена на повестку дня в исследовании Х. Г. Нигматова, посвященном изучению морфологии древних тюркских памятников [1], в прессе опубликованы задачи, определенные рядом языковедов [2; 3]. Эта проблема исследована в кандидатских и докторских диссертациях ряда ученых-языковедов. К слову, на примере категории числительного в узбекском языке в кандидатской диссертации Ш. Х. Шахобиддиновой исследовано грамматическое значение с точки зрения деления языка и речи, а в докторской диссертации — на примере грамматических категорий [6; 7]. Изучение речевой реализации грамматического значения с точки зрения целостности языковой системы в докторской диссертации Б. Р. Менглиева создало предпосылки для формирования нового прагматического этапа его изучения [5].

Исследование речевой реализации языковых общностей, достигнутых в результате изучения явлений узбекского языка на основе принципа «речь-язык», не только с точки зрения межъязыкового содействия, но и наряду с неязыковыми факторами, разработка механизмов их рационального и целевого использования личностью являются основными задачами прагматической лингвистики.

Сегодня мировая прагмалингвистика развивается в трех направлениях.

Британская прагмалингвистика в лице М. Холлидея оказала сильное воздействие на функциональный анализ языка. В его исследованиях нашли свое отражение социальные функции, содержание языка, анализ официальной письменной и устной речи. Языковеды Синклер и Коулзарт расширили антропоцентрический анализ коммуникации. В антропоцентрическом анализе английских лингвистов в качестве материала анализа выбирается художественная речь — особый вид литературной речи.

Американская прагмалингвистика уделяет особое внимание живой форме литературной речи — устной речи и этнокультурным факторам и основывается на естественном и живом общении. Основу американской прагмалингвистики больше интересует анализ живого обще-

ния. У них языковая возможность и его речевая реализация не связаны друг с другом, объектом исследования выбираются лишь коммуникативные единицы и единство языковой личности и коммуникативной ситуации. Ярким примером могут служить работы Гоффмана, Сакса, Счеглоффа и Джефферсона [8].

Как выясняется, в Британии и Америке прагмалингвистика, как и в других языковых явлениях, в грамматическом отношении тоже ограничивается лишь речевыми особенностями и не обращает внимания на анализ языковых грамматических значений, изучаемых структуралистами на протяжении долгих лет. В целом оба направления характеризуются игнорированием результатов структурализма.

Особое место среди этих направлений занимает Пражская прагмалингвистика. В частности, эта школа согласно своим традициям строго придерживается принципа дихотомии языка и речи и в антропоцентрическом толковании грамматического значения. Его последователи рассматривают языковые единицы, в частности, грамматические формы, грамматическое значение как языковую возможность; особое внимание уделяется речевому использованию этой возможности с учетом единства факторов ситуации и личности.

Итак, история изучения грамматического значения показывает, что на сегодняшний день подготовлена основа для синергетического внедрения речевых выражений грамматического значения, определения места и роли языковых и прагматических факторов явлений речевой системы на основе принципа сотрудничества и освещения его значимости. Узбекское субстанциональное языкознание в настоящее время успешно прошло этап изысканий на основе принципа «речь-язык» в анализе грамматического значения и стоит перед новым этапом своего развития — необходимости проведения исследований на основе принципа «язык-речь». Одна из актуальных задач на повестке дня — дискурсивный анализ языковых единиц на основе синергетических методов исследования с опорой на научно-теоретические заключения по исследованию языковой структуры — языковых единиц и отношений.

Настоящее время требует от узбекской субстанциональной прагмалингвистики дискурсивного анализа грамматических явлений на основе принципа «общности-частности».

Список литературы

1. Нигматов, Х. Г. Морфология восточно-тюркского языка XI–XII вв. : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Х. Г. Нигматов. — Баку, 1978. — 45 с.
2. Нигматов, Х. Г. Структура предложения и актуальные вопросы синтаксиса тюркских языков / Х. Г. Нигматов, К. М. Абдуллаев, В. И. Банару и др. // Тез. формально-функционал. исслед.: Сов. тюркология. — 1984. — № 5. — С. 3–10.
3. Нигматов, Х. Г. Способы синтаксической связи и актуальные вопросы тюркского синтаксиса / Х. Г. Нигматов, К. М. Абдуллаев // Тез. формально-функционал. исслед.: Сов. тюркология. — 1988. — № 4. — С. 103–106.
4. Менглиев, Б. Р. Тил яхлит система сифатида / Б. Р. Менглиев. — Тошкент, 2010. — 192 б.
5. Менглиев, Б. Р. Лисоний тизим яхлитлиги ва унда сатхлараро муносабатлар : филол. фан. докт. ... дис. / Б. Р. Менглиев. — Тошкент, 2001. — 248 б.
6. Шаҳобиддинова, Ш. Ҳ. Грамматик маъно талкини ҳақида : филол. фан. номз. ... дис. автореф / Ш. Ҳ. Шаҳобиддинова. — Самарқанд, 1994. — 24 б.
7. Шаҳобиддинова, Ш. Ҳ. Умумийлик ва хусусийлик диалектикаси ҳамда унинг ўзбек тили морфологиясида акс этиши : филол. фан. докт. ... дис. автореф / Ш. Ҳ. Шаҳобиддинова. — Тошкент, 2001. — 50 б.
8. Schegloff, E. A. The preference for self — correction in the organization of repair in conversation / E. Schegloff, G. Jefferson, H. Sacks // *Language*. — 1977. — 382 p.

Сведения об авторе

Эрнazarова Манзура Сапарбоевна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры начального обучения, Навоийский государственный педагогический институт. Навои, Узбекистан. sar_79@bk.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2017. No. 3 (399). *Philology Sciences*. Iss. 105. Pp. 126–131.

GRAMMATICAL MEANING IN THE HARMONY OF LANGUAGE AND PRAGMATIC FACTORS IN THE UZBEK LANGUAGE

M. S. Ernazarova

Navoi state pedagogical institute, Navoi, Uzbekistan. sar_79@bk.ru

In the article in the expression of general grammatical meaning in speech the interaction of language and pragmatic factors was widely studied. The harmony of language and pragmatic factors, their appropriateness in the occurrence of general grammatical meaning were explained. And also, discursive analysis of grammatical phenomena in Uzbek substantial linguistics on the basis of the principle “commonness-privateness” was highlighted.

Keywords: *system, language, pragmatic meaning, language, speech, language and pragmatic factors, homogeneous units, heterogenic elements, communication.*

References

1. Nigmatov X.G. *Morfologiya vostochno-tyurkskogo yazyka XI–XII vv* [Morphology of Eastern-Turkish language in XI–XII centuries]. Baku, 1978. (In Russ.).
2. Nigmatov X.G., Abdullaev K.M., Banaru V.I., Maxmudov N.M., Muxamedova D.A., Nurmanov A. *Struktura predlojeniya i aktual'nye voprosy sintaksisa tyurkskix yazykov* [Sentence structure and urgent problems of syntax of the Turkish language]. *Tezisy formal'no-funktional'nogo issledovaniya. Sovremennaya tyurkologiya*. [Thesis of formal-functional research. Modern Turcology], 1984, no. 5, pp. 3–10. (In Russ.).

3. Nigmatov X.G., Abdullaev K.M. Sposoby sintaksicheskoy svyazi i aktual'nye voprosy tyurkskogo sintak-sisa [Means of syntactic relations and urgent problems of syntax of the Turkish language]. *Tezisy formal'no-funksional'nogo issledovaniya. Sovremennaya tyurkologiya* [Thesis of formal-functional research. Modern Turcology], 1988, no. 4, pp. 103–106. (In Russ.).
4. Mengliev B.R. *Til yaxlit sistema sifatida* [Language as a single system]. Tashkent, 2010. 92 p. (In Uzbek.).
5. Mengliev B.R. *Lisoniy tizim yaxlitligi va unda sathlararo munosabatlar* [Entirety of language system and interlevel relations in it]. Tashkent, 2001. (In Uzbek.).
6. Shahobiddinova Sh.H. *Grammatik ma'no talqini haqida* [About the interpretation of grammatical meaning]. Samarkand, 1994. (In Uzbek.).
7. Shahobiddinova Sh.H. *Umumiylik va xususiylik dialektikasi hamda uning o'zbek tili morfologiyasida aks etishi* [Dialectics of commonness and privateness and its reflection in morphology of the Uzbek language]. Tashkent, 2001. (In Uzbek.).
8. Schegloff E.A., Jefferson G., Sacks H. The preference for self — correction in the organization of repair in conversation. *Language*, 1977. 382 p.

УДК 8;81'373.612.2
ББК 894. 375

МОДЕЛИРОВАНИЕ НАРРАТИВНЫХ ТРАНСПОЗИЦИЙ В РОМАНЕ У. ФОЛКНЕРА «THE SOUND AND THE FURY»

Г. Р. Юсупова

Самаркандский государственный институт иностранных языков, Самарканд, Узбекистан

Рассматриваются особенности моделирования нарративных транспозиций в дискурсе «потока сознания» и их репрезентация в художественном пространстве на основе романа У. Фолкнера «The Sound and the Fury». Исследуются основные механизмы, которые используются при осуществлении данных транспозиций, и их мотивация. Особое внимание уделено выявлению коммуникативной значимости всех нарративных транспозиций, моделируемых Фолкнером.

Ключевые слова: *нарративная транспозиция; моделирование; персонажная, временная, пространственная и тематическая транспозиции; дискурс «потока сознания».*

Романы У. Фолкнера привлекали и продолжают привлекать внимание многих исследователей своими формальными и структурными особенностями текстовой организации. Существует огромное количество моделей, с помощью которых можно закодировать художественный нарративный дискурс, однако способ кодировки всегда зависит от самого автора и его замысла. У. Фолкнера можно больше назвать экспериментатором, нежели создателем на литературном поприще романа об американском Юге. Исследователи (Н. И. Матвеева, Н. А. Анастасьев, G. A. Borse, T. M. Towner, D. Fowler and Ann J. Abadie) отмечают противоречащие нарративные эксперименты, которыми характеризуется роман «The Sound and the Fury». Роман У. Фолкнера «The Sound and the Fury», опубликованный в 1929 г., интересен до сих пор как яркий пример нетрадиционной повествовательной организации. К. А. Андреева в статье «Когнитивное моделирование ментального художественного пространства (от автора к читателю)» правомерно отмечает следующее: «Наиболее интересными для исследователя являются случаи, когда развитие событий в художественном произведении намеренно движется у автора по параболической траектории, нарушающей канонический нарративный ряд. Наиболее часто это происходит у современных авторов в литературе постмодернизма» [1]. На наш взгляд, именно таким автором является У. Фолкнер, который создает «мозаичное» художественное пространство, реализуемое посредством его особого нарративного кода.

В рамках данной статьи проанализируем нетрадиционность повествовательной логики

Фолкнера и ее реализацию в тексте. Как известно, роман У. Фолкнера «The Sound and the Fury» является произведением, в котором используется особая техника письма — «поток сознания», где упор делается на отображение процессов, происходящих в сознании персонажа. Данная техника реализуется в романе на уровне особой организации нарративной структуры с различными сдвигами в повествовательных планах (транспозициями). Н. И. Матвеева дает следующее определение термину «транспозиция»: «Под нарративной транспозицией мы понимаем четко оформленный персонажный, временной, пространственный или тематический сдвиг планов повествования с одного на другой» [4]. Все вышеперечисленные виды транспозиций встречаются в романе У. Фолкнера «The Sound and the Fury», границы которых маркированы не только посредством глав. Отметим уровень «максимум» [условно обозначенный нами. — Г. Ю.], маркированный на уровне глав (April 7, 1928; June 2, 1910; April 6, 1928; April 8, 1928). Уровнем «минимум» можно считать транспозицию даже в пределах одного предложения. В рамках данной статьи попытаемся воссоздать модель нарративных транспозиций всего романа «The Sound and the Fury» и двух первых глав. Исследователи считают, что «вследствие того, что в художественном произведении все явления объединяются во временное, пространственное и смысловое целое завершеного события жизни, в традиционных формах романа композиция повествования формируется последовательным развертыванием такого события» [4]. Все сказанное разрушают нарративные транспозиции романа Фолкнера своим «смещени-

ем» во времени и пространстве. Чтобы выстроить событийный ряд, невозможно обойтись без хронологической таблицы А. Долинина [3], который выделяет наиболее знаковые эпизоды в жизни семьи Компсон:

- 1898 — смерть бабушки;
- 1910 (24.04) — свадьба Кэджи;
- 1910 (02.06) — самоубийство Квентина.

Используем выборочно только те события, которые, на наш взгляд, центрируются в каждой главе на восприятии персонажей. У. Фолкнер фокусирует каждое из них через восприятие разного интеллектуального, нравственного и социального типов. Так возникает мотивационная картина всех транспозиций. Н. И. Матвеева выделяет следующие нарративные транспозиции: персонажная, временная, пространственная и тематическая [4]. Воспользуемся данной классификацией, спроецируем ее на роман Фолкнера и выделим наиболее значимые транспозиции в разнозначном сочетании друг с другом.

1. Временная.
2. Персонажная.
3. Персонажная + временная транспозиция.
4. Пространственная + персонажная + временная транспозиция.
5. Тематическая + персонажная + временная + пространственная транспозиция.

Временную и персонажную транспозиции можно соотнести со структурой всего романа «The Sound and the Fury». Проиллюстрируем ее схематически (рис. 1).

Доминирующим в романе, на наш взгляд, является временная транспозиция. У. Фолкнер структурирует свой роман, поделив его на четыре неравноценные части, сосредоточенные на изображении одного дня из жизни каждого персонажа, где индикатором каждой главы является конкретная дата описываемого события.

Значимость временного плана и использование временной нарративной транспозиции нехронологического характера при структурировании глав романа строго мотивированы авторским художественным замыслом. Считаем, что указанная временная транспозиционная структура в построении глав романа соответствует трагическому, эмоциональному ощущению и характеризует упадок аристократического южного рода Компсонов. Именно модальностью трагического и мотивирована персонажная нарративная транспозиция, где повествование начинается от имени умственно отсталого Бенджи, которому в этот день исполняется 33 года. Нарратор данной главы не способен на какие-либо оценки или характеристики ни персонажей, которые его окружают, ни событий, в которых он участвует. По сути, автор создает такой хаос иррациональных впечатлений Бэнджи на эмпирическом уровне, что очень сложно ориентироваться по тексту и логически воедино собрать историю «идиота» Бэнджи посредством его дискурса «потока сознания». Таким образом, У. Фолкнер формирует очень раздробленное и расплывчатое представление об истории семьи Компсон в «лицах». Предпосылками возникновения II сложной главы является примитив от Бэнджи. Во II главе романа «June 2, 1910» художественная реальность представлена У. Фолкнером глазами интеллектуала-философа, дискурс «потока сознания» которого абсолютно противоположен нарративу от имени Бэнджи. Б. Грибанов отмечает следующее: «При переходе от части Бенджи к части Квентина в манере повествования происходит резкий качественный скачок — от бессвязных мыслей идиота, чей мозг способен только фиксировать, что происходит, но не почему, к сложному ассоциативному мышлению интеллигента, чье сознание легко переходит от одной мысли к другой, где

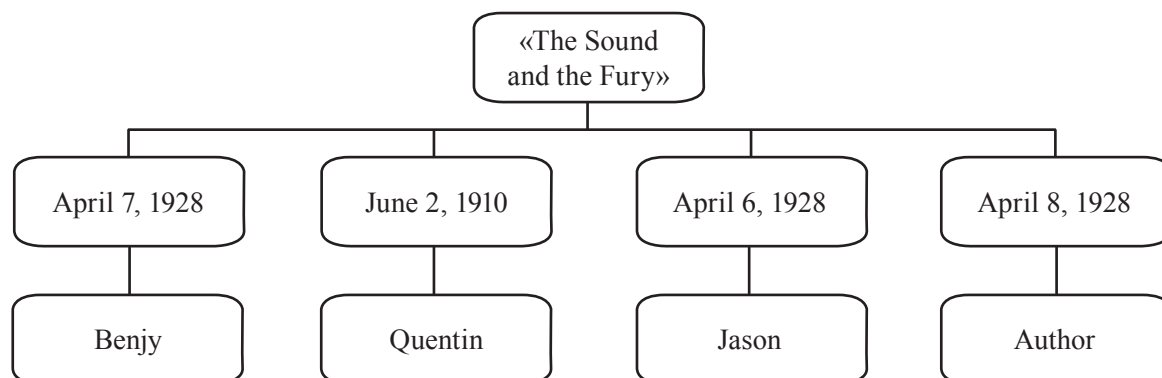

Рис. 1

смешиваются идеи, аллюзии, воспоминания, абстракции, символы» [2. С. 117].

Главным героем и нарратором III главы (April 6, 1928) является практичный, прагматичный и весьма циничный младший брат семейства Компсон Джейсон, главным смыслом жизни которого является накопительство и деньги. Данный тип персонажной нарративной транспозиции позволяет создать образную антитезу, где прошлое олицетворяет все хорошее, а настоящее — с точностью до наоборот. Нарратив IV главы организован объективным фокусом самого автора. Таким образом, У. Фолкнер добивается эффекта «крещендо» в тональности, своего рода «прозрения» или «просветления».

Как уже отмечалось выше, обратимся к сложным и комбинированным сочетаниям временно-го, персонажного, пространственного и тематического сдвигов планов повествования, которые условно можно обозначить как нарративно-транспозиционные «матрешки».

Рассмотрим «персонажную + временную» транспозицию в первой главе романа «April 7, 1928». Как было отмечено выше, данная глава ведется от имени умственно неполноценного глухонемого Бэнджи, дискурс «потока сознания» которого представляет собой сложную коммуникативную структуру. Нарративные конструкции, созданные У. Фолкнером, но в перспективе Бэнджи, все время требуют «декодирования», особенно в отношении временного плана, в силу того, что временной континуум в сознании Бэнджи все время равен «нулю». Т. М. Towne по этому поводу пишет следующее: «To Benjy <...> life exists in an eternal present tense. He responds to every event in his life as though it were happening for the first time. Because he cannot distinguish past from present or look forward to a future, he cannot think causally, and because he cannot move from an action to its consequence, he cannot interpret for us, and we are lost» [7. P. 16–17]. Для того чтобы усилить образ Бэнджи как умственно отсталого персонажа, У. Фолкнер создает его неспособность восприятия потока времени посредством «персонажной + временной» транспозиции. Повествовательные временные границы в тексте обозначены системой персонажей, которые представляют тот или иной временной промежуток. Так, например, во всех ситуациях, которые относятся к детству героя, закреплена определенная система персонажей. Временным индикатором в данном промежутке времени являются два персонажа: дядя

Мори и Верш, которые не фигурируют ни в одной ситуации, относящейся к настоящему времени. Взросление Бэнджи и движение времени автор фиксирует сменой «нянь», которые приставлены к Бэнджи: а) детство — Верш; б) юношество — Ти Пи; в) настоящее — Ластер. Однако ключевым персонажем, который разделяет прошлое и настоящее, является Кэдди, сестра Бэнджи. Восприятие ее образа в сознании Бэнджи вызывает только положительные эмоции и восторг. Таким образом У. Фолкнер делит жизнь Бэнджи не на прошлое и настоящее, а на жизнь с Кэдди и без нее. Именно поэтому в данной ситуации и невозможно отделить временной уровень от персонажного. Н. И. Матвеева в исследованиях нарративных трансформаций отмечает следующее: «Центральным элементом в структуре нарративной транспозиции является объект-символ (предмет или ассоциация), который благодаря своей многомерной семантике обуславливает возможность смещения с одного повествовательного плана на другой» [4]. Однако, на наш взгляд, У. Фолкнер в качестве «объекта-символа», осуществляющего нарративные транспозиции выделяет Кэдди. Сестра является центральным персонажем, своего рода эмоциональным центром любви и нежности к братьям (кроме Г. Ю. Джейсона), фигурирующим в каждой главе.

Следующий вид транспозиции — «пространственный + персонажный + временной» — наиболее ярко проиллюстрирован во второй главе романа «June 2, 1910», нарратором которой является старший брат Бэнджи Квентин, студент Гарвардского университета. Следует отметить, что семья Компсон в романе олицетворяет американский Юг особым отношением к чернокожим. Получает образование Квентин на Севере Америки в Гарварде. Квентин представитель аристократического южного рода, который привык относиться к «неграм», как к прислуге. Поэтому автор моделирует образ южанина посредством реакции Квентина на негров Севера.

Южанин У. Фолкнер подчеркивает особенности нарратива Квентина через ряд ситуаций «с неграми». Достаточно сравнить сцену в трамвае:

«The only vacant seat was beside a **nigger**. He wore a derby and shined shoes and he was holding a dead cigar stub» [6. P. 56].

«Места все заняты, одно лишь свободное рядом с **негром**. Он в котелке, начищенных башмаках, в пальцах держит потухший окуроч сигары» [5. С. 392].

В данном фрагменте важно обратить внимание на пространственную модальность, которая закреплена за персонажем. Автору необходим не только портрет джентльмена-«попутчика», но и его поза, жест равноправного пассажира.

«The nigger **touched my knee**. «Pardon me», he said. I swung my legs out and let him pass» [6. P. 58].

«Негр тронул меня за колено. «Виноват», — сказал он. Я убрал ноги, дал пройти» [5. С. 394].

Образ негра-северянина абсолютно контрастирует с образом негра-южанина, который закреплён в аксиологически-ассоциативной системе взглядов Квентина. В результате ассоциации в сознании Квентина параллельно возникают образы Роскуса и Дилси, которые возвращают его в прошлое, в его родной дом — Юг. Данную ретроспекцию усиливает диалог с негром-южанином, который сидит на муле без седла, голова которого обмотана лоскутком одеяла:

«Hey, Uncle», I said. «Is this the way?»

«**Suh?**» He looked at me, then he loosened the blanket and lifted it away from his ear.

«Christmas gift!» I said.

«**Sho comin, boss**. You done caught me, **aint you**».

«I'll let you off this time». I dragged my pants out of the little hammock and got a quarter out. «But look out next time. I'll be coming back through here two days after New Year, and look out then». I threw the quarter out the window. «Buy yourself some **Santy Claus**».

«**Yes, suh**», he said. He got down and picked up the quarter and rubbed it on his leg. «**Thanky**, young marster. **Thanky**» [6. P. 57].

«— Эй, дядюшка! Значит, правильно едем?»

— Чего, сэр? — смотрит на меня, потом выпростал ухо из-под одеяла.

— Подарочек рождественский с тебя! — сказал я.

— Выходит так, хозяин. Кто вперед сказал, тому и причитается.

— Ладно уж на этот раз. — Я стянул брюки с сетки, достал четверть доллара. — Но в следующий не зевай. Через два дня после Нового года буду ехать с каникул, тогда берегись, — я кинул монету из окна. — Купи себе чего-нибудь.

— Спасибо, сэр, — сказал он. Слез с мула, поднял, вытер о штанину. — Спасибо, молодой хозяин» [5. С. 393].

Во-первых, южанин социально ниже, чем северянин. Во-вторых, отметим традиционное обращение, которое не воспринимается Квентином негативно: «**Suh...**, **Sho comin, boss...**». В-третьих, ментальная общность проявляется: 1) в знании южных старинных обычаев: «*Подарочек рождественский с тебя!* — по старинному обычаю, рас-

пространенному на Юге США, тот, кто первым успел поздравить другого с рождеством, вправе требовать в ответ подарок или монетку»; 2) в социальном жесте: «I threw the quarter out the window».

Таким образом, У. Фолкнер создает «пространственную + персонажную + временную» транспозицию.

Прежде чем рассмотреть последний и наиболее сложный вид транспозиции: «тематический + персонажный + временной + пространственный» — следует отметить, что дискурс «потока сознания» Квентина передает знаковые эпизоды из истории семьи Компсон в трансформированном виде. Этому подвержены все уровни повествования: тематический, временной, персонажный и пространственный. Сложность коммуникативной организации заключается в том, что границы всех этих уровней [как было отмечено выше. — Г. Ю.] могут быть ограничены одним предложением. Мотивацию такой организации текста можно найти в следующем утверждении Н. И. Матвеевой: «Корни транспозиции уходят в организацию человеческого мышления, и внешне неадекватное перескакивание мыслей с одного на другое имеет внутреннюю мотивацию, основанную на способности сознания транспонировать предметы и образы, которыми оно оперирует» [4]. Подтверждение всему вышесказанному найдем в следующем фрагменте текста:

«When it closed I crossed to the other side and leaned on the rail above the boathouses. The float was empty and the doors were closed. Crew just pulled in the late afternoon now, resting up before. The shadow of the bridge, the tiers of railing, my shadow leaning flat upon the water, so easily had I tricked it that would not quit me. At least fifty feet it was, and if I only had something to blot it into the water, holding it until it was drowned, the shadow of the package like two shoes wrapped up lying on the water. Niggers say a drowned man's shadow was watching for him in the water all the time. It twinkled and glinted, like breathing, the float slow like breathing too, and debris half submerged, healing out to the sea and the caverns and the grottoes of the sea. The displacement of water is equal to the something of something. Reducto absurdum of all human experience, and two six-pound flat-irons weigh more than one tailor's goose. What a sinful waste Dilsey would say. Benjy knew it when Damuddy¹ died. He cried. *He smell hit. He smell hit*» [6. P. 58].

¹ Damuddy is the name the children have given to their grandmother (<http://www.bookrags.com/notes/saf/chr.html#gsc.tab=0>)

«Мост опустили, я прошел на ту половину и облокотился о перила над плотом, где лодочная станция. На плоту никого, двери помещения закрыты. Восьмерка наша теперь гребет только после обеда — отдыхают перед. Тень моста, полосы перил, и моя тень плоско на воде — как просто оказалось заманить ее, чтобы никуда от меня не ушла. Футов полсотни верных, и если б было чем нажать сверху, окунуть, чтоб захлебнулась. И тень от утюгов, как от завернутых туфель, тоже лежит на воде. Негры говорят, что тень утопленника так при нем и караулит. Блестит вода, играет, будто дышит, и плот покачивается, как будто дышит тоже, и обломки к морю плывут полупогруженно — на мирный сон в морские пещеры и гроты. Вес вытесненной жидкости равен томуто без того-то. Сведенный к нелепости общечеловеческий опыт, и два малых шестифунтовых утюга тяжелее, чем один большой портновский. Что за безбожное транжирство, сказала бы Дилси.

Когда бабушка умерла, Бенджи знал. Он плакал. *Он учуял. Учуял*» [5. С. 395].

В данном отрывке мастерство У. Фолкнера проявляется в пейзажных зарисовках и в организации многослойного уровня внутренней речи Квентина, который попробуем проиллюстрировать схематически (рис. 2).

Отметим, что тематическая нарративная транспозиция только на первый взгляд нелогична и немотивирована, но если проанализировать данный фрагмент на уровне ассоциаций Квентина, то предстает совершенно логически организованный переход. Так, например, тема «гребные гонки» вызвана ассоциациями, которые закреплены за пространством моста, с которого, вероятно, студенты, в том числе и Квентин, болели за свою команду. Следующий переход к теме «самоубийства» закреплен за пространством моста, который Квентин избрал как место самоубийства. Квентин в данном эпизоде проводит своего

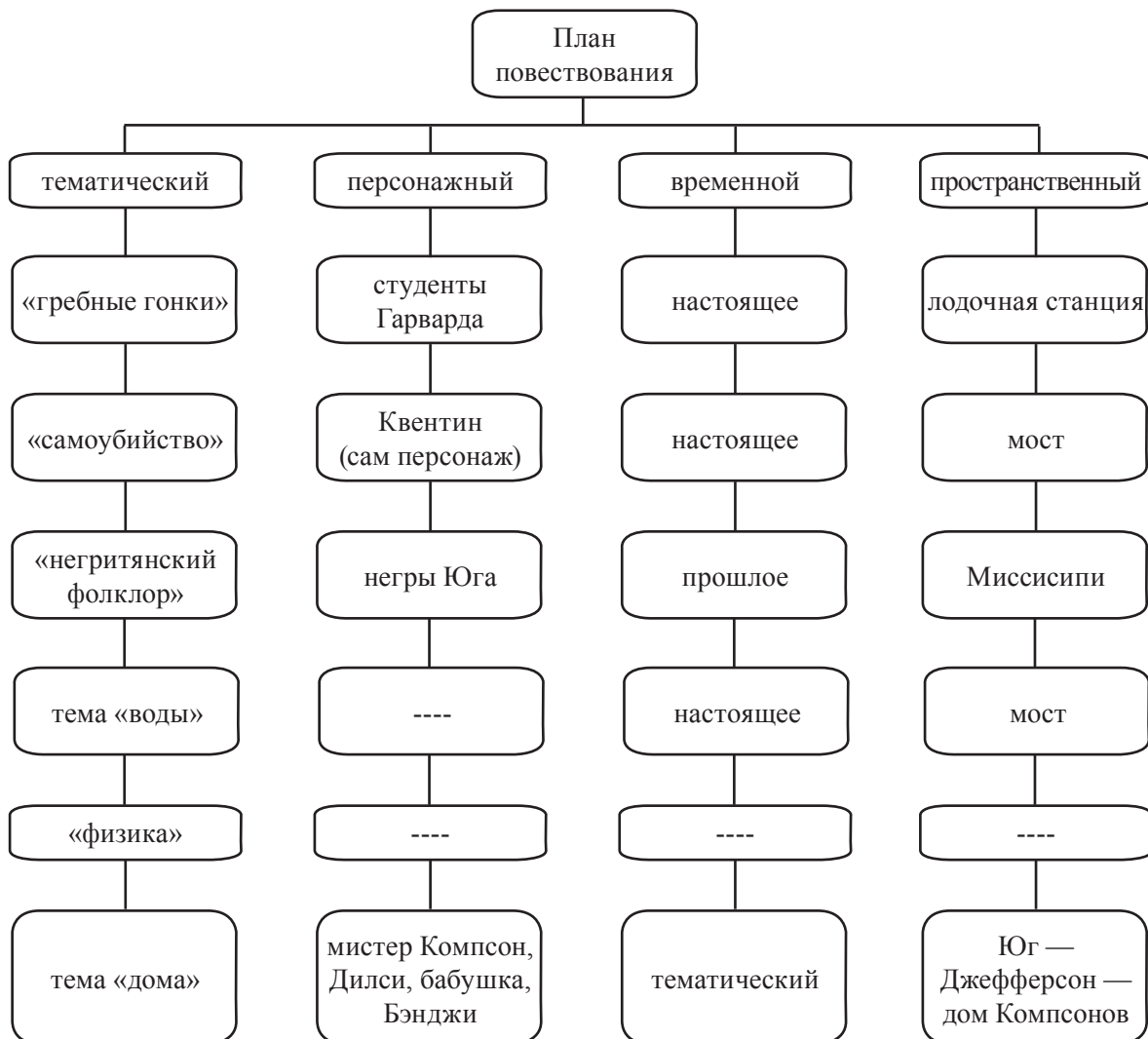

Рис. 2

рода генеральную репетицию своего самоубийства. Именно этим мотивирован переход к негритянскому фольклору, где ключевой фигурой является утопленник (drowned man). Тему «воды» Фолкнер развивает в ключе образного повествования, используя олицетворение, сравнение и метафору. «Блестит вода, играет, (олицетворение) **будто дышит**, (сравнение) и плот покачивается, **как будто дышит** (сравнение) тоже, и обломки к морю плывут полупогруженно — на мирный сон в морские пещеры и гроты (метафора)». «It (water) twinkled and glinted, **like breathing**, the float slow **like breathing** too, and debris half submerged, healing out to the sea and the caverns and the grottoes of the sea». У. Фолкнер подкрепляет интеллектуальный уровень Квентина и в следующем уровне, где персонаж цитирует формулу вычисления объема жидкости (физика). Переход к теме «дома» закреплен за ядерной фразой: «*Reducto absurdum of all human experience*» («**Сведенный к нелепости общечеловеческий опыт**»), которая принадлежит отцу и не раз фигурирует в романе. Тема «дома», которая является большой для Квентина, продолжает погружение сознания героя в прошлое и мотивирует следующий переход к негритянке Дилси с ее ядерной фразой «What a sinful

waste». Данная ретроспекция вызывает целый клубок ассоциаций в сознании Квентина, и тем самым У. Фолкнер плавно организует переход к теме «смерть бабушки», которая вызывает ассоциации со следующим персонажем Бэнджи.

У. Фолкнер проецирует нарратив Квентина так, что чем больше планов повествования мы можем выделить в дискурсе его «потока сознания», тем напряженней его психологическое состояние. Наслоения одного на другое, «внешне» бессвязное повествование свидетельствуют о его отчаянии и неспособности контролировать свое эмоциональное состояние. У. Фолкнер структурно моделирует нарратив так, что отклонение одного уровня от другого настолько резки и быстры во временном, пространственном, персонажном и тематическом отношении, что поток мыслей Квентина порой бывает просто неуловим.

Таким образом, все нарративные транспозиции не являются самоцелью У. Фолкнера. Думается, данный прием не провоцирует сложное восприятие романа, он логически мотивирован основной идеей автора и психологическими, интеллектуальными и социальными особенностями каждого нарратора.

Список литературы

1. Андреева, К. А. Когнитивное моделирование ментального художественного пространства (от автора к читателю) / К. А. Андреева // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах. — Челябинск, 2008. — Т. 1. — С. 7–11.
2. Грибанов, Б. Т. Фолкнер / Б. Т. Грибанов. — М., 1976. — 352 с.
3. Долинин, А. Приложение / А. Долинин // Фолкнер, У. Шум и ярость / У. Фолкнер. — М., 1985. — Т. 1. — С. 573–590.
4. Матвеева, Н. И. Нарративная структура англоязычного художественного дискурса: на материале романов «потока сознания» начала XX века : дис. ... канд. филол. наук / Н. И. Матвеева. — М., 2003. — 192 с.
5. Фолкнер, У. Шум и ярость / У. Фолкнер // Собрание сочинений. — М., 1985. — Т. 1. — С. 331–572.
6. Faulkner, W. The Sound and the Fury / W. Faulkner. — URL: http://mirknig.mobi/antique_all/antique/1380717-The_sound_and_the_fury.html.
7. Towner, T. M. The Cambridge Introduction to William Faulkner / T. M. Towner. — New York, 2008. — 126 p.

Сведения об авторе

Юсупова Гузал Рашитовна — докторант первого года обучения кафедры фонетики английского языка, Самаркандский государственный институт иностранных языков. Самарканд, Узбекистан. maryamamirovna142013@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2017. No. 3 (399). Philology Sciences. Iss. 105. Pp. 132—138.

MODELING OF NARRATIVE TRANSPOSITIONS IN W. FAULKNER'S NOVEL «THE SOUND AND THE FURY»

G. R. Yusupova

Samarkand State Institute of Foreign Languages, Samarkand, Uzbekistan. maryamamirovna142013@mail.ru

This article has dealt with the peculiarities of modeling narrative transpositions in the discourse of «stream of consciousness» and their representation in the fiction on the basis of W. Faulkner's novel «The sound and the Fury». The author has researched the main means and devices which perform these transpositions and their motivation of every transition. Much attention is given to the communicative significance of all narrative transpositions simulated by W. Faulkner in the text.

Keywords: *narrative transposition, modeling, transposition of character, temporal, spatial and thematic transpositions; discourse of «stream of consciousness».*

References

1. Andreeva K.A. Kognitivnoe modelirovanie mentalnogo hudozhestvennogo prostranstva (ot avtora k chitatel'nyu) [Cognitive modeling of mental space in fiction (from the author to the reader)]. *Slovo, viskazivanie, tekst v kognitivnom, pragmaticheskom i kulturologicheskom aspektah* [Word, utterance, text: cognitive, pragmatic and cultural aspects], vol. 1. Chelyabinsk, 2008. Pp. 7–11. (In Russ.).
2. Gribanov B.T. *Folkner* [Faulkner]. Moscow, 1976. 352 p. (In Russ.).
3. Dolinin A. Prilojenie [Attachment]. *Folkner U. Shum i Jarost* [The Sound and the Fury]. Moscow, 1985. Pp. 573–590. (In Russ.).
4. Matveeva N.I. *Narrativnaya structura angloyazychnogo khudozhestvennogo diskursa: Na materiale romanov «potoka soznaniya» nachala XX veka* [The narrative structure of the English-speaking fictional discourse: based on stream of consciousness novels of the beginning of XX century]. Moscow, 2003. Available at: <http://www.disserecat.com/content/narrativnaya-struktura-angloyazychnogo-khudozhestvennogo-diskursa-na-materiale-romanov-poto>, accessed 01.03.2016. (In Russ.).
5. *Folkner U. Shum i Jarost* [The Sound and the Fury]. *Sobranie sochinenij* [Collected works]. Moscow, 1985. Pp. 331–572. (In Russ.).
6. Faulkner W. *The sound and the Fury*. Available at: http://mirknig.mobi/antique_all/antique/1380717-The_sound_and_the_fury.html, accessed 12.03.2016.
7. Towner T.M. *The Cambridge Introduction to William Faulkner*. New York, 2008. 126 p.

РЕЦЕНЗИИ

Системно-комплексные исследования динамики языкового пространства : монография / под ред. Н. Л. Мышкиной. — Пермь: Изд-во Перм. нац. исслед. политехн. ун-та, 2016. — 181 с.

Л. А. Нефедова

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Актуальность рецензируемой коллективной монографии обусловлена тем, что включенные в нее исследования по решаемым в них задачам и используемым подходам соответствуют потребностям научного сообщества в новых методах изучения и моделирования сложных противоречивых процессов, протекающих в саморазвивающихся системах, к которым принадлежит язык и в которых он функционирует.

Судя по очерченным в предисловии целям и представленным в монографии исследованиям, в ней реализуется новая парадигма, основывающаяся на междисциплинарном и межпарадигмальном синтезе методов и методик, обеспечивающая вскрытие закономерностей саморазвития и самоорганизации систем разной степени сложности. Творческое применение методологических принципов контрадиктно-синергетической теории Н. Л. Мышкиной при проведении категориального системно-комплексного анализа изменяющегося языкового пространства на разных его уровнях и в различающихся условиях функционирования обеспечило получение новых данных об объектах, выбранных авторами для изучения.

Семь разделов монографии написаны разными авторами. Их объединяет то, что, обосновывая способы решения теоретических и практических вопросов, они тем самым расширяют представления о возможных областях применения контрадиктно-синергетической теории, вносят вклад в ее развитие, а также раскрывают пути ее модификации. Есть все основания считать разрабатываемые подходы новыми и перспективными, а полученные результаты теоретически значимыми, поскольку каждый из семи разделов раскрывает оригинальный подход к решению очерченных задач, при этом проблемы, которые выдвигаются авторами на первый план, относятся к сложным и малоизученным.

Первый раздел «Интернет-коммуникация как объект научного исследования» О. А. Шевченко посвящает вопросам исследования Интернет-

коммуникации. Интерес представляет изучение коммуникативной среды Интернета в прагматическом аспекте. Автор рассматривает современное состояние коммуникативной среды Интернет, выделяет и описывает специфические черты ее организации на примере социальных сетей, блогов и иных видов общения в Интернете. Особое внимание сосредоточено на изучении особенностей микроблогов Твиттер как нового вида Интернет-коммуникации, позволяющего общаться не только простым, но и публичным людям с миллионами пользователей, создавая верифицированные аккаунты. Отмечая целенаправленность такого вида общения, автор обращается к рассмотрению особенностей организации сообщений в микроблогах Твиттер, считая необходимым представить различные взгляды ученых на понимание дискурса и микроблогового дискурса, а также гипертекста как одной из основных характеристик интернет-дискурса и микроблогового дискурса.

Во втором разделе «Категория образности как универсальная общедискурсивная категория» Е. Л. Словинова рассматривает одну из интереснейших проблем синергетических исследований. В рамках данной монографии образ как феномен выступает инструментом мышления, гносеологической единицей на границе понятийного и чувственного, способной в процессе креации с другими образами регулировать поведение человека сообразно конечной цели его деятельности. Опираясь на понимание образности в лингвистике как сущностного свойства языковых единиц, автор обосновывает тот факт, что любой тип дискурса конституирует система разноуровневых языковых средств (эксплицитных и имплицитных), способная актуализировать в смысловом пространстве чувственно-наглядные и/или понятийные образы и их взаимодействие. Тем самым Е. Л. Словинова определяет образность как неотъемлемое свойство любого дискурса и, следовательно, как общедискурсивную категорию,

универсальную, динамическую и синергетическую, то есть способную служить инструментом изучения и моделирования смыслового пространства дискурса.

Несомненной научной новизной обладает работа И. В. Звездаковой, которая избрала в качестве объекта проводимого ею исследования эзотерический смысл. В разделе «Эзотерическое как объект исследования в лингвистике» она предлагает собственную трактовку эзотерического, выделяет критерии эзотерического и излагает синерго-интерпретационную методику, которую автор применяет для анализа реализации эзотерического на уровне текста.

В разделе «Смыслоорганизующая функция функторов в художественном тексте» Я. Н. Ронжина убедительно доказывает эвристическую силу функторно-семиотической методики анализа художественного текста. Разработанная автором методика, основанная на выявлении способов реализации смыслоорганизующей функции функторов, позволяет анализировать и описывать смыслокреативные процессы в тексте, что, безусловно, говорит о теоретической и практической значимости данного исследования для разработки проблемы смысла в науке.

В разделе «Исследование категорий напряжения и напряженности» М. Н. Ельцова ведет речь о малоизученных категориях напряженности и напряжения. Изучив и сопоставив существующие научные концепции, описывающие данные категории, М. Н. Ельцова приходит к выводу об универсальности данных категорий, а также обосновывает свой взгляд на эти категории, который и предполагает принципиально новый подход к их изучению. Так, по мнению М. Н. Ельцовой, обе категории имеют лингвистический статус, представляют собой разные лингвистические категории, основная функция которых заключается в создании энергетического поля предложения, а также в формировании энергетического пространства текста. Следствием изучения особенностей энергетических категорий (напряженности и напряжения) и выделения составляющих, с помощью которых они реализу-

ются на синтаксическом и микротекстовом уровне, стала оригинальная лингво-математическая модель, позволяющая наглядно описывать реализацию категорий в динамике на уровне предложения и текста. В работе приводится алгоритм построения интегральной общей модели категорий напряжения и напряженности, при этом автором уточняется, что для каждого текста строится индивидуальная модель.

В разделе «Синергетический аспект в изучении архетипического концепта» И. А. Богданова предлагает собственный вариант синерго-интерпретационной методики для исследования синергетических процессов в смысловом пространстве архетипических концептов, функционирующих в тексте.

В разделе «Автоматическая многофакторная идентификация признаков русского слова» А. В. Гашков затрагивает проблему автоматизации анализа контекстуального значения слова. Для решения данной проблемы автор вводит понятие «нечётких признаков», необходимое для моделирования языковых единиц на морфологическом уровне, и предлагает алгоритмы анализа графического слова, парадигматического анализа и контекстуального анализа. Не менее важным достижением А. В. Гашкова считается применение понятия «нечёткие множества» для моделирования на синтаксическом уровне.

Нельзя не отметить смелость авторов в выборе исследовательского пути: опираясь на системно-комплексную, динамико-системную и синергетическую парадигму с учетом классических воззрений на рассматриваемые проблемы, ученые предлагают методологически и методически новые решения поставленных ими проблем.

Коллективная монография «Системно-комплексные исследования динамики языкового пространства» представляет несомненный научный интерес для специалистов в области прикладной лингвистики, лингвоконцептологии, лингвокультурологии, лингвистики дискурса, синергетической лингвистики, а также для тех, кто занимается изучением вопросов, обозначенных коллективом авторов.